

ЛИТЕРАТУРА

УЧЕБНИК

6

AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASININ DÖVLƏT HİMNİ

*Musiqisi Üzeyir Hacıbəylinin,
sözləri Əhməd Cavadındır.*

Azərbaycan! Azərbaycan!
Ey qəhrəman övladın şanlı Vətəni!
Səndən ötrü can verməyə cümlə hazırız!
Səndən ötrü qan tökməyə cümlə qadiriz!
Üçrəngli bayrağınla məsud yaşa!
Minlərlə can qurban oldu!
Sinən hərbə meydan oldu!
Hüququndan keçən əsgər,
Hərə bir qəhrəman oldu!

Sən olasan gülüstan,
Sənə hər an can qurban!
Sənə min bir məhəbbət
Sinəmdə tutmuş məkan!

Namusunu hifz etməyə,
Bayrağını yüksəltməyə,
Cümlə gənclər müştəqdir!
Şanlı Vətən! Şanlı Vətən!
Azərbaycan! Azərbaycan!

ГЕЙДАР АЛИЕВ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИДЕР
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА

**Гафар Гусейнов
Антонина Третьякова**

ЛИТЕРАТУРА

6

УЧЕБНИК
по предмету Литература для 6-го класса
общеобразовательных школ

Замечания и предложения, связанные
с этим изданием, просим отправлять на электронные
адреса: yndm21@day.az и derslik@edu.gov.az.
Заранее благодарим за сотрудничество!

БАКУ – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Значение художественной литературы в жизни человека	6
Понятие о фольклоре и его видах	7
Мифы	8
“Миф о Прометее”.	10
“Как землю сотворили”	15
Предания.	17
“Жадная гагара”.	17
“Предание о любящих супругах”	18
Предания о Коране	19
Азербайджанские предания	
а) “Искендер и пророк”.	20
б) “Баку и Сабаэльский хан”.	21
в) “Бибиэйбат”.	22
А.С. Пушкин. “Песнь о вещем Олеге”	23
Развитие понятия о родах и жанрах литературы.	27
Сказки	28
“Сирота Ибрагим и жадный лавочник”.	31
А.С. Пушкин. “Сказка о попе и о работнике его Балде”.	41
П.П. Бажов. “Каменный цветок”.	47
Понятие о дастане.	68
“Кёроглу”.	68
Развитие понятия о басне и аллегории	76
Эзоп. “Орёл и лисица”	76
Жан Де Лафонтен. “Лягушка и вол”	78
Низами Гянджеви. “Нуширеван и беседа сов”	79
И.А. Крылов “Волк на псарне” “Квартет”.	81
Стихосложение	85
Стихи о природе и родине	
М.Ю. Лермонтов. “Тучи”, “Парус”, “На севере диком...”	88
Н.А. Некрасов “Железная дорога”	90
“Размышления у парадного подъезда”	90
Н.А. Некрасов. “Крестьянские дети”	92
С. Вургун. “Горы”	94
Н.А. Заболоцкий. “Я воспитан природой суровой...”	96
Н.М. Рубцов. “Тихая моя родина”	98
Развитие понятия об изобразительно- выразительных средствах	100
Расул Рза. “Карабах”.	103
О.О. Сулейменов. “Вы меня любите, горы?”	105

Развитие понятия о рассказе	106
Талант и самомнение	
Б.Ш. Окуджава. “Гений”	107
С.Д. Кржижановский. “Гусь”	110
М.М. Зощенко. “Крестьянский самородок”	113
Воспитание трудом и добротой	
Е.А. Пермяк. “Тайна цены”	116
К.Г. Паустовский. “Золотая роза”	121
С.С. Ахундов. “Нуреддин”	131
В.Г. Распутин. “Уроки французского”	146
Война и её герои	
А.Н. Толстой. “Русский характер”	173
Э. Мамедханлы. “Ледяная статуя”.	183
Трудное детство	
Л.Н. Толстой. “Солдаткино житьё”.	187
Д. Джаббарлы. “Диляра”	193
Рассказы о разном	
Л.Н. Толстой. “Рассказ аэронавта”	198
А.П. Чехов. “Лошадиная фамилия”.	201
Р. Бредбери. “Звук бегущих ног”	205
А.С. Грин. “Вперёд и назад”	212
А. Шаик. “Письмо не дошло”	220
Стихотворение в прозе	226
Стихотворения о родном языке	
И.С. Тургенев. “Русский язык”.	226
Гюльгусейн Гусейноглы. “Азербайджанский язык” . .	227
Р.Г. Гамзатов. “Родной язык”.	228
Г. Леонидзе. “Грузинский язык”.	231

Условные обозначения

– теория

– запомни

– улыбнись

– реши кроссворд

– это интересно знать

НАЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Нас учат разуму слова –
Людей объединило слово.

Шах Исмаил Хатаи

Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, а можно и разъединить, оно может служить любви, а может способствовать разжиганию вражды и ненависти. Слово может стать чудом, живой водой, но может обернуться сухим, скрюченным листом или ужалить змеей...

Литература – это искусство слова.

Живописец, создавая картины, непосредственно изображает только видимое глазу. А поэты и писатели посредством слов вызывают в воображении читателей живые представления как о внешнем, окружающем человека мире, так и о внутреннем. Ещё великий Низами Гянджеви, отдавая дань Слову, писал:

В час, как начал надзвёздный свои начертанья калам,
С первой буквы о слове он начал рассказывать нам.
В час, как с тайны предвечной упали тумана покровы,
Стало первым явленьем – сиянье великого слова.
Слово в сердце проникло, к неведомой жизни спеша,
В глину вольное тело вместить пожелала душа.
И небесный калам¹, золотые сплетая узоры,
Мудрым словом раскрыл мировому познанию взоры.
Если б не было слова, то кто бы о мире сказал?
Слов поток развернулся: всезнающий, не был он мал.

Художественная литература – один из основных видов искусства, где всесторонне изображаются деяния человека. Человек на протяжении многовековой истории литературы всегда был в центре изображения. Не случаен тот факт, что М. Горький называл литературу человековедением.

В литературе часто воссоздаются картины природы, и природа во всей своей красе порой противостоит человеку, чтобы оттенить характеры, судьбы, поступки людей, служит делу воспитания, а иногда даже перевоспитания.

¹ *Небесный калам* – перо Бога.

Человек — часть природы, и он не должен быть к ней равнодушен, не должен грубо вторгаться в жизнь природы и нарушать её покой и гармонию.

Человек всё равно является основным объектом изображения в литературе. Его жизнь, борьба за справедливость, умение выживать в экстремальных условиях и при этом сохранять всё человеческое — вот главные критерии, которые определяют литературу как человековедение.

Много интересного и полезного можно узнать, читая художественную литературу. Произведения, с которыми вы познакомитесь в этом году, раскроют перед вами новые горизонты, научат разбираться в различных ситуациях и правильно оценивать человеческие поступки.

Вопросы и задания

- 1. Как вы поняли слова Низами?*
- 2. Почему М.Горький назвал литературу человековедением?*
- 3. Приведите примеры из жизни или из художественной литературы, в которых нашли отражение поступки людей, достойные подражания.*
- 4. Сделайте вывод о роли слова, о значении художественной литературы в жизни человека.*

ПОНЯТИЕ О ФОЛЬКЛОРЕ И ЕГО ВИДАХ

Ты уже знаешь, что прежде чем возникла литература, появились произведения устного народного творчества — **фольклор**. Вспомни, что означает это слово.

В фольклоре, в народном поэтическом творчестве и берёт своё начало литература. Некоторые жанры фольклора ты уже знаешь. В этом году мы вспомним некоторые из них, прочитаем другие произведения этих жанров и узнаем новые жанры. Например, прочитаем мифы и предания, сказки и дастаны.

Древнейшими фольклорными жанрами являются предания, трудовые и обрядовые песни. Сказки, исторические эпические песни и баллады возникли позднее.

Со временем некоторые виды фольклора ушли в прошлое, другие же, напротив, сохранились и развиваются. К ним относятся песни, романсы, сказки.

МИФЫ

В греческом языке слово **миф** (mythos) означает сказание, повествование. В мифах отразились представления древних людей о происхождении мира и человека, о различных явлениях природы. Из рассказанного в мифах возникает картина мира, какой она представлялась людям в далёком прошлом.

Героями мифов выступали боги и люди. Боги изображались похожими на людей, а люди уподоблялись богам. Чертами живых существ наделялись моря и реки, солнце и луна, облака и звёзды, горы и земля.

С течением времени на смену мифологической картине мира приходили представления, основанные на научном знании, на результатах изучения явлений природы. Многие, казавшиеся ранее таинственным, было научно объяснено. Стало очевидным, что природа состоит не из волшебных и демонических сил, а из материальных стихий (земли, воздуха, воды, огня). Мифологические представления сменялись научными, но мифы не исчезали. Они продолжали свою жизнь в литературе.

Одними из древнейших мифов были мифы Древней Греции.

Мифы Древней Греции

Легенды и предания, сложенные древними греками, создавались в те далёкие времена, когда люди только начинали вглядываться в окружающий их мир, только приступали к его исследованию и объяснению.

Одну за другой, мешая правду и вымысел, придумывали они и рассказывали друг другу удивительные истории о том, как возник мир и что его наполняет; о том, почему по бурному морю бегут белые барашки – волны; о том, почему люди бывают то смелыми и мудрыми, то глупыми и трусливыми, или о том, откуда берётся эхо в лесу, точно повторяющее в тишине каждое громко сказанное слово.

Герои древних мифов – это Прометей, Зевс, Ахилл, Геракл и многие другие. Обращение к ним связано с поисками ответа на вечные вопросы, которые всегда волновали и продолжают волновать людей: о добре и зле, любви и долге, о том, что такое мудрость и в чём состоит героизм, что порождает вражду и войны и как их устранить из жизни людей, как лучше использовать власть, которой наделён правитель.

Мифы есть у каждого народа. С некоторыми из них ты познакомишься в этом году.

Вопросы и задания

1. Какие жанры фольклора ты знаешь?
2. Назови древнейшие жанры фольклора.
3. Что такое миф? Какие из них являются древнейшими?
4. Назови героев древнегреческих мифов.
5. Какие вопросы, волновавшие древних людей, отразились в мифах?
6. Найди ошибки в кластере.

МИФ О ПРОМЕТЕЕ¹

Было время, когда на земле не существовало человека и только одни животные населяли её. Море было полно рыб, радостное щебетание птиц каждый раз наполняло воздух перед появлением утренней зари, рычание и рёв различных животных только по ночам переставали оглашать лесные чащи. И не доставало только одного – человека.

И вот титан² Прометей, потомок древнего рода богов, низвергнутых некогда Зевсом с Олимпа, спустился однажды на дикую, покрытую буйной зеленью землю. Он знал, что в земной почве погребены семена неба, и захотел оживить их. Взявши кусок сырой глины, он создал из неё форму, похожую на образы прекрасных богов. Чтобы оживить этот, пока ещё безжизненный кусок глины, он взял у животных их злые и добрые чувства и вложил их в грудь своего творения. Афина Паллада, богиня мудрости, вдохнула в него душу. Так произошли первые люди.

Долгое время они были жалки и слабы, как маленькие дети, они не умели двигать своими членами, божественная искра, вложенная в них, тухла, не освещая ничего в темноте, окружавшей их. Они открывали глаза, но не могли ничего разглядеть, звуки достигали их уха, но ничего не говорили им, и так жили они, бесцельно бродя по земле, как погруженные в глубокий сон. Ремёсла и искусства были неизвестны им: они не умели обтесать палку или камень, не умели построить хотя бы самую плохонькую хижину, не умели обжечь черепицу или слепить горшок. Для них не существовало ни весны, ни зимы, ибо³ не умели они отличить одну от другой, и не было никакого порядка и смысла в том, что они делали. Как муравьи, бегали они, слабые и жалкие, по земле, постоянно сталкиваясь друг с другом. Но Прометей любил их горячей любовью творца к своему созданию и ни на минуту не оставлял без помощи. Он постепенно научил их строить жилища, впрягать в ярмо животных, переплывать на лодках моря и реки. Он научил их также искусству считать и наблюдать за движением небесных светил. Никто из людей не знал, какая пища полезна и какая вредна, он научил их отличать полезное от вредного и вместе с тем показал им несколько целебных трав, из которых можно было делать лекарство. Он открыл им свойства золота, железа

¹ *Прометей* – титан; его имя означает “мыслящий прежде”, “предвидящий”, а имя его брата Эпиметей означало “думающий после”.

² *Титан* – в древнегреческой мифологии бог второго поколения, дети Урана (неба) и Геи (земли). Титаны - это шесть братьев и шесть сестёр - титанид, породивших новое поколение богов, в т.ч. и Прометея.

³ *Членами* – верхними и нижними конечностями (руками, ногами).

⁴ *Ибо* – потому что.

и серебра и научил находить их. Словом, он ухаживал за ними, как за детьми, и постепенно учил их всему.

На небе царствовал в то время со своими детьми Зевс, незадолго до этого свергнувший своего отца Кроноса и старый род богов, к которому принадлежал Прометей. Молодые боги с удивлением и любопытством смотрели на вновь появившихся обитателей земли. Заинтересованные, они стали покровительствовать им, но за это потребовали, чтобы те воздавали им почести и поклонялись им. Желая точно определить права и обязанности людей, боги собрались на совет, на котором должны были присутствовать и смертные. Туда явился и Прометей, боявшийся, что боги возложат слишком много тяжёлого труда на слабый человеческий род и слишком мало радостей дадут ему. И весь свой ум, всю свою хитрость употребил титан на то, чтобы перехитрить богов и оградить людей от чрезмерных посягательств с их стороны. На совет был приведён бык, чтобы боги выбрали те части его, которые человек должен был приносить им в жертву. Прометей заколол быка и, разделив его на части, сложил их в две кучи. Одна куча, меньшая, заключала в себе мясо и вкусные съедобные внутренности, сверху же она была прикрыта кожей и никуда негодными частями быка. В другую кучу, большую по размерам, Прометей сложил кости, но снаружи красиво покрыл их слоем жира. Всевидящий Зевс проник в обман и со смехом сказал титану:

— Однако ты очень неровно разделил быка!

— Всемогущий Зевс! — с хитрой улыбкой возразил Прометей, — выбирай ту часть, которая наиболее угодна твоему сердцу! Зевс был разгневан его хитростью, но умышленно выбрал большую кучу. Сдёрнувши слой жира, покрывавший её, и найдя под ним кости, он грозно взглянул на титана и с гневом произнёс, обращаясь к нему:

— Однако, сын Япета, теперь я хорошо вижу, что большой ты искусник обманывать и хитрить!

И месть громовержца не замедлила обрушиться на головы людей, ради которых старался титан. Он отказал им в том даре, который теперь более всего был необходим им. Он не дал им огня. Тогда на помощь вновь явился Прометей. Гнев Зевса не испугал его, и он, полный любви к людям, решился ещё раз стать на защиту их против богов. Тайно похитил он с небес искру священного огня и в тростнике принёс её людям. И вот на земле запылал первый кусок дерева, и яркое согревающее пламя взвилось к небу. Яростный гнев охватил Зевса, когда увидел он подымающийся с земли столб дыма, и страшную кару придумал он для людей и их защитника-титана. Искусный

Гефест по его приказанию выковал для него статую прекрасной девушки. Афина покрыла её блестящим покрывалом и вдохнула в её грудь дыхание жизни. Афродита¹ наделила её божественной красотой, а Гермес² дал ей дар слова. Ей дали имя Пандора, что значит "всем одарённая", и Зевс послал её на землю. При этом он вручил ей золотой ящик, в котором были заключены все несчастья и болезни, терзавшие когда-либо людей. Пандора спустилась на землю и, бесцельно бродя по ней, скоро достигла жилища юного Эпиметея, брата Прометея.

Титан, боясь мести богов, запретил ему принимать от них какие-либо дары, но, когда юная прекрасная Пандора появилась со своим золотым ящиком на пороге его хижины, он забыл все наставления брата и радостно встретил её. По просьбе Эпиметея Пандора раскрыла принесённый ящик, и сонм³ заключённых там несчастий мгновенно распространился по всей земле. На самом дне сосуда была заключена надежда, согревающая в минуты скорби сердца людей, но Пандора, по знаку громовержца, захлопнула крышку, не дав ей вылететь. И всякие бедствия быстро наполнили землю. Болезни стали днём и ночью носиться среди людей, поражая и мучая их. И никто не слышал их приближения, ибо Зевс не дал им голоса, и они беззвучно скользили по земле. Жестокие, изнуряющие тело лихорадки появились повсюду, и холодное дыхание смерти, медленно облетающей землю, стало уносить тысячи жертв...

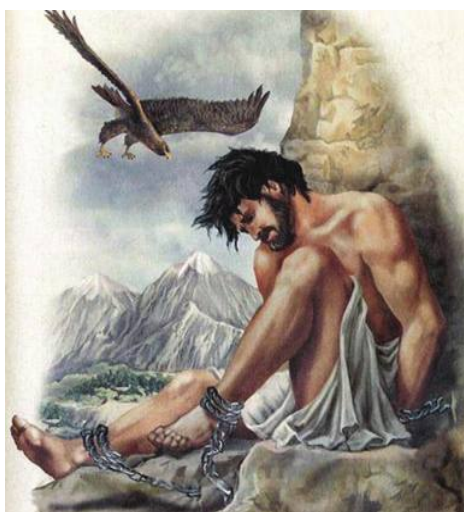
С глубокой горечью и болью глядел на эти бедствия титан, и его гордое непокорное сердце измышляло новые планы мести богам. Но Зевс не забыл его, и скоро гнев громовержца обрушился и на Прометея. Он передал упрямца богу огня Гефесту, по приказанию Зевса, Гефест крепкими цепями приковал титана к кавказской скале и, кроме того, пригвоздил к ней алмазным клином, вбив его в грудь Прометея. С неохотой

¹ *Афродита* – рождённая из пены богиня красоты и любви.

² *Гермес* – бог торговли, путешественников.

³ *Сонм* – собрание, сбор.

и против воли выполнял Гефест поручение Зевса, но не смел он ослушаться всемогущего бога. В гордом молчании выносил Прометей ужасную мучительную боль, и только, когда удалился Гефест, громкие стоны огласили воздух... Его мать, Фемида¹, пришла к страдальцу и, утешая его, советовала смириться перед всемогущим Зевсом. Она предрекала новые казни, которые готовил громовержец, но титан с гордостью отверг её предложение.

– Должна свершиться воля Судьбы, – говорил он, – и муж, познавший силу необходимости, не будет бежать её!

А Зевс уже насылал на него новую казнь. Могучий орёл громовержца спускался к страдальцу и, разрывая когтями его тело, начал клевать его печень. Громкие стоны титана пронеслись над землей, заставляя содрогаться всех, кто их слышал. Сделав своё кровавое дело, птица улетала, но только для того, чтобы вернуться вновь. Растерзанная печень быстро вырастала вновь, и на третий день орёл снова спускался с небес и снова терзал зажившее тело. И так пронеслись тысячелетия... Но вот поток идущих времён принёс с собой и освобождение. К скале титана пришел величайший герой древности, Геракл². Своей, не знающей промаха, стрелой он убил ужасную птицу в ту минуту, когда она спустилась к скале: ударами палицы³ он разбил оковы, и они со звоном пали к ногам страдальца. Одно звено цепи с куском скалы осталось на руке Прометея, и он никогда не сможет освободиться от него. Ибо должна сбыться непреклонная воля Зевса, решившего, что Прометей будет вечно связан неразрывной цепью со скалой Кавказа. И люди в память об этом до наших дней носят на руках кольца с камнями.

¹ **Фемида** – богиня правосудия, мать Прометея, вторая жена Зевса.

² **Геракл (Геркулес)** – герой, сын Зевса, совершивший 12 подвигов. По разрешению Зевса освободил Прометея.

³ **Палица** – тяжёлая дубина с утолщённым концом, употребляемая как оружие.

Вопросы и задания

1. В прошлом году ты прочитал “Похищение огня” Симона Маркиша. Вспомни его содержание и сравни с прочитанным древнегреческим мифом.

2. Нашёл ли ты что-нибудь общее в этих произведениях?

3. Почему С. Маркиш дал своему произведению подзаголовок “Древнегреческий миф”?

4. Что ты узнал о названных в мифе богах и богинях?

5. Какой вывод о характере Зевса можно сделать из содержания мифа?

6. Были ли сторонники у Прометея?

7. “Ящик Пандоры” – это фразеологизм. Как ты думаешь, что он означает? Докажи своё мнение цитатами из текста.

8. Разгадай кроссворд.

1. Душу в творение Прометея вдохнула

2. Кроноса, отца Зевса, сверг

3. Статую девушки по приказу Зевса выковал

4. На самом дне сосуда, посланного по приказу

богом Олимпа, находилась

5. Эту статую называли

6. Дар слова девушке дал

7. Божественной красотой девушку наделила

8. Зевс вручил Пандоре

1							
2							
3							
4							
5							
6							
7							
8							

КАК ЗЕМЛЮ СОТВОРИЛИ (Удмуртский миф о сотворении земли)

Это было так давно, что даже никто не помнит, когда это было. Ни земли, ни людей на всём свете – только небо, вода и солнце. На небе жил хозяин неба *Инмар*. Само его имя состоит из слов “ин” и “мар”. Всякий, кто научится понимать удмуртский язык, узнает в “ин” – небо, а в “мар” – что. То, что в небе, и есть *Инмар*.

А в воде жил *Вукузё*¹. Небо было чистое-чистое, как снег, белое-белое, как берёза. Оно висело так близко к воде, что *Инмар*, спускаясь, черпал воду золотым ковшом с длинной ручкой и поливал облака, чтоб они не высыхали от солнца. Заботы не ведал хозяин неба. И *Вукузё* никакой работы не знал, только и делал, что целыми днями сушил свою зелёную бороду: вешал конец бороды на облако, а сам ложился на воду и лежал себе, подрёмывая.

Хотя борода *Вукузё* была длиннее, *Инмар* считался у них старше, а потому хозяин воды должен был повиноваться ему. Так и жили они много веков по соседству. Один пас облака, другой – бороду сушил да воду время от времени мутил.

Однажды взгрустнулось *Инмару*, и пришло ему на ум переменить занятие. Он повесил ковш на любимое облако, которое всегда под рукой держал, снял бороду *Вукузё* с облака и велел тому нырнуть поглубже – достать земли со дна.

Не понравилось *Вукузё*, что *Инмар* помешал ему бороду досушить и на солнце погреться вволю, а перечить старшему не посмел. Послушаться – послушался, но обиду затаил. “Ишь, раз он *Инмар* агай², то и понукает! – думал он, опускаясь на дно. – Достань ему земли да ещё до крупинки отдай. Ему – всё, а мне, выну³, – ничего?” Взял он две пригоршни со дна и, чтобы утаить от *Инмара*, часть земли положил за щеку и вынырнул.

Инмар бережно принял доставленную землю, положил на ладонь, разровнял, дождался, когда она подсохнет, а потом начал сдувать её во все четыре стороны. Упав на воду, согретая солнцем и дыханием *Инмара*, земля стала разбухать и расти-разрастаться. Её становилось всё больше и больше, столько, что конца-краю не видать. Хотя и далеко видно было: земля-то получилась гладкая-гладкая, как сковорода, – ни гор, ни холмов, ни оврагов, ни болот.

¹ *Вукузё* – хозяин воды.

² *Агай* (удмурт.) – старший брат.

³ *Выну* (удмурт.) – младший брат.

Стала разбухать и та земля, что Вукузё припрятал за щекой. Росла, росла – вот-вот голову разнесёт. Так бы и вышло, наверное, не догадайся Вукузё плюнуть, что есть силы. И разлетелась та земля в разные стороны, упала на ровную землю Инмара горами да болотами, кочками да оврагами. Не схитри, не ослушайся Вукузё Инмара, земля досталась бы людям совершенно ровная – без возвышенностей и низин, без гор и болот.

Инмар, довольный совершением нечаянной задумки, даже не заметил перемены, что случилась с землёй из-за Вукузё. Он уже принялся за привычное занятие: стал перегонять облака с места на место. Только заметил, плохо они взбиваются, мало кучерявятся, пришло, знать время полить их водицей. Взял Инмар ковш с длинной ручкой, отогнал облака, чтоб не мешали черпать воду. Только тут и увидел, что случилось с землей, только тут и понял, отчего облака стали мятые и рваные: горы царапали им брюхо, мяли и разрывали их. “Ну, бездельник, ну, лежебока! Погоди же!” – рассердился впервые Инмар. Оставил все дела и стал думать, как раз и навсегда проучить Вукузё, чтоб неповадно было самовольничать.

Вопросы и задания

- 1. Какой миф заинтересовал тебя больше всего?*
- 2. Слышал ли ты другие мифы о сотворении Земли? Поделись этим с одноклассниками.*
- 3. Понравилось ли тебе, как объясняется значение имени хозяина Неба и его родственника?*
- 4. Прочитай мифы других народов. Что общего в них можно выявить? А чем они отличаются? Попроси старших, чтобы они помогли тебе.*

ПРЕДАНИЯ

Ты уже знаешь, что такое предание. Это жанр фольклора, в котором рассказывается об исторических событиях или лицах, а также повествуется о возникновении поселений, городов, сёл, морей, рек, их названий и т. д.

Например, предание “Волга и Кама”, которое ты изучил в пятом классе, повествует о том, почему Кама стала впадать в Волгу.

Предания можно разделить на несколько тематических групп в зависимости от их содержания. Предания об исторических лицах называются *историческими преданиями* или *сказаниями*. Предания о героях называются *героическими*, о языческих божествах – *мифическими*, о религиозном служении и подвижничестве¹ – *легендарными*. Предания объединяются в циклы, которые являются богатыми источниками фольклорной мудрости и поэзии. Эти циклы получают названия в зависимости от темы или по национальной принадлежности: предания о Коране, предания об Александре Македонском, азербайджанские предания...

ЖАДНАЯ ГАГАРА

(Русское предание)

В давние, стародавние времена море разлилось так широко, что земли оставалось совсем мало. Тесно стало жить не только зверям, но и птицам. Попросили птицы свою сестру гагару достать со дна морского песок, чтобы сделать остров. Хотели они на том острове свои гнездовья вить и детей выводить.

– Ты, гагара, ныряешь в море, как рыба, и можешь в воде пробыть час и больше. Для тебя это небольшой труд – достать песок.

Согласилась гагара и нырнула на дно моря. Пробыла она там час, достала песок. А когда всплыла, стало жалко песок отдавать. Решила она сделать остров только для себя.

И не отдала гагара птицам песок.

Обиделись птицы на жадную гагару. Устроили ей суд и присудили никогда ей не ходить по суше.

С тех пор гагара не умеет не только ходить, но и стоять на земле, а только ползает – всю жизнь проводит в воде и ревёт так громко, что далеко в тундре слышно.

¹ *Подвижничество* – способность к самопожертвованию ради высокой цели.

Вопросы и задания

1. О чём рассказывается в этом предании?
2. Почему птицы обиделись на гагару?
3. Удалось ли им наказать её?
4. Для чего нужен был остров птицам?
5. Наказано ли зло в этом предании?

ПРЕДАНИЕ О ЛЮБЯЩИХ СУПРУГАХ (Японское предание)

Жил в старину юноша. Только он женился, как сразу же взяли его неожиданно в вестовые¹ (хаюма-дзукай) и послали на дальнюю границу. Пока продолжалась служба, ему не полагались свидания. А время шло, и молодая жена, тоскуя о нём и печалься, заболела и слегла.

Спустя несколько лет его служба окончилась, и он вернулся в родные края. Сразу же явился он домой. И когда взглянули они друг на друга, увидел он, что вся извелась она без него, совсем не похожа стала на себя и от слабости не может слова сказать.

И тогда, в печали и горе, проливая слёзы, он сложил песню и прочёл её жене.

Вот эта песня:

Вот так и бывает

В жизни!

А я думал: чем дальше, тем глубже

Будет дно² у реки Инагава³,

Тем прочнее будет счастье...

А жена его лежала в постели, но, услышав песню своего любимого мужа, она приподняла с подушки голову и тут же ответила ему.

Вот её песня:

Словно чёрные ягоды тута,

Чёрный волос твой влажен,

И хоть падает снег, словно белая пена,

И бушует метель, ты пришёл, мой любимый,

Не напрасно тебя я так сильно любила!

¹ **Вестовыми** (хаюма-дзукай) назывались посыльные для срочных поручений, разъезжающие обычно на коне по дальним провинциям. Шли на эту работу в те времена в порядке государственной повинности.

² Первая песня написана в аллегорическом (иносказательном) плане. “Я думал, чем дальше, тем глубже дно”, т. е. чем дольше разлука, тем сильнее мы будем любить друг друга и долго будем счастливы вместе.

³ **Инагава** – река в провинции Сэтцу. О ней поётся и в других песнях.

Вопросы и задания

1. Прочитай внимательно песни из предания. Чем они тебя заинтересовали?

2. Какое из примечаний оказалось не совсем полным или понятным? Попроси учителя прокомментировать его ещё раз.

3. Какое из преданий ты выбрал бы для пересказа? Объясни свой выбор.

4. Найди побольше информации о Японии. Подготовь сообщение на эту тему.

5. Прочитай своим родителям песни из предания. Узнай, слышали ли они их раньше.

6. Слышал ли ты о японских хокку? Подготовь сообщение об этих трёхстишиях, если они тебя заинтересовали.

7. Найди и прочитай предания других народов.

ПРЕДАНИЯ О КОРАНЕ

* Посланник Аллаха (да благословит Аллах его и род его!) изволил сказать: “Я оставляю вам две вещи. Если вы обратитесь к ним, то после моей смерти никогда не впадёте в заблуждение. Одна из этих вещей ценнее другой. Это Книга Аллаха, которая протянулась от небес к земле подобно нити. Вторая вещь – моё семейство – Ахл аль бейт. Знайте, что эти две ценные вещи неотделимы друг от друга, пока не соединятся со мной рядом у райского источника Каусар”.

* Посланник Аллаха (да благословит Аллах его и род его!) изволил сказать: “Воспитывайте в своих детях три качества: любовь к вашему Пророку (да благословит Аллах его и род его!), к его семейству – Ахл аль бейт и чтению Корана”.

* Посланник Аллаха (да благословит Аллах его и род его!) изволил сказать: “Когда несчастья окружают тебя подобно тёмной ночи, обратись к Корану, ибо это посредник, чьё заступничество принимается. Он рассказывает о людских пороках. Тому, кто ему следует, он укажет путь на небеса; тот же, кто отвергает его, попадает в ад. Коран – это наилучший проводник по вернейшему пути. Эта Книга содержит полезные пояснения, предписания и указания путей достижения цели. Он помогает отличать добро от зла”.

Вопросы и задания

1. Что ты знаешь о священной книге Коран?
2. Прочитай внимательно предания о Коране и объясни, что нового ты узнал.
3. Арабский язык называют языком науки. Найди информацию, подтверждающую эту мысль. Попроси родителей помочь тебе в этом.

Азербайджанские предания

ИСКЕНДЕР¹ И ПРОРОК

В один прекрасный день Повелитель мира Искендер со своим войском отправился в царство тьмы за живой водой. Поход этот оказался длительным. И несмотря на то, что войско подверглось тысячам лишений и страданий, Искендер и не думал поворачивать назад. По дороге к ним присоединился некий благообразный старец, который понравился Искендеру. Позвав его к себе, он спросил:

— О, старец, ну-ка скажи, кто ты, как тебя зовут, куда путь держишь?

Благообразный старец ответил:

— О великий Искендер, моё имя Хызыр, я старый человек, долгую жизнь прожил. И теперь устал. Хочу пойти в царство тьмы испить живой воды. Может, эта вода избавит меня от старости.

Искендер сказал:

— И я тоже направляюсь в царство тьмы. Говорят, испив живой воды, человек становится молодым и бессмертным. Вижу я, что у нас одна дорога, и к тому же ты мне очень нравишься. Отважный ты. Садись на моего коня, скачи вперёд и ищи. Если найдёшь живую воду в царстве тьмы, подождёшь меня и укажешь мне дорогу.

Сев на коня Искендера, Хызыр умчался в сторону царства тьмы. Поплутав там некоторое время, он нашёл наконец родник, и, испив живой воды, обрёл бессмертие. После этого он уселся у родника и стал ждать Искендера, чтоб исполнить своё обещание и показать ему место родника. Но не успел Хызыр ещё и сесть, а родника и след простыл. Словно его и не было.

Призадумавшись над этим, Хызыр понял, что Искендеру не надо пить живой воды.

¹ *Искендер* – Александр Македонский. С ним связано много преданий у разных народов.

Не зная, как быть и что ответить Искендеру, пророк Хызыр решил исчезнуть. Больше он никогда не показывался на глаза Искендеру.

Вопросы и задания

- 1. С какой целью Искендер отправился в царство тьмы?*
- 2. Почему Искендера не остановили трудности пути?*
- 3. Пророк Хызыр испил живой воды, а Искендеру не дано было выпить её. Как ты думаешь, почему?*
- 4. Узнай из Интернета факты жизни великого Александра Македонского. Что сделало его великим?*
- 5. Что связывает предание о живой воде с русскими сказками?*

БАКУ И САБАЭЛЬСКИЙ ХАН

Бакинский хан терпел большие убытки от Сабаэльского хана. В те времена Сабаэль соединял в себе с одной стороны Баил, с другой стороны Наргин, а с третьей — Зых. Подвластные Сабаэльскому хану люди были рыцарями, не знающими, что такое страх. Они часто нападали на Бакинское ханство и уходили, ограбив его жителей. Собрав вокруг себя знатных и мудрых людей, Бакинский хан стал спрашивать у них совета, как избавиться от этих завоевателей. После длительных раздумий они посоветовали Бакинскому хану породниться с Сабаэльским ханом, женив своего сына на его дочери.

Бакинский хан направил к Сабаэльскому хану несколько людей с дорогими подарками. Тот, выслушав неожиданное предложение послов, гневно ответил, что скорее пропадут Наргин и Баил вместе с Зыхом, чем он выдаст свою дочь за сына Бакинского хана. Сваты вернулись ни с чем. А ночью поднялась буря, разбушевалось, становясь на дыбы, море Гузгун, погрузились под воду Зых, Баил и Наргин, и мало кто из людей спасся от гибели. После этого происшествия Сабаэльский хан попросил покровительства у Бакинского хана и принял его предложение.

Вопросы и задания

- 1. Почему Сабаэльский хан не хотел породниться с Бакинским ханом?*
- 2. Что вынудило его признать верховенство Бакинского хана?*
- 3. Какие известные районы Баку были под властью Сабаэльского хана?*

- 4. Сохранились ли эти названия в современном Баку?*
5. Как ты думаешь, связано ли название одного из районов нашего города с Сабазьским ханом?

БИБИЭЙБАТ

Сказывают, что некогда две девушки из Ирана прибыли в селение Ших на судне человека по имени Эйбат. Этих девушек Эйбат называл Биби. Вскоре к Биби на том же судне Эйбата прибыли ещё сорок девушек. Все чтители и уважали их, шли к ним на поклонение, потому что они были верующими и благочестивыми.

Прошло некоторое время, и все девушки умерли. Эйбат построил над их могилами святилище. Когда он умер, его тоже похоронили рядом с девушками. Таким образом, это место стало называться Бибиэйбат¹.

Вопросы и задания

- 1. Определи, к какой группе относятся эти предания? Докажи свою точку зрения. Объясни одноклассникам свой выбор.*
- 2. Что нового для себя ты узнал из этих преданий? Чему они научили тебя?*
- 3. Попроси родителей рассказать какое-нибудь предание.*
- 4. Какое из преданий тебе понравилось больше и почему?*
- 5. Составь кластер по азербайджанским преданиям, используя только правильные ответы.*

Многие мифы, предания и легенды легли в основу художественных произведений. Это доказывает неразрывную связь литературы с фольклором.

Например, некоторые предания об Александре Македонском Низами Гянджеви включил в поэму “Искендер-наме”.

А теперь прочитай произведение А.С. Пушкина “Песнь о вещем Олеге.”

¹ **Бибиэйбат** – сейчас это одна из самых красивых и больших мечетей в Баку.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

(1799 – 1837)

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий¹ Олег²
Отмстить неразумным хазарам,
Их сёлы и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской³ броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник⁴,
Покорный Перуну⁵ старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы⁶ не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле,
Но вижу твой жребий на светлом челе.

¹ *Вещий* – способный предвидеть, предсказать будущее.

² *Олег* – русский князь X века, его считают основателем Киевской Руси.

³ *Цареградская* – от Царьграда, так на Руси в IX-X веках называли Константинополь, столицу Византии, которую осадили войска князя Олега, в результате чего греки заключили мирный договор в пользу русских. В знак победы над Царьградом Олег повесил свой щит на воротах этого города.

⁴ *Кудесник* – волшебник.

⁵ *Перун* – славянский главный Бог, Бог грозы и грома.

⁶ *Волхвы* – предсказатели.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю¹ слава – отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда:
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча² ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего»

Олег усмехнулся – однако *чело*³
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;

И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся – да помни меня.
Вы, отроки⁴-друзи, возьмите коня.

Покройте попоной⁵, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конём отошли,
И князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

¹ *Воитель* – победитель, завоеватель.

² *Сеча* – битва, бой.

³ *Чело* – лоб.

⁴ *Отрок* – 1. Мальчик-подросток от 7 лет до 14 лет.

2. В древней Руси - младший член дружины. Здесь слово употреблено во 2-м значении.

⁵ *Попона* – покрывало для лошадей и собак.

А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый¹?
Здоров ли? всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть² бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь³ и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне⁴, уже недалёкой,
Не ты под секирой ковыль⁵ обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала:
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга⁶ на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

¹ *Ретивый* — (разг.) усердный, старательный, живой.

² *Презреть* — пренебречь чем-нибудь, посчитать недостойным внимания.

³ *Игорь* — князь, который правил Киевской Русью. Его отец Рюрик оставил перед смертью малолетнего сына на попечение князя Олега.

⁴ *Тризна* — у древних славян обрядовые действия и поминки в память умершего.

⁵ *Ковыль* — степная трава.

⁶ *Ольга* — русская княгиня, правившая Киевской Русью, приняла христианство до крещения Руси.

Великий русский поэт А. С. Пушкин родился в Москве. Его прадедом был Абрам Петрович Ганнибал, сын эфиопского князя, любимец Петра I. В доме Пушкиных была огромная библиотека. С детства будущий поэт был знаком с лучшими поэтами и писателями: Н.М.Карамзиным, В.А.Жуковским...

Воспитывали маленького Сашу французские гувернёры, поэтому за отличное владение французским языком его в Царскосельском лицее прозвали “французом”. Саша много читал и ещё в детстве хорошо знал не только французскую литературу, но и произведения русских авторов от М. В. Ломоносова до В. А. Жуковского. Свои первые стихи Саша Пушкин написал в пять лет, попробовав впервые арбуз.

Вот эти стихи:

Сашино пузо
Просит арбуза.

Вопросы и задания

1. Какую судьбу предсказал кудесник Олегу?

2. Что переживает Олег, услышав предсказание кудесника?

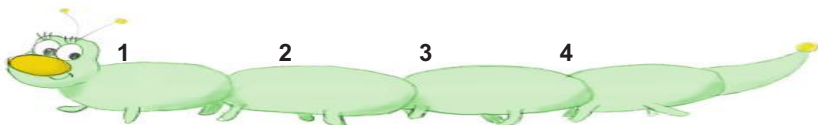
Подтверди свою мысль словами из текста.

3. Как относится Олег к своему коню?

4. Вспомни, что такое изобразительно-выразительные средства языка. Какие тропы тебе встретились в тексте? Приведи примеры.

5. Расскажи, что ты знаешь о легендах? С какими ещё фольклорными жанрами ты познакомился?

6. Разгадай кроссворд. Укажи обобщающее слово, объединяющее эти жанры.

1) Устное народное творчество (8 букв).

2) Этот жанр переводится как сказка или повествование (3 буквы).

3) Жанр, в котором рассказывается об исторических событиях или лицах (8 букв).

4) Жанр, о котором А.С. Пушкин сказал: “... ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок” (6 букв).

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ О РОДАХ И ЖАНРАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Ты уже прочитал и изучил мифы и предания, сказки и дастаны. Все эти жанры относятся к эпическому роду. Рассмотрим и вспомним, что такое эпический род.

Литература есть отражение жизни, мы с тобой определим, как отражена жизнь, окружающий человека мир и сам человек в мифах и сказках, преданиях и дастанах. Повторим, что в них, во-первых, рассказывается о каких-то событиях. Во-вторых, в них есть повествователь, конкретное лицо или сказитель, от чьего имени и ведётся рассказ. В-третьих, автор — повествователь говорит не о своём внутреннем мире, не о своих чувствах, а о внешнем по отношению к нему мире. Все события рисуются как уже произошедшие. Такой способ изображения жизни называется эпосом.

Эпос — это род литературы, основанный на воспроизведении внешнего для писателя мира.

Ты читаешь много стихотворений, многие из них знаешь наизусть. Вспомни, о чём они? О душевном состоянии автора или лирического героя, о чувствах, которые у него вызывает природа и которые он испытывает к другим людям. Это произведения, в которых воссоздаётся внутренний мир героя, его мысли и чувства, переживания. Этот род называется **лирикой**.

Бывал ли ты в театре? В основе сценического действия лежит произведение, специально созданное для сцены. В таком произведении почти нет авторской речи, оно состоит из диалогов и монологов. А события, даже если они происходили много веков назад, разворачиваются перед читателем или зрителем как настоящие. Такой род литературы называется **драмой**.

У каждого рода есть свои отличительные черты и свои жанры. У эпоса — сказка, баллада, рассказ, повесть, роман; у лирики — элегия, ода, послание, эпиграмма; у драмы — комедия, трагедия, драма.

Деление на роды и жанры берёт своё начало в фольклоре. Литература и **фольклор** делятся на три одинаковых рода.

СКАЗКИ

Вспомни, что такое сказка. Прочитай снова её определение.

Сказка — это произведение устного народного творчества, в которой в занимательной форме рассказывается о вымышленных, нереальных, придуманных событиях. Сказка — это малый жанр эпического рода.

Ты уже познакомился с жанром сказки и с её видами.

Вспомни, какие виды сказок ты знаешь. Прочитай снова о видах сказок. Сформулируй, в чём их отличие друг от друга. Ты знаешь **сказки о животных**. Нереальность ситуации в них состоит в том, что герои этих сказок — звери, которые действуют, думают и говорят, как люди. У них и характеры человеческие, причём обычно у каждого животного свой характер, который остаётся неизменным в разных сказках. Расскажи о характере животных в русских и азербайджанских сказках.

А теперь вспомни, что такое **волшебная сказка** и чем она отличается от первого вида сказок. Как герой побеждает врагов? Какие волшебные предметы тебе уже известны? Дай определения сказок о животных, волшебных и бытовых. Что практически отсутствует в бытовой сказке?

Часто в сказках используется приём троекратности действия: трижды старик забросил невод в море; герой разгадывает три загадки, выполняет три поручения.

Вспомни, что ты читал об этом в пятом классе. Что ты можешь рассказать о сказках русских, азербайджанских, других народов? Есть ли в них что-то общее или в чём их различие? Назови любимых сказочных героев, из каких они сказок и к какому виду относятся. В сказке добро всегда побеждает зло.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА. СКАЗ

Литература, как ты уже знаешь, выросла из фольклора и тесно связана с ним, но имеет только ей присущие черты.

Сравни фольклорную сказку с литературной.

В литературе сказка как жанр появилась очень поздно. В фольклоре же сказка была одним из наиболее популярных жанров.

Изучив народную сказку, ты теперь легко назовёшь её отличительные черты, например: анонимность (автором сказки является народ, а не отдельный человек), вымысел, элементы сказок (зачин, концовка, троекратность) и их виды. Кроме того, ты узнал, что все сказки носят дидактический (назидательный) или воспитательный характер. Все сказки учат трудолюбию, дружбе, храбрости, верности, честности.

В каждой сказке можно найти общечеловеческие ценности, глубокий и вечный смысл, любовь к человеку. Общечеловеческие принципы, вечные и межнациональные вопросы обычно называются **философскими**, а любовь к человеку – **гуманизмом**.

Элементы и сюжеты **народной сказки** входят в литературную повесть Древней Руси, а в Европе оживают в жанре средневекового рыцарского романа. XVIII век знакомит читателя с авторскими пересказами и обработками фольклорных сказок. Собственно литературная сказка зарождается, а затем достигает зрелости как жанр в XIX веке. Ты уже знаешь имена великих сказочников: в Европе – Ш. Перро, Г.Х. Андерсен, братья Гримм, Э.Т.А. Гофман, В. Гауф. В русской литературе – В.А. Жуковский, Н.С. Лесков, П.П. Ершов, А.С. Пушкин, А. Погорельский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой. К этому жанру обращались в XX веке: А.Н. Толстой, П.П. Бажов, А.П. Платонов, К.Г. Паустовский, Е.Л. Шварц, С.В. Михалков, В.В. Бианки, Н.Н. Носов, К. Булычёв, Э.Н. Успенский. Из зарубежных писателей наиболее известны сказки О. Уайлда, Дж. Родари, А. Линдгрен и др. Вероятно, ты уже знаешь эти имена. В азербайджанской литературе сказки писали Низами, А. Шаиг, С.С. Ахундов, З. Халил, Г. Ибрагимова, Н. Гусейн-заде, М. Сеидзаде, Э. Ахадов, Ф. Мамедова и др.

Чудесное в литературной сказке – средство для создания идеального сказочного мира, где побеждают благородство, доброта, бескорыстие.

Если ты вспомнил виды народных сказок, то догадаешься, что и в литературных сказках выделяют сказки о животных, волшебные, бытовые, авантурные сказки.

По пафосу¹ авторские сказки делятся на героические, лирические, юмористические, сатирические, философские, психологические. По сходству с другими литературными жанрами выделяют сказки-новеллы, сказки-повести, сказки-притчи, сказки-пьесы, сказки-пародии, научно-фантастические сказки.

¹ **Пафос** – это эмоциональный, чувственный настрой произведения. Определить пафос легче всего по чувствам, которые вызывает произведение у читателя.

Читая **литературные сказки**, обрати внимание на их конфликт, то есть основное противоречие, столкновение, которое всегда связано с фантастикой. Герой преодолевает препятствия на своём пути или с помощью волшебных предметов, или благодаря своей сверхъестественной силе.

В отличие от народной, литературная сказка всегда принадлежит перу одного автора.

К жанру сказки писатель обычно обращается, чтобы на простых, доступных примерах объяснить сложные вопросы или понятия или для того, чтобы с помощью фантастики создать необычную ситуацию, необычные качества человека, чтобы донести свои мысли до каждого человека, независимо от его возраста, национальности и образования.

От сказки следует отличать жанр сказа. **Сказ** – это жанр художественной литературы, в котором всё повествование ведётся от имени рассказчика, повествователя в форме монолога. В этом монологе передаются особенности разговорной речи, в которой могут быть использованы в большом количестве диалектизмы¹, профессионализмы².

В сказах обычно присутствует вымысел, фантастика, изображаются нереальные ситуации, несуществующие герои. Это сближает сказку и сказ.

Вопросы и задания

- 1. Дай точные формулировки эпоса и лирики.*
- 2. Назови, какие произведения можно отнести к волшебной сказке, а какие к сказке о животных.*
- 3. Каковы отличительные черты фольклорной сказки от литературной?*
- 4. Что такое сказ? Есть ли у него что-то общее со сказкой?*
- 5. Прочитай ещё раз статью в учебнике и поделись прочитанным с родителями.*

¹ **Диалектизмы** – это слова, употребляемые жителями какой-то области. (Не относящиеся к литературному языку)

² **Профессионализмы** – это слова, употребляемые людьми какой-то профессии. (кубрик, склянки)

СИРОТА ИБРАГИМ И ЖАДНЫЙ ЛАВОЧНИК

(Азербайджанская народная сказка)

В некотором царстве, в некотором государстве жил со своей женой птицелов. Тяжело жилось им на земле; не раз голод заставлял их оплакивать свою горькую судьбу. Иногда муж отлучался на некоторое время в чужие страны, ловил там птиц, продавал их за ничтожную цену и тем поддерживал своё существование. Жена же его работала у богатых людей и своим трудом зарабатывала только на хлеб. И вот ей пришлось испытать ещё более сильный удар судьбы: муж её, с которым она разделяла и радость, и горе, вдруг помер.

Бедная вдова стала предметом всеобщего сожаления. Вдобавок, в это время она была беременна и не могла работать, как раньше. Когда же у неё родился сын, то ей пришлось заботиться не только о себе, но ещё и о маленьком сыне. Его называли Ибрагимом.

А время шло; шли года за годами, и Ибрагиму минуло двенадцать лет. Он не мог равнодушно смотреть на мать, измождённую, исхудавшую от неусыпных трудов и забот.

— Мама, — однажды спросил он её, — у меня есть отец? Если есть отец, то где он и чем занимается?

— Был у тебя отец, — ответила мать, — да умер. Занимался он птицеводством и оставил после себя сеть и дудку, с помощью которых ловил птиц.

— А где это наследство? — спросил мальчик.

— Вон, лежит в сундуке без употребления, — ответила мать и показала рукой на сундук.

Ибрагим с жаром бросился к сундуку, достал незавидное отцовское наследство и принялся разглядывать его. Тут он решил следовать своему отцу и заниматься его ремеслом.

Однажды Ибрагим заявил матери, что он намеревается идти ловить птиц и просил её приготовить для него дорожные припасы. Мать удивилась неожиданному намерению своего сына и спросила, куда он направляется. Ибрагим сказал матери, что намерен странствовать до тех пор, пока не сжалятся над ним бог и не пошлёт ему своей благодати. Это очень тронуло несчастную мать, и она со слезами на глазах стала готовить сына в дорогу. Она заняла у одного богача немного денег с обязательством работать у него полгода. На эти деньги несчастная мать купила сыну хлеба и сыру на дорогу.

Однажды, рано утром, наш Ибрагим попрощался с матерью и отправился в путь. Шёл он днём и ночью, и на третий день очутился на опушке незнакомого леса. Здесь Ибрагим устроил себе шалаш, чтобы пожить в нём очень недолго; едва только он расставил сеть и начал дуть в дудку, как появилась необыкновенная птица. Каждое перо у неё имело особый цвет.

Когда она появилась, Ибрагим не мог налюбоваться ею, и велика была его радость, когда эта птица вдруг попала в сеть. Ибрагим быстро схватил её вместе с сетью и, недолго думая, вернулся домой, чтобы разделить свою радость с матерью.

Мать Ибрагима чрезвычайно обрадовалась возвращению сына с такою счастливою добычею. Она была уверена, что всякий охотно заплатит за эту птицу, но Ибрагим и не думал продавать её: он посадил её в клетку и стал любоваться её красотой.

Через некоторое время птица снесла яичко. Бедное семейство пришло в восхищение, когда увидало, что и яйцо было такое же необыкновенно красивое, разноцветное, как и сама птица. Мать Ибрагима взяла яйцо и пошла к лавочнику.

Лавочник дал ей за яйцо немного денег и обещал вдвое больше заплатить, если она принесёт ему ещё такое яйцо. Весьма довольная она вернулась домой.

Лавочник же взял это яйцо и отправился в город, чтобы принести это яйцо в подарок шаху. Шах обрадовался такому подарку и щедро наградил лавочника.

Как только лавочник возвратился домой, мать Ибрагима принесла ему ещё два яйца. Лавочник опять отнёс их шаху. Шах разрешил ему взять из шахской казны столько денег, сколько он сможет унести. Лавочник поспешил, конечно, воспользоваться разрешением шаха.

Таким образом, лавочник за очень короткое время стал одним из самых богатых людей в городе. Мать же Ибрагима, узнав о причине его быстрого обогащения, перестала уже продавать ему яйца, хотя тот предлагал ей за каждое яйцо большие деньги.

Раз Ибрагим взял несколько таких яиц и сам отправился к шаху. Шах вознаградил Ибрагима ещё лучше, чем лавочника: ему было позволено взять из шахской казны денег, сколько угодно.

Узнав, что Ибрагим пошёл к шаху, лавочник также последовал за ним. Дорогой он встретил Ибрагима, который возвращался от шаха, и стал просить его дать ему из полученных денег некоторую сумму, но Ибрагим отказался. Тот сильно обиделся и поклялся отомстить ему.

После этого Ибрагим ещё несколько раз ходил к шаху с подарками и каждый раз получал щедрые награды от него.

Тем временем лавочник стал думать, как бы лишить Ибрагима его завидного богатства.

Однажды утром лавочник отправился к шаху и сказал ему:

— Ваше величество! Не принимайте больше от Ибрагима яиц, а лучше потребуйте от него ту диковинную птицу, которая несёт такие чудесные яйца. Она достойна шаха, а не какого-то деревенского мальчишки.

Шах подумал немного и согласился с мнением лавочника.

На другой день Ибрагим опять явился к шаху с яйцами. Шах, по обыкновению, вознаградил его и велел принести на другой день птицу, которая несёт такие чудесные яйца. Предложение шаха показалось Ибрагиму слишком тяжёлым.

Опечаленный, он вернулся домой и рассказал матери о приказании шаха. Лишиться этой птицы было для них великим несчастьем, хотя они знали, что шах вознаградит их за это очень щедро.

Долго мать и сын думали, но не пришли ни к какому выводу. Но так или иначе, они должны были исполнить приказание шаха и уступить ему птицу.

На следующий день Ибрагим с птицей отправился к шаху. При виде птицы шах пришёл в изумление. Он позволил Ибрагиму взять из казны золота, сколько ему угодно.

С тех пор Ибрагим стал видным богачом. Особенно завидовал ему лавочник, так что даже покушался на его жизнь. Кроме того, Ибрагим стал одним из приближённых шаха и каждый день посещал его.

Такое расположение шаха к Ибрагиму было крайне неприятно лавочнику. Всевозможными мерами он старался навредить ему. Однажды лавочник отправился к шаху и сказал ему:

— Ваше величество! Птица, которую принёс вам Ибрагим, несёт всего три яйца в неделю, а через некоторое время она перестанет нестись, так как нет самца. Прикажите Ибрагиму поймать и принести самца.

Шах послушался лавочника и на другой день, когда Ибрагим, по обыкновению, пришёл к нему, приказал немедленно принести птицу-самца, в противном случае грозил казнью.

Расстроенный и опечаленный Ибрагим вернулся домой и рассказал матери о случившемся. Мать успокоила Ибрагима:

— Отправься, — сказала она, — опять на то место, где ты поймал эту птицу, расставь сеть и дуй в дудку. Когда прилетит самец, то уж не упускай его из виду до тех пор, пока не поймаешь его.

Слова матери несколько ободрили Ибрагима. Он собрался в новое путешествие. На четвёртый день Ибрагим прибыл на опушку знакомого уже ему леса. Он по-прежнему устроился здесь и стал с нетерпением ожидать появления чудесной птицы.

Наконец, она прилетела, и Ибрагим без особого труда поймал её. Пойманная птица оказалась ещё лучше прежней. Ибрагим был вне себя от радости и немедленно вернулся домой.

Он так утомился в дороге, что по возвращении домой спал целых три дня. На четвёртый день он взял с собою птицу и отправился к шаху. Шах был поражён красотой новой птицы и, как всегда, щедро наградил Ибрагима.

Узнав обо всём этом, лавочник пришёл в страшную ярость: зависть мучила его ещё больше. Он старался умалить славу Ибрагима, а тот, наоборот, ещё больше возвысился теперь и стал пользоваться необыкновенным расположением шаха.

Лавочник старался придумать ещё что-нибудь во вред Ибрагиму и, наконец, решил доложить шаху о том, что существует чудесная роза; если её приобрести, то можно целый год любоваться её красотой, свежестью и чудесным ароматом; но попытка добыть эту розу сопряжена¹ с большими опасностями: она растёт только в одном саду и на единственном кусте, сад же этот принадлежит диву², который уже погубил многих людей, пытавшихся достать её; кроме того, сад окружён стеной в пять сажень³ высоты и в одну сажень толщины, а вход в него только через одни ворота, у которых привязаны два свирепых льва.

Рано утром лавочник отправился к шаху, который был в хорошем расположении духа и радушно принял его.

— Государь, — после некоторого молчания начал лавочник, — ты необыкновенно богат и могуществен; к тебе приезжает множество гостей, но все они замечают один недостаток в твоём дворце: у тебя нет необыкновенной розы.

— Я охотно обогатил бы того, — сказал шах, — кто доставил бы мне одну из необыкновенных роз, но только, слышал я, что многие пытались достать её, да не вернулись.

— Это препятствие, — сказал лавочник, — можно преодолеть: сирота Ибрагим, который по твоей милости стал теперь богачом, обладает волшебными способностями; он ведь посредством волшебства доставил тебе райских птиц: для него на земле нет ничего невозможного.

¹ *Сопряжена* — связана.

² *Дивы* — мифические отрицательные существа, демоны.

³ *Сажень* — древнерусская мера длины, равная двум метрам.

Шах поверил лавочнику и за находчивость даже назначил его своим сановником¹. В это время явился к шаху Ибрагим, шах и предложил ему исполнить то, о чём говорил лавочник.

Ибрагим первый раз в жизни услышал о такой необыкновенной розе и не знал, где и как можно достать её.

Со слезами на глазах он вернулся домой. Напрасно мать старалась узнать о причине этих горьких слёз. Ибрагим был не в состоянии вымолвить ни одного слова. Наконец, и она стала плакать. Долго они рыдали, пока в слезах не заснули.

Когда они проснулись, Ибрагим рассказал матери о новом приказании шаха. Несчастливая мать много раз слышала о необыкновенной розе и знала, как трудно и опасно её достать. Она была убеждена, что сын её уже больше не возвратится из этого путешествия. Но нужно было повиноваться и исполнить шахское приказание.

Ибрагим в отчаянии делал всё, чтобы скорее отправиться за розой и поскорее покончить с такой жизнью, так ему было тяжело. Но мать уговорила его остаться с ней ещё хоть несколько дней.

Бедная мать не отходила от сына ни на шаг. Она готова была лишиться всего своего богатства, лишь бы сын остался с ней. Она не знала, чем кормить Ибрагима, и каждый день готовила для него обед из пяти, шести блюд; но Ибрагиму было не до пищи: он постоянно думал о предстоящем путешествии.

Наконец, настал день, когда мать обняла в последний раз своего сына и благословила его в опасный путь. Ибрагим взял с собой много денег. Дорога будет долгой.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

На третий год своего странствия Ибрагим доехал, наконец, до того сада, где цвела чудесная роза.

Тут он отдохнул несколько дней и на седьмой день медленно подошёл к саду.

Сад был такой большой, что обойти его стоило ему больших трудов. Долго бродил Ибрагим вокруг стен сада, но нигде не находил входа.

Он собирался было лечь и заснуть, как вдруг услышал громкий рёв. Ибрагим обернулся и увидел, что словно гора какая-то приближается к нему. Это был див, владелец сада. Ибрагим сильно испугался и спрятался за куст.

Между тем, див всё больше приближался к нему и, наконец, подошёл к кусту, за которым спрятался Ибрагим. К счастью, див не заметил его. Подойдя к стене своего сада, див ударил кулаком о стену: она тотчас расступилась, и див вошёл в сад.

¹ *Сановник* – крупный чиновник, занимающий высокое положение.

Ибрагим же в это время вышел из своей засады и последовал за ним. Войдя в сад, он был поражён его видом, красотой и ароматом. Но он не переставал наблюдать за дивом и увидел, что тот вошёл во дворец. Во дворец Ибрагим войти не решился, так как боялся, что див заметит его там и растерзает.

Он сел под деревом и стал обдумывать, как ему поступить. Но любопытство взяло верх и он решил пробраться во дворец.

Он прошёл очень много пышных комнат и, наконец, достиг красивой залы, в которой на драгоценном ковре сидела красавица неземной красоты, а на полу растянулся див, положив голову на колени этой красавицы. При виде незнакомого молодого человека красавица почувствовала жалость к нему и знаками велела ему удалиться, но Ибрагим не послушался. Тогда красавица сказала:

— О, несчастный! Видишь ли ты этого великана? Он только что заснул; через день он проснётся и разорвёт тебя на клочки; лучше удались, пока не поздно.

Ибрагим на это ответил, что, увидевши её, не в состоянии оставить её в руках дива; он или умрёт, или увезёт её с собою.

— Не старайся освободить меня, — сказала красавица. — Многие джигиты пытались освободить меня, и все погибали на этом месте. Я не хочу, чтобы и ты погиб ради меня. Скажи мне, для чего ты пришёл сюда? Может быть, я могу быть тебе полезной.

Ибрагим ответил, что он уже два года находится в пути и пришёл сюда, чтобы освободить её из плена.

Услышав это, красавица отодвинула от себя голову дива, встала, повела Ибрагима в одну комнату и велела ему поспать и отдохнуть здесь до следующего дня. Когда див проснётся и пойдёт, по своему обыкновению, охотиться, то они в это время и посоветуются как им поступить. Распорядившись таким образом, красавица отправилась опять в залу, села на прежнее место и положила голову дива на своё колено.

На другой день див проснулся и сказал красавице, что здесь пахнет человеческим духом.

— Может быть, — сказала красавица, — ты растерзал какого-нибудь несчастного человека, и у тебя во рту от него остался запах. Иначе, какой же человек дерзнёт войти сюда?

Див поверил и отправился на охоту. Красавица же пошла навестить своего гостя и застала его спящим. Она разбудила его, и они решили убежать от дива.

У дива было много быстроногих коней. Красавица выбрала из них шесть самых лучших и велела Ибрагиму оседлать их. Он немедленно исполнил её приказание. Потом они вошли в

одну из комнат дива, где хранилось золото, наполнили им восемь мешков, навьючили ими четырёх коней, а на двух сели сами и пустились в путь.

Вечером див вернулся с охоты и, не застав своей возлюбленной дома, пришёл в страшную ярость. Он обшарил все комнаты, обошёл весь сад, но напрасно: Хуршид — так звалась красавица — и след простыл.

Тогда див зашёл в конюшню и хотел было оседлать своего любимого быстрого коня, но и его не оказалось на месте. Тогда див сел на другого коня и помчался по следам похитителя.

Ибрагим и Хуршид ехали без остановки целый день. На второй день Хуршид сказала Ибрагиму:

— Оглянись назад и скажи, что видишь? Ибрагим ответил, что он видит на горизонте какое-то облако.

— Это не облако, — сказала Хуршид, — а пар, который вырывается из ноздрей и пасти дива. Он сильно разгневан и пустился за нами в погоню.

Спустя некоторое время, Ибрагим опять оглянулся назад. На этот раз он, кроме облака, услышал какой-то шум, похожий на вой ветра.

— Это див сопит, — сказала красавица, — значит, он находится недалеко от нас.

В третий раз Ибрагим оглянулся назад и увидел, что сгустившееся облако приблизилось, покрыло их, и накрапывает даже мелкий дождик.

— Облако сгустилось, — объяснила Хуршид, — оттого, что див находится очень близко от нас, дождь же происходит из слюны дива.

Тогда они помчались ещё скорее, чтобы спастись от дива. Через некоторое время Хуршид сказала Ибрагиму, что им больше опасаться нечего, так как они проехали границу, за которую див не смеет перешагнуть.

Остальной путь они проехали в два месяца, а на третий уже были дома. Мать Ибрагима при виде сына не поверила своим глазам, и радости её не было предела. Ибрагим же даже не узнал свою мать, до того она похудела, побледнела; с тех пор, как простилась со своим сыном, она перестала есть и пить и постоянно плакала о нём.

Ибрагим и Хуршид приехали такими усталыми, что целый месяц не могли оправиться. Ибрагим с каждым днём всё больше и больше привязывался к прекрасной Хуршид, которая тоже очень полюбила Ибрагима. Оказалось, что Хуршид была дочерью одного шаха. Она была похищена дивом восемь

лет тому назад, когда со своими подругами вышла на прогулку. Тогда ей было одиннадцать лет.

По возвращении домой Ибрагим, по предложению Хуршид, начал строить себе дворец, который должен был превзойти своим изяществом и красотой шахский, а потом они думали пожениться.

Спустя месяца два после приезда Ибрагим вспомнил вдруг о необыкновенной розе, за которой шах его послал. Увидев Хуршид у дива, он так увлёкся ею, что забыл про розу и приехал домой без неё.

Теперь ему оставалось одно: или вторично отправиться за розой, или со всеми своими богатствами тайком бежать в другое государство. Ибрагим вспомнил о розе в то время, когда распоряжался рабочими при постройке. Он оставил рабочих и, бледный, как смерть, прибежал домой. Увидев бледное опечаленное лицо своего будущего супруга, Хуршид сильно испугалась и спросила о причине его печали. Тут Ибрагим признался ей, что он вовсе не за ней отправлялся, что шах посылал его за розой, а он забыл её привезти.

Красавица успокоила Ибрагима и попросила подать ей блюдо; потом она ударила указательным пальцем о свой нос. Тотчас из носа упали на блюдо две капельки крови и превратились в два букета роз необыкновенной красоты.

Ибрагим пришёл в крайнее изумление и восторг, осыпал Хуршид поцелуями в знак благодарности и, взяв букеты, поспешил к шаху. Шах очень обрадовался возвращению Ибрагима и щедро наградил его. Главный же сановник его, бывший лавочник, очень был опечален: он совсем не ожидал снова увидеть Ибрагима и считал его погибшим.

Слава Ибрагима не давала лавочнику покоя. Он задумал отправить Ибрагима с таким поручением, исполнение которого было невозможно для смертного человека, и нашёл для него новое дело.

Улучив время, когда шах находился в особенно приятном расположении духа, лавочник, теперь сановник его, развязал свой язык.

— Ваше величество! — сказал он. — Вы совершенно позабыли о своих родителях. Они, ведь, пять лет тому назад умерли. Пошлём Ибрагима на тот свет, пусть он узнает об их здоровье и положении.

Шах поблагодарил его за то, что напомнил ему о родителях, и дал себе слово во что бы то ни стало привести в исполнение предложение лавочника.

На другой день шах велел позвать Ибрагима. Тот немедленно явился, и шах, вручив ему письмо, приказал на следующий же день отправиться на тот свет и передать письмо его родителям.

Страшно смутился Ибрагим и хотел было отказаться от такого неслыханного поручения, но ему приказали не отговариваться ни под каким предлогом.

Несчастный Ибрагим принуждён был повиноваться и пришёл домой в отчаянии. О поручении шаха он рассказал Хуршид. Та успокоила его и дала ему такой совет:

— Милый мой! — сказала она Ибрагиму, — как видно, у твоего шаха мало ума, и поэтому обмануть его не трудно. Поезжай на год куда-нибудь, потом вернись и скажи шаху, что родители его здоровы и благодарят его за внимание.

Ибрагим последовал совету Хуршид, простился с матерью и с прекрасной невестой и пустился в путь.

Шёл он, — долго ли, коротко ли, об этом аллах ведаёт, — на третий месяц он прибыл в большой город другого царства. Здесь Ибрагим целый год учился грамоте и, благодаря своим стараниям, изучил даже несколько языков.

А Хуршид в это время стала заботиться о достройке начатого дворца и внутренней отделке его. Через некоторое время Ибрагим вернулся. Чтобы освободиться от своего врагалавочника, Ибрагим придумал следующее. Он представился шаху и сказал:

— Ваше величество! Родители ваши здоровы и благодарят вас, но они обижены тем, что вы отправили к ним меня, а не своего приближённого сановника. Они передали бы вам многое, если бы он явился к ним.

Шах поверил Ибрагиму, наградил его, а лавочник, который тут же присутствовал, побледнел от страха, когда услышал это. Мысль узнать что-нибудь достоверное о своих родителях так глубоко засела в голове шаха, что он решил действительно отправить к ним сановника.

Спустя несколько дней бывший лавочник, а теперь главный сановник, получил от шаха распоряжение поехать на тот свет и навестить давно умерших его родителей.

Тяжело было положение сановника: он придумал это путешествие для Ибрагима, а теперь приходится ему самому отправиться; отказаться не было возможности, ибо ему отсекали бы голову. Долго он думал, что ему делать и, наконец, решил обратиться за помощью к самому Ибрагиму.

На следующий день лавочник собрал всё своё богатство и отправился к Ибрагиму, бросился ему в ноги и со слезами на глазах стал умолять его о помощи, при этом предлагал ему почти всё своё богатство; Ибрагим сначала отказывался помочь, но потом дал ему совет, как найти путь, по которому он может отправиться на тот свет. Привёл лавочника к одному колодцу, глубиной в сорок аршин¹ и сказал:

— Спустись в этот колодец, на дне ты увидишь две дороги: одна ведёт на восток, а другая на запад. Если пойдёшь по первой, то в три года дойдёшь до того света, но перенесёшь много страданий, а если пойдёшь по второй, то дойдёшь через пять лет и не почувствуешь никакой усталости.

Глупый лавочник поверил Ибрагиму и, поблагодарив его ещё раз за услугу, закрыл глаза и сразу бросился в колодец, который и стал его могилой.

Ибрагим же, вернувшись домой, стал готовиться к свадьбе.

Шах долго ждал возвращения своего сановника и, наконец, когда терпение его лопнуло, не дождавшись лавочника, сам отправился навсегда к своим родителям на тот свет.

Ибрагим скоро женился на своей прекрасной Хуршид.

Сорок дней и сорок ночей он праздновал свадьбу. И началась счастливая жизнь Ибрагима и Хуршид.

Вопросы и задания

1. Вспомни сказки, которые ты читал в 5-ом классе. Что в них общего?

2. Сравни сказки разных народов и назови общие их черты.

3. Составь цитатный план сказки.

4. Обратил ли ты внимание на то, что Иван-царевич и сирота Ибрагим в конце своих поисков нашли и привезли домой красавиц: Елену Прекрасную и Хуршид? Можешь ли ты доказать, что в сказках часто встречается троекратность действия? Эти факты делают сказки похожими или подчёркивают их различие? Докажи своё мнение.

5. Наказано ли зло в этой сказке? Докажи, что это характерно для любой сказки.

¹ *Аршин* — (тюрк.) мера длины в ряде стран, в России с 16 в., равна 16 вершкам (71,12 см)

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН
(1799 – 1837)**

**СКАЗКА О ПОПЕ И О
РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ**

Жил-был поп,
Толоконный лоб¹.
Пошёл поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда.
Идёт, сам не зная куда.
“Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался²?”
Поп ему в ответ: “Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где мне найти такого
Служителя не слишком дорогого?”
Балда говорит: “Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелчка тебе по лбу,
Есть же мне давай варёную полбу³”.
Призадумался поп,
Стал себе почёсывать лоб.
Щёлк щелку ведь розь⁴.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: “Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моём подворье,
Окажи своё усердьё и проворьё”.
Живёт Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До света всё у него пляшет,
Лошадь запряжёт, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит,

¹ *Толоконный лоб* – буквально означает лоб, набитый толоконной (толчёной, а не молотой) мукой. Так говорят о бестолковом человеке, дураке.

² *Взыскаться* – разыскивать, искать.

³ *Полба* – каша из пшеницы.

⁴ *Розь* – разница.

Яичко испечёт да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна лишь о Балде и печалится,
Попёнок зовёт его тятей¹;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идёт, и срок уже близенько.
Поп не ест, не пьёт, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье и признаётся:
“Так и так: что делать остаётся?”
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: “Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь;
А требуй, чтоб он её исполнил точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь,
И Балду-то без расплаты оставишь”.
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посмелее.

¹ *Тятя* – отец, папа, батюшка.

Вот он кричит: “Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк¹ по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты свой полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный”.
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошёл, сел у берега моря;
Там он стал верёвку крутить
Да конец её в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
“Зачем ты, Балда, к нам залез?”
— Да вот верёвкой хочу море морщить,
Да вас, проклятое племя, корчить —
Беса старого взяла тут унылость.
“Скажи, за что такая немилость?”
— Как за что? Вы не платите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот уж будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха.
“Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука”.
Балда мыслит: “Этого провести не штука!”
Вынырнул подосланный бесёнок,
Замаякал он, как голодный котёнок:
“Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть, — возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок”.

¹ *Оброк* - принудительный натуральный или денежный сбор, взимавшийся помещиком с крепостного крестьянина.

Засмеялся Балда лукаво:
“Что это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата¹!
Подожди-ка моего меньшого брата”.
Пошёл Балда в ближайший лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесёнка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
“Попляши-тка ты под нашу балалайку:
Ты, бесёнок, ещё молодёнок,
Со мною тягаться слабёнок;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка”.
Пустились бесёнок и заяка:
Бесёнок по берегу морскому,
А заяка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесёнок, задыхаясь,
Весь мокрёшенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь – а Балда братца гладит,
Приговаривая: “Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый”.
Бесёнок оторопел.
Хвостик поджал, совсем присмирел.
На братца поглядывает боком.
“Погоди, – говорит, – схожу за obroком”.
Пошёл к деду, говорит: “Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!”
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.

¹ *Супостат* – враг, недруг, противник.

Вылез бесёнок: “Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любимую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждёшь?” — Да жду вон этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку. —
Испугался бесёнок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям верёвкой грозит.
Вылез опять бесёнок: “Что ты хлопочешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...”
— Нет, — говорит Балда, —
Теперь моя черед,
Условия сам назначу,
Задам тебе, вражёнок, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь, там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси её полверсты;
Снесёшь кобылу, оброк уж твой;
Не снесёшь кобылу, ан будет он мой. —
Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: “Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног”.
Сел Балда на кобылу верхом,
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесёнок и к деду
Пошёл рассказывать про такую победу.

Делать нечего — черти собрали оброк
Да на Балду взваливали мешок.
Идёт Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
“Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной”.

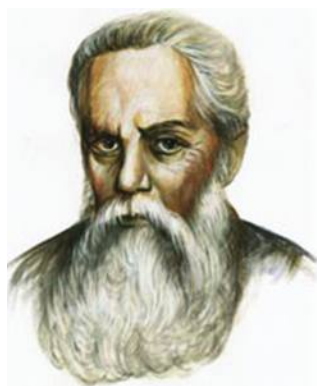
Вопросы и задания

- 1. Как ты определил жанр этого текста?*
- 2. Кто из героев, по-твоему, является главным героем и почему?*
- 3. Какими положительными качествами обладает Балда?*
- 4. Радуйся такому работнику, чего боялся поп?*
- 5. Кто подсказал попу способ расправиться с Балдой?*
- 6. Что помогло Балде получить оброк с чертей и сколько раз ему удалось их перехитрить?*
- 7. Можешь ли ты определить идею этого произведения?*
- 8. Составь цитатный план этой сказки. Сравни с тем, что сделали твои друзья. Чей план получился лучше и почему?*
- 9. Составь синквейн по образам попа и Балды.*

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ

(1879 – 1950)

КАМЕННЫЙ ЦВЕТOK (сказ)

Не одни мраморски¹ на славе были по каменному-то делу. То же и в наших заводах, рассказывают, это мастерство имели. Та только различка², что наши больше с малахитом возгались³, как его было довольно, и сорт – выше нет. Вот из этого малахиту и выделывали подходяще. Такие, слышь-ко, штучки, что диву дашься: как ему помогло.

Был в ту пору мастер Прокопъич. По этим делам первый. Лучше его никто не мог. В пожилых годах был.

Вот барин и велел приказчику поставить к этому Прокопъичу парнишек на выучку.

– Пуцай-де переймут всё до тонкости.

Только Прокопъич, – то ли ему жаль было расставаться со своим мастерством, то ли ещё что, – учил шибко худо. Всё у него с рывка да с тычка. Насадит парнишке по всей голове шишек, уши чуть не оборвёт да и говорит приказчику:

– Не го́ж этот... Глаз у него неспособный, рука не несёт. Толку не выйдет.

Приказчику, видно, заказано было ублаgotворять Прокопъича.

– Не го́ж так не го́ж... Другого дадим... – И нарядит другого парнишку.

Ребятишки прослышали про эту науку... Спозаранку ревут, как бы к Прокопъичу не попасть. Отцам-матерям тоже не сладко родного дитёнка на зряшную муку отдавать, – выгораживать стали свои-то, кто как мог. И то сказать, нездорово это мастерство, с малахитом-то. Отрава чистая. Вот и оберегаются люди. Приказчик всё ж таки помнит баринов наказ – ставит Прокопъичу учеников. Тот по своему порядку помытарит парнишку да и сдаст обратно приказчику.

¹ Мраморски — работающие на мрамору.

² Различка — разница.

³ Возгались — трудились.

— Не гожд этот...

Приказчик взъедаться стал:

— До какой поры это будет? Не гожд да не гожд, когда гожд будет? Учи этого...

Прокопъич знай своё:

— Мне что... Хотя десять годов учить буду, а толку из этого парнишки не будет...

— Какого тебе ещё?

— Мне хоть и вовсе не ставь, — об этом не сучаю...

Так вот и перебрали приказчик с Прокопъичем много ребятшек, а толк один: на голове шишки, а в голове — как бы убежать. Нарочно которые портили, чтобы Прокопъич их прогнал. Вот так-то и дошло дело до Данилки Недокормыша. Сиротка круглый был этот парнишечко. Годов, поди, тогда двенадцати, а то и более. На ногах высоконький, а худой-расхудой, в чём душа держится. Ну, а с лица чистенький. Волосёнки кудрявеньки, глазёнки голубеньки. Его и взяли сперва в казачки¹ при господском доме: табакерку, платок подать. Сбегать куда и протча². Только у этого сиротки дарованья к такому делу не оказалось. Другие парнишки на таких-то местах вьюнами вьются. Чуть что — навытяжку: что прикажете? А этот Данилко забьётся куда в уголок, уставится глазами на картину какую, а то на украшение, да и стоит. Его кричат, а он и ухом не ведёт. Били, конечно, поначалу-то, потом рукой махнули:

— Блаженный какой-то! Тихоход! Из такого хорошего слуги не выйдет.

На заводскую работу либо в гору всё ж таки не отдали — шибко жидко место, на неделю не хватит. Поставил его приказчик в подпаски³. И тут Данилко не вовсе гожд пришёлся. Парнишечко ровно старательный, а всё у него оплошка выходит. Всё будто думает о чём-то. Уставится глазами на травинку, а коровы-то — вон где! Старый пастух ласковый попался, жалел сиротку, и тот временем ругался:

— Что только из тебя, Данилко, выйдет? Погубишь ты себя, да и мою старую спину под бой подведёшь. Куда это годится? О чём хоть думка-то у тебя?

— Я и сам, дедко, не знаю... так... ни о чём... Засмотрелся маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька⁴, а

¹ *Казачок* — мальчик-слуга, крепостной на услужении в барском доме.

² *Протча* — прочее.

³ *Подпасок* — мальчик, помощник пастуха.

⁴ *Сизенька* — краткая форма. Сизенькая — тёмносерый с синеватым оттенком.

из-под крылышек у ней жёлтенько выглядывает, а листок широконыйкий... По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зелёная-презелёная, ровно её сейчас выкрасили... а букашка-то и ползёт...

– Ну, не дурак ли ты, Данилко? Твоё ли дело букашек разбирать? Ползёт она – и ползи, а твоё дело за коровами глядеть. Смотри у меня, выбрось эту дурь из головы, не то приказчику скажу!

Одно Данилушке далось. На рожке он играть научился – куда старику! Чисто на музыке какой. Вечером, как коров пригонят, девки-бабы просят:

– Сыграй, Данилушко, песенку.

Он и начнёт наигрывать. И песни всё незнакомые. Не то лес шумит, не то ручей журчит, пташки на всякие голоса перекликаются, а хорошо выходит. Шибко за те песенки стали женщины привечать Данилушку. Кто пониточек¹ починит, кто холста на онучи² отрежет, рубашонку новую сошьёт. Про кусок и разговору нет, – каждая норовит дать побольше да послаще. Старику пастуху тоже данилушковы песни по душе пришлись. Только и тут маленько неладно выходило. Начнёт Данилушко наигрывать и всё забудет, ровно и коров нет. На этой игре и пристигла его беда.

Данилушко, видно, заигрался, а старик задремал по малости. Сколько-то коровёнок у них и отбилось. Как стали на выгон собирать, глядят – той нет, другой нет. Искать кинулись, да где тебе. Пасли около Ельничной... Самое тут волчье место, глухое... Одну только коровёнку и нашли. Пригнали стадо домой... Так и так – обсказали. Ну, из завода тоже побежали – поехали на розыски, да не нашли.

Расправа тогда известно какая была. За всякую вину спину кажи³. На грех ещё одна-то корова из приказчиьего двора была. Тут и вовсе спуску не жди. Растянули сперва старика, потом и до Данилушки дошло, а он худенький да тощенький. Господский палач оговорился даже.

– Экой-то, – говорит, – с одного разу сомлеет, а то и вовсе душу выпустит.

Ударил всё ж таки – не пожалел, а Данилушко молчит. Палач его вдругорядь⁴ – молчит, втретью – молчит. Палач тут и расстервенился, давай полысать⁵ со всего плеча, а сам кричит:

– Я тебя, молчуна, доведу... Дашь голос... Дашь!

¹ *Пониточек* – верхняя одежда из домашнего сукна.

² *Онучи* – куски ткани для обмотки ног под сапоги или другую обувь.

³ *Спину кажи* – здесь: подставлять спину для наказания (порки).

⁴ *Вдругорядь* – в другой раз.

⁵ *Полысать* – пороть, хлестать, бить.

Данилушко дрожит весь, слёзы каплют, а молчит. Закусил губёнку-то и укрепился. Так и сомлел¹, а словечка от него не слышали. Приказчик, — он тут же, конечно, был, — удивился:

— Какой ещё терпеливый выискался! Теперь знаю, куда его поставить, коли живой останется.

Отлежался-таки Данилушко. Бабушка Вихориха его на ноги поставила. Была, сказывают, старушка такая. Вместо лекаря по нашим заводам на большой славе была. Силу в травах знала: которая от зубов, которая от надсады, которая от ломоты... Ну, всё как есть. Сама те травы собирала в самое время, когда какая трава полную силу имела. Из таких трав да корешков настойки готовила, отвары варила да с мазями мешала.

Хорошо Данилушке у этой бабушки Вихорихи пожилось. Старушка, слышь-ко, ласковая да словоохотливая, а трав, да корешков, да цветков всяких у ней засушено да навешано по всей избе. Данилушко к травам-то любопытен — как эту зовут? где растёт? какой цветок? Старушка ему и рассказывает.

Раз Данилушко и спрашивает:

— Ты, бабушка, всякий цветок в наших местах знаешь?

— Хвастаться, — говорит, — не буду, а всё будто знаю, какие открытые-то.

— А разве, — спрашивает, — ещё не открытые бывают?

— Есть, — отвечает, — и такие. Папору вот слышал? Она будто цветёт на Иванов день. Тот цветок колдовской. Клады им открывают. Для человека вредный. На разрыв-траве цветок — бегучий огонёк. Поймай его — и все тебе затворы открыты. Воровской это цветок. А то ещё каменный цветок есть. В малахитовой горе будто растёт. На змеиный праздник² полную силу имеет. Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит.

— Чем, бабушка, несчастный?

— А это, дитёнок, я и сама не знаю. Так мне сказывали.

Данилушко у Вихорихи, может, и подольше бы пожил, да приказчиковы вестовщики³ углядели, что парнишко малопомалу ходить стал, и сейчас к приказчику. Приказчик Данилушку призвал да и говорит:

— Иди-ко теперь к Прокопичу — малахитному делу обучаться. Самая там по тебе работа.

Ну, что сделаешь? Пошёл Данилушко, а самого ещё ветром качает. Прокопич поглядел на него да и говорит:

— Ещё такого не доставало, здоровым парнишкам здешняя учёба не по силе, а с такого что взыщешь — еле живой стоит.

¹ Сомлел — потерял сознание.

² Змеиный праздник — 25 (12) сентября.

³ Вестовщики — осведомители, доносчики.

Пошёл Прокопъич к приказчику:

– Не надо такого. Ещё ненароком убьёшь – отвечать придётся.

Только приказчик – куда тебе, слушать не стал:

– Дано тебе – учи, не рассуждай! Он, этот парнишка, – крепкий. Не гляди, что жиденъкий.

– Ну, дело ваше, – говорит Прокопъич, – было бы сказано. Буду учить, только бы к ответу не потянули.

– Тянуть некому. Одинокй этот париншка, что хочешь с ним делай, – отвечает приказчик.

Пришёл Прокопъич домой, а Данилушко около станочка стоит, досочку малахитовую оглядывает. На этой досочке зарез сделан – кромку отбить. Вот Данилушко на это место устался и головёнкой покачивает. Прокопъичу любопытно стало, что этот новенький парнишка тут разглядывает. Спросил строго, как по его правилу велось:

– Ты это что? Кто тебя просил поделку в руки брать? Что тут доглядываешь?

Данилушко и отвечает:

– На мой глаз, дедушко, не с этой стороны кромку отбивать надо. Вишь, узор тут, а его и срежут.

Прокопъич закричал, конечно:

– Что? Кто ты такой? Мастер? У рук не бывало, а судишь? Что ты понимать можешь?

– То и понимаю, что эту штуку испортили, – отвечает Данилушко.

– Кто испортил? А? Это ты, сопляк, мне – первому мастеру!.. Да я тебе такую порчу покажу... жив не будешь!

Пошумел так-то, покричал, а Данилушко пальцем не задел. Прокопъич-то, вишь, сам над этой досочкой думал – с которой стороны кромку срезать. Данилушко своим разговором в самую точку попал. Прокричался Прокопъич и говорит вовсе уж добром:

– Ну-ко, ты, мастер явленный, покажи, как по-твоему сделать?

Данилушко и стал показывать да рассказывать:

– Вот бы какой узор вышел. А того бы лучше – пустить досочку поуже, по чистому полю кромку отбить, только бы сверху плетешок¹ малый оставить.

Прокопъич знай покрикивает:

– Ну-ну... Как же! Много ты понимаешь. Накопил – не просыпь! – А про себя думает: “Верно парнишка говорит. Из

¹ Плетешок – узкий плетёный узор.

такого, пожалуй, толк будет. Только учить-то его как? Стукни разок – он и ноги протянет”.

Подумал так да и спрашивает:

– Ты хоть чей, экий учёный?

Данилушко и рассказал про себя.

Дескать, сирота. Матери не помню, а про отца и вовсе не знаю, кто был. Кличут Данилкой Недокормышем, а как отчество и прозвание отцовское – про то не знаю. Рассказывал, как он в дворне был и за что его прогнали, как потом лето с коровьим стадом ходил, как под бой попал.

Прокопъич пожалел:

– Не сладко, гляжу, тебе, парень, житьишко-то задалось, а тут ещё ко мне попал. У нас мастерство строгое.

Потом будто рассердился, заворчал:

– Ну, хватит, хватит! Вишь разговорчивый какой! Языком-то – не руками – всяк бы работал. Целый вечер ласы да балясы! Ученичок тоже! Погляжу вот завтра, какой у тебя толк. Садись ужинать, да и спать пора.

Прокопъич одиночкой жил. Жена-то у него давно умерла. Старушка Митрофановна из соседей у него хозяйство вела. Утрами ходила постряпать, сварить чего, в избе прибрать, а вечером Прокопъич сам управлял, что ему надо.

Поели, Прокопъич и говорит:

– Ложись вон тут на скамеечке!

Данилушко разулся, котомку свою под голову, понитком закрылся, поёжился маленько, – вишь, холодно в избе-то было по осеннему времени, – всё-таки вскорости уснул. Прокопъич тоже лёг, а уснуть не мог: всё у него разговор о малахитовом узоре из головы нейдёт. Ворочался-ворочался, встал, зажёл свечку да и к станку – давай эту малахитову досочку так и сяк примерять. Одну кромку закроет, другую... прибавит поле, убавит. Так поставит, другой стороной повернёт, и всё выходит, что парнишка лучше узор понял.

– Вот тебе и Недокормышек! – дивится Прокопъич. – Ещё ничем-ничего, а старому мастеру указал. Ну и глазок! Ну и глазок!

Пошёл потихоньку в чулан, притащил оттуда подушку да большой овчинный тулуп. Подсунул подушку Данилушке под голову, тулупом накрыл:

– Спи-ко, глазастый!

А тот и не проснулся, повернулся только на другой бочок, растянулся под тулупом-то – тепло ему стало, – и давай насвистывать носом полегоньку. У Прокопъича своих ребят

не было, этот Данилушко и припал ему к сердцу. Стоит мастер, любит, а Данилушко знай посвистывает, спит себе спокойненько. У Прокопьяча забота — как бы парнишку хорошенько на ноги поставить, чтоб не такой тощий да нездоровый был.

— С его ли здоровьишком нашему мастерству учиться. Пыль, отравка, — живо зачахнет. Отдохнуть бы ему сперва, подправиться, потом учить стану. Толк, видать, будет.

На другой день и говорит Данилушке:

— Ты спервоначалу по хозяйству помогать будешь. Такой у меня порядок заведён, понял? Для первого разу сходи за калиной. Её иньями¹ прихватило, — в самый раз она теперь на пироги. Да, гляди, не ходи далеко-то. Сколь наберёшь — то и ладно. Хлеба возьми полишку², — естся в лесу-то, — да ещё к Митрофановне зайди. Говорил ей, чтоб тебе пару яичек испекла да молока в туюсочек³ плеснула. Понял?

На другой день опять говорит:

— Поймай-ко мне щеглёнка поголосистее да чечётку⁴ побойчее. Гляди, чтобы к вечеру были. Понял?

Когда Данилушко поймал и принёс, Прокопьяч говорит:

— Ладно, да не вовсе. Лови других.

Так и пошло. На каждый день Прокопьяч Данилушке работу даёт, а всё забава. Как снег выпал, велел ему с соседом за дровами ездить — пособишь-де. Ну, а какая подмога! Вперёд на санях сидит, лошадьё правит, а назад за возом пешком идёт. Проминётся так-то, поест дома да спит крепче. Шубу ему Прокопьяч справил, шапку тёплую, рукавицы, пимы⁵ на заказ скатали. Прокопьяч, видишь, имел достаток. Хоть крепостной был, а по оброку ходил, зарабатывал маленько. К Данилушке-то он крепко прилип. Прямо сказать, за сына держал. Ну, и не жалел для него, а к делу своему не подпускал до времени.

В хорошем-то житье Данилушко живо поправляться стал и к Прокопьячу тоже прильнул. Ну, как! — понял Прокопьячеву заботу, в первый раз так-то пришлось пожить. Прошла зима. Данилушке и вовсе вольготно стало. То он на пруд, то в лес. Только и к мастерству Данилушко присматривался. Прибежит домой, и сейчас же у них разговор, то, другое Прокопьячу расскажет да и спрашивает — это что да

¹ *Иньями* — прихватило — инеем покрыло. После мороза калина становится сладкой.

² *Полишку* — лишнего, побольше.

³ *Туюсок* — небольшой короб из бересты с крышкой.

⁴ *Чечётка* — маленькая певчая птичка.

⁵ *Пимы* — валенки.

это как? Прокопъич объяснит, на деле покажет. Данилушко примечает. Когда и сам примется: “Ну-ко, я...” Прокопъич глядит, поправит, когда надо, укажет, как лучше.

Вот как-то раз приказчик и углядел Данилушку на пруду. Спрашивает своих-то вестовщиков:

— Это чей парнишка? Который день его на пруду вижу...

По будням с удочкой балуется, а уж не маленький... Кто-то его от работы прячет...

Узнали вестовщики, говорят приказчику, а он не верит.

— Ну-ко, — говорит, — тащите парнишку ко мне, сам дознаюсь. Привели Данилушку. Приказчик спрашивает:

— Ты чей?

Данилушко отвечает:

— В ученье, дескать, у мастера по малахитному делу.

Приказчик тогда хватъ его за ухо:

— Так-то ты, стервец, учишься! — Да за ухо и повёл к Прокопъичу.

Тот видит — неладно дело, давай выгораживать Данилушку:

— Это я сам его послал окуньков половить. Сильно о свеженьких-то окуньках скучаю. По нездоровью моему другой еды принимать не могу. Вот и велел парнишке половить.

Приказчик не поверил. Смекнул тоже, что Данилушко вовсе другой стал: поправился, рубашонка на нём добрая, штанишки тоже и на ногах сапожнешки. Вот и давай проверку Данилушке делать:

— Ну-ко, покажи, чему тебя мастер выучил?

Данилушко запончик¹ надел, подошёл к станку и давай рассказывать да и показывать. Что приказчик спросит — у него на все ответ готов. Как околтать² камень, как распилить, фасочку снять³, чем когда склеить, как полер⁴ навести, как на медь присадить, как на дерево. Одним словом, всё как есть.

Пытал-пытал приказчик да и говорит Прокопъичу:

— Этот, видно, гожд тебе пришёлся?

— Не жалуюсь, — отвечает Прокопъич.

— То-то, не жалуешься, а баловство разводишь! Тебе его отдали мастерству учиться, а он у пруда с удочкой! Смотри! Таких тебе свежих окуньков отпущу — до смерти не забудешь, да и парнишке невесело станет.

Погрозился так-то, ушёл, а Прокопъич дивуется:

¹ *Запончик* — фартук.

² *Околтать* — обтесать.

³ *Фасочку снять* — обточить грань.

⁴ *Полер* — (спец.) полировка.

— Когда хоть ты, Данилушко, всё это понял? Ровно я тебя ещё и вовсе не учил.

— Сам же, — говорит Данилушко, — показывал да рассказывал, а я примечал.

У Прокопьяча даже слёзы закапали, — до того ему это по сердцу пришлось.

— Сыночек, — говорит, — милый Данилушко... Что ещё знаю, всё тебе открою... Не потаю...

Только с той поры Данилушке не стало вольготного житья. Приказчик на другой день послал за ним и работу на урок стал давать. Сперва, конечно, попроще что: бляшки, какие женщины носят, шкатулочки. Потом с точкой пошло: подсвечники да украшения разные. Там и до резьбы доехали. Листочки да лепесточки, узорчики да цветочки. У них ведь — малахитчиков — дело мешкотное¹. Пустяковая ровно штука, а сколько он над ней сидит! Так Данилушко и вырос за этой работой.

А как выточил зарукавье² — змейку из цельного камня, так его и вовсе мастером приказчик признал. Барину об этом отписал:

“Так и так, объявился у нас новый мастер по малахитному делу — Данилко Недокормыш. Работает хорошо, только по молодости ещё тих. Прикажете на уроках его оставить, али как и Прокопьяча, на оброк отпустить?”

Работал Данилушко вовсе не тихо, а на диво ловко да скоро. Это уж Прокопьяч тут сноровку поимел. Задаст приказчик Данилушке какой урок на пять дён, а Прокопьяч пойдёт да и говорит:

— Не в силу это. На такую работу полмесяца надо. Учится ведь парень. Поторопится — только камень без пользы изведёт.

Ну, приказчик поспорит сколько, а дней, глядишь, прибавит. Данилушко и работал без натуги. Поучился даже потихоньку от приказчика читать, писать. Так, самую малость, а всё ж таки разумел грамоте. Прокопьяч ему в этом тоже сноровлял³. Когда и сам наладится приказчиковы уроки за Данилушку делать, только Данилушко этого не допускал.

— Что ты! Что ты, дяденька! Твоё ли дело за меня у станка сидеть! Смотри-ка, у тебя борода позеленела от малахиту, здоровьем скудаться⁴ стал, а мне что делается?

¹ Мешкотный — медлительный, вялый.

² Зарукавье — браслет.

³ Сноровлять — помогать.

⁴ Здоровьем скудаться — хворать, болеть.

Данилушко и впрямь к той поре выправился. Хоть по старинке его Недокормышем звали, а он вон какой! Высокий да румяный, кудрявый да весёлый. Одним словом, сухота девичья¹.

Прокопъич уж стал с ним про невест заговаривать, а Данилушко, знай, головой потряхивает:

— Не уйдёт от нас! Вот мастером настоящим стану, тогда и разговор будет.

Барин на приказчиково известие отписал:

“Пусть тот Прокопъичев выученик Данилко сделает ещё точёную чашу на ножке для моего дому. Тогда погляжу — на оброк пустить али на уроках держать. Только ты гляди, чтобы Прокопъич тому Данилке не пособлял. Не доглядишь — с тебя взыск будет”.

Приказчик получил это письмо, призвал Данилушку да и говорит:

— Тут, у меня, работать будешь. Станок тебе наладят, камню привезут, какой надо.

Прокопъич узнал, запечалился: как так? что за шутка? Пошёл к приказчику, да разве он скажет... Закричал только: “Не твоё дело!”

Ну, вот пошёл Данилушко работать на новое место, а Прокопъич ему наказывает:

— Ты, гляди, не торопись, Данилушко! Не оказывай себя².

Данилушко сперва остерегался. Примеривал да прикидывал больше, да тоскливо ему показалось. Делай не делай, а срок отбывай — сиди у приказчика с утра до ночи. Ну, Данилушко от скуки и сорвался на полную силу. Чаша-то у него живой рукой и вышла из дела. Приказчик поглядел, будто так и надо, да и говорит:

— Ещё такую же делай!

Данилушко сделал другую, потом третью. Вот когда он третью-то кончил, приказчик и говорит:

— Теперь не увернёшься! Поймал я вас с Прокопъичем. Барин тебе, по моему письму срок для одной чаши дал, а ты три выточил. Знаю твою силу. Не обманешь больше, а тому старому псу покажу, как потворствовать! Другим закажет!

Так об этом и барину написал и чаши все три предоставил. Только барин, — то ли на него умный стих нашёл, то ли он на приказчика за что сердит был, — всё как есть наоборот повернул.

¹ *Сухота девичья* — по такому парню девушки должны сохнуть, влюбляться в него.

² *Не оказывай себя* — не обнаруживай, не проявляй свои возможности.

Оброк Данилушке назначил пустяковый, не велел парня от Прокопьяча брать — может-то вдвоём скорее придумают что новенькое. При письме чертёж послал. Там тоже чаша нарисована со всякими шутками. По ободку кайма резная, на поясе лента каменная со сквозным узором, на подножке листочки. Одним словом, придумано. А на чертёже барин подписал: “Пусть хоть пять лет просидит, а чтобы такая в точности сделана была”.

Пришлось тут приказчику от своего слова отступить. Объявил, что барин написал, отпустил Данилушку к Прокопьячу и чертёж отдал. Повеселели Данилушко с Прокопьячем, и работа у них бойчее пошла. Данилушко вскоре за ту новую чашу принялся. Хитрости в ней многое множество. Чуть неладно ударил, — пропала работа, снова начинай. Ну, глаз у Данилушки верный, рука смелая, силы хватит — хорошо идёт дело. Одно ему не по нраву — трудности много, а красоты ровно и вовсе нет. Говорил Прокопьячу, а он только удивился:

— Тебе-то что? Придумали — значит, им надо. Мало ли я всяких штук выточил да вырезал, а куда они — толком и не знаю.

Пробовал с приказчиком поговорить, так куда тебе. Ногами затопал, руками замахал:

— Ты очумел? За чертёж большие деньги плачены. Художник, может, по столице первый его делал, а ты пересуживать выдумал!

— Ты вот что... делай эту чашу по барскому чертежу, а если другую от себя выдумаешь — твоё дело. Мешать не стану. Камня у нас, поди-ка, хватит. Какой надо — такой и дам.

Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано — чужое охаять мудрости немного надо, а своё придумать — не одну ночку с боку на бок повертись. Вот Данилушко сидит над этой чашей по чертежу-то, а сам про другое думает. Переводит в голове, какой цветок, какой листок к малахитовому камню лучше подойдёт. Задумчивый стал, невесёлый. Прокопьяч заметил, спрашивает:

— Ты, Данилушко, здоров ли? Полегче бы с этой чашей. Куда торопиться? Сходил бы в разгулку куда, а то всё сидишь да сидишь.

— И то, — говорит Данилушко, — в лес хоть сходить. Не увижу ли, что мне надо.

С той поры и стал чуть не каждый день в лес бегать. Время как раз покосное¹, ягодное. Травы все в цвету. Дани-

¹ *Покосное время* — время покоса, когда косят траву (обычно в июле месяце).

лушко остановится где на покосе либо на поляне в лесу и стоит, смотрит. А то опять ходит по покосам да разглядывает траву-то, как ищет что. Людей в ту пору в лесу и на покосах много. Спрашивают Данилушку – не потерял ли чего? Он улыбнётся этак невесело да и скажет:

– Потерять не потерял, а найти не могу.

Ну, которые и запоговаривали:

– Неладно с парнем.

А он придёт домой и сразу к станку да до утра и сидит, а с солнышком опять в лес да на покосы. Листки да цветки всякие домой притаскивать стал, а всё больше из объеди¹: черемицу да омег, дурман да багульник, да резуны всякие. С лица спал, глаза беспокойные стали, в руках смелость потерял. Прокопъич вовсе забеспокоился, а Данилушко и говорит:

– Чаша мне покою не даёт. Охота так её сделать, чтобы камень полную силу имел.

Прокопъич давай отговаривать:

– На что она тебе далась? Сыты ведь, чего ещё? Пущай бары тешатся, как им любо. Нас бы только не задевали. Придумают какой узор – сделаем, а навстречу-то им зачем лезть? Лишний хомут надевать – только и всего.

Ну, Данилушко на своём стоит.

– Не для барина, – говорит, стараюсь. Не могу из головы выбросить ту чашу. Вижу, поди-ка, какой у нас камень, а мы что с ним делаем? Точим, да режем, да полер наводим и вовсе ни к чему. Вот мне и припало желание так сделать, чтобы полную силу камня самому поглядеть и людям показать.

По времени отошёл Данилушко, сел опять за ту чашу, по барскому чертежу. Работает, а сам посмеивается:

– Лента каменная с дырками, каёмочка резная...

Потом вдруг забросил эту работу. Другое начал. Без передышки у станка стоит. Прокопъичу сказал:

– По дурман-цветку свою чашу делать буду.

Прокопъич отговаривать принялся. Данилушко сперва и слушать не хотел, потом, дня через три-четыре, как у него какая-то оплошка вышла, и говорит Прокопъичу:

– Ну ладно. Сперва барскую чашу кончу, потом за свою примусь. Только ты уж тогда меня не отговаривай... Не могу её из головы выбросить.

¹ *Объедь* — большая семья (речь идёт о растениях: *омег* - ядовитое растение, дегтярка; *резун* - болотное пушистое растение, белоголовица; *черемица* - черемша, дикий чеснок; *багульник* - болотная трава, древесный зверобой; *дурман* - белена, сон-трава.

Прокопъич отвечает:

– Ладно, мешать не стану, – а сам думает: “Уходится парень, забудет. Женить его надо. Вот что! Лишняя дурь из головы вылетит, как семьей обзаведётся”.

Занялся Данилушко чашей. Работы в ней много – в один год не укладёшь. Работает усердно, про дурман-цветок не поминает. Прокопъич и стал про женитьбу заговаривать:

– Вот хотя бы Катя Летемина – чем не невеста? Хорошая девушка... Похаять нечем.

Это Прокопъич-то от ума говорил. Он, вишь, давно заприметил, что Данилушко на эту девушку сильно поглядывал. Ну, и она не отворачивалась. Вот Прокопъич, будто ненароком, и заводил разговор. А Данилушко своё твердит:

– погоди! Вот с чашкой управлюсь. Надоела мне она. Того и гляди – молотком стукну, а он про женитьбу! Уговорились мы с Катей. Подождёт она меня.

Ну, сделал Данилушко чашу по барскому чертежу. Приказчику, конечно, не сказали, а дома у себя гулянку маленькую придумали сделать. Катя – невеста-то – с родителями пришла, ещё которые... из мастеров же малахитных больше. Катя дивится на чашу.

– Как, – говорит, – только ты ухитрился узор такой вырезать и камня нигде не обломил! До чего всё гладко да чисто обточено!

Мастера тоже одобряют:

– В аккурат-де по чертежу. Придаться не к чему. Чисто сработано. Лучше не сделать, да и скоро. Так-то работать станешь – пожалуй, нам тяжело за тобой тянуться.

Данилушко слушал-слушал да и говорит:

– То и горе, что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него – сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить.

– А где оплошал, – смеются мастера, – там подклеил да полером прикрыл, и концов не найдёшь.

– Вот-вот... А где, спрашиваю, красота камня? Тут прожилка прошла, а ты на ней дырки сверлишь да цветочки режешь. На что они тут? Порча ведь это камня. А камень-то какой! Первый камень! Понимаете, первый!

Горячиться стал. Выпил, видно, маленько. Мастера и говорят Данилушке, что ему Прокопъич не раз говорил:

– Камень – камень и есть. Что с ним сделаешь? Наше дело такое – точить да резать.

Только был тут старичок один. Он ещё Прокопъича и тех – других-то мастеров – учил. Все его дедушкой звали, вовсе ветхий старичоночко, а тоже этот разговор понял да и говорит Данилушке:

– Ты, милый сын, по этой половице не ходи! Из головы выбрось! А то попадёшь к Хозяйке в горные мастера...

– Какие мастера, дедушко?

– А такие... в горе живут, никто их не видит... Что Хозяйке понадобится, то они сделают. Случилось мне раз видеть. Вот работа! От нашей, от здешней, на отличку.

Всем любопытно стало. Спрашивают, какую поделку видел.

– Да змейку, – говорит, – ту же, какую вы на зарукавье точите.

– Ну и что? Какая она?

– От здешних, говорю, на отличку. Любой мастер увидит, сразу узнает – не здешняя работа. У наших змейка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут как есть живая. Хребетик чёрненький, глазки... Того и гляди – клюнет. Им ведь что! Они цветок каменный видали, красоту поняли.

Данилушко, как услышал про каменный цветок, давай спрашивать старика. Тот по совести сказал:

– Не знаю, милый сын. Слыхал, что есть такой цветок. Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет.

Данилушко на это и говорит:

– Я бы поглядел.

Тут Катенька, невеста-то его, так и затрепыхалась:

– Что ты, что ты, Данилушко! Неуж тебе белый свет наскучил? – да в слёзы.

Прокопъич и другие мастера сметили дело, давай старого мастера на смех подымать:

– Выживаться из ума, дедушко, стал. Сказки рассказываешь. Парня зря с пути сбиваешь.

Старик разгорячился, по столу стукнул:

– Есть такой цветок! Парень правду говорит: камень мы не разумеем. В том цветке красота показана.

Мастера смеются:

– Хлебнул, дедушко, лишка!

А он своё:

– Есть каменный цветок!

Разошлись гости, а у Данилушки тот разговор из головы не выходит. Опять стал в лес бегать да около своего дурман-цветка ходить, про свадьбу и не поминает. Прокопъич уж понуждать стал:

– Что ты девушку позоришь? Который год она в невестах ходить будет? Того жди – пересмеивать её станут. Мало смотниц-то¹?

Данилушко одно своё:

– погоди ты маленько! Вот только придумаю да камень подходящий подберу.

И повадился на медный рудник – на Гумешки-то. Когда в шахту спустится, по забоям обойдёт, когда наверху камни перебирает. Раз как-то поворотил камень, оглядел его да и говорит:

– Нет, не тот...

Только это промолвил, кто-то и говорит:

– В другом месте поищи... у Змеиной горки.

Глядит Данилушко – никого нет. Кто бы это? Шутят, что ли... Будто и спрятаться негде. Поогляделся ещё, пошёл домой, а вслед ему опять:

– Слышь, Данило-мастер? У Змеиной горки, говорю.

Оглянулся Данилушко – женщина какая-то чуть видна, как туман голубенький. Потом ничего не стало.

“Что, – думает, – за шутка? Неуж сама? А что, если сходить на Змеиную-то?”

Змеиную горку Данилушко хорошо знал. Тут же она была, недалеко от Гумешек. Теперь её нет, давно всю срыли, а раньше камень поверху брали.

Вот на другой день и пошёл туда Данилушко. Горка хоть небольшая, а крутенькая. С одной стороны и вовсе как срезано. Глядельце² тут первосортное. Все пласты видно, лучше некуда.

Подошёл Данилушко к этому глядельцу, а тут малахитина выворочена. Большой камень – на руках не унести, и будто обделан вроде кустика. Стал оглядывать Данилушко эту находку. Всё, как ему надо: цвет снизу погуще, прожилки на тех самых местах, где требуется... Ну, всё как есть... Обрадовался Данилушко, скорей за лошадью побежал, привёз камень домой. Говорит Прокопъичу:

– Гляди-ка, камень какой! Ровно нарочно для моей работы. Теперь живо сделаю. Тогда и жениться. Верно, заждалась

¹ Смотница – сплетница.

² Глядельце – место, где видно напластование горных пород.

меня Катенька. Да и мне это не легко. Вот только эта работа меня и держит. Скорее бы её кончить!

Ну, и принялся Данилушко за тот камень. Ни дня, ни ночи не знает. А Прокопъич помалкивает. Может, угомонится парень, как охотку стешит. Работа ходко идёт. Низ камня отдалел. Как есть, слышь-ко, куст дурмана. Листья широкие кучкой, зубчики, прожилки – всё пришлось лучше нельзя. Прокопъич и то говорит – живой цветок-то, хоть рукой пощупать. Ну, как до верху дошёл – тут заколодило. Стебелёк выточил, боковые листики тонёхоньки – как только держится! Чашку, как у дурман-цветка, а не то...

Не живой стал и красоту потерял. Данилушко тут и сна лишился. Сидит над этой своей чашей, придумывает, как бы поправить. лучше сделать. Прокопъич и другие мастера, кои заходили поглядеть, дивятся, – чего ещё парню надо? Чашка вышла – никто такой не делывал, а ему неладно. Умуется¹ парень, лечить его надо. Катенька слышит, что люди говорят, – поплакивать стала. Это Данилушко и образумило.

– Ладно, – говорит, – больше не буду. Видно, не подняться мне выше-то, не поймать силу камня. – И давай сам торопить со свадьбой. Ну, а что торопить, коли у невесты давным-давно всё готово. Назначили день. Повеселел Данилушко. Про чашу-то приказчику сказал. Тот прибежал, глядит – вот шутка какая! Хотел сейчас эту чашу барину отправить, да Данилушко говорит:

– Погоди маленько, доделка есть.

Время осеннее было. Как раз около Змеиною праздника свадьба приплась. К слову, кто-то и помянул про это – вот-де скоро змеи все в одно место соберутся. Данилушко эти слова на приметку взял. Вспомнил опять разговоры о малахитовом цветке. Так его и потянуло: “ Не сходить ли последний раз к Змеиной горке? Не узнаю ли там чего?” – и про камень припомнил: “Ведь как положенный был! И голос на руднике-то... про Змеиную же горку говорил”.

Вот и пошёл Данилушко. Земля тогда уже подмерзать стала, снежок припорошивал. Подошёл Данилушко ко крутику, где камень брал, глядит, а на том месте выбоина большая, будто камень ломали. Данилушко о том не подумал, кто это камень ломал, зашёл в выбоину. “Посижу, – думает, – отдохну за ветром. Потеплее тут”. Глядит – у одной стены камень-серовик, вроде стула. Данилушко тут и сел, задумался, в землю глядит, и всё цветок тот каменный из головы нейдёт. “Вот бы поглядеть!” Только вдруг тепло стало,

¹ Умуется – мучается.

ровно лето воротилось. Данилушко поднял голову, а напротив, у другой-то стены, сидит Медной горы Хозяйка. По красоте-то да по платью малахитову Данилушко сразу её признал. Только и то думает:

“Может, мне это кажется, а на деле никого нет”. Сидит – молчит, глядит на то место, где Хозяйка, и будто ничего не видит. Она тоже молчит, вроде как призадумалась. Потом и спрашивает:

– Ну что, Данило-мастер, не вышла твоя дурман-чаша?

– Не вышла, – отвечает.

– А ты не вешай голову-то! Другое попытай. Камень тебе будет, по твоим мыслям.

– Нет, – отвечает, – не могу больше. Измаялся весь, не выходит. Покажи каменный цветок.

– Показать-то, – говорит, – просто, да потом жалеть будешь.

– Не отпустишь из горы?

– Зачем не отпущу! Дорога открыта, да только ко мне же ворочаются.

– Покажи, сделай милость!

Она ещё его уговаривала:

– Может, ещё попытаешь сам добиться! – Про Прокопьяча тоже помянула: – Он-де тебя пожалел, теперь твой черёд его пожалеть.

Про невесту напомнила: – Души в тебе девка не чаёт, а ты на сторону глядишь.

– Знаю я, – кричит Данилушко, – а только без цветка мне жизни нет. Покажи!

– Когда так, – говорит, – пойдём, Данило-мастер, в мой сад.

Сказала и поднялась. Тут и зашумело что-то, как осыпь земляная. Глядит Данилушко, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня... Ну, всякие... Только живые, с сучьями, с листочками. От ветру-то покачиваются и голк¹ дают, как галечками кто подбрасывает. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая², красная... разная... Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Промеж деревьев змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идёт.

И вот подвела та девица Данилушку к большой полянке. Земля тут как простая глина, а по ней кусты чёрные, как бархат. На этих кустах больше зелёные колокольцы малахитовы и

¹ Голк – шум.

² Лазоревая – лазурная, светло-синяя.

в каждом сурьмяная¹ звёздочка. Огневые пчёлки над теми цветками сверкают, а звёздочки тонёхонько позванивают, ровно поют.

– Ну, Данило-мастер, поглядел? – спрашивает Хозяйка.

– Не найдёшь, – отвечает Данилушко, – камня, чтобы так-то сделать.

– Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу. – Сказала и рукой махнула. Опять зашумело, и Данилушко на том же камне, в ямине-то этой оказался. Ветер так и свистит. Ну, известно, осень.

Пришёл Данилушко домой, а в тот день как раз у невесты вечеринка была. Сначала Данилушко весёлым себя показывал – песни пел, плясал, а потом и затуманился. Невеста даже испугалась:

– Что с тобой? Ровно на похоронах ты!

А он и говорит:

– Голову разломило. В глазах чёрное с зелёным да красным. Света не вижу.

На этом вечеринка и кончилась. По обряду невеста с подружками провожать жениха пошла. А много ли дороги, через дом либо через два жили. Вот Катенька и говорит:

– Пойдёмте, девушки, кругом. По нашей улице до конца дойдём, а по Еланской воротимся.

Про себя думает: “Пообдует Данилушку ветром, – не лучше ли ему станет”.

А подружкам что... Рады-радёхоньки.

– И то, – кричат, – проводить надо. Шибко он близко живёт – провожальную песню ему по-доброму вовсе не певали.

Ночь-то тихая была, и снежок падал. Самое для разгулки время. Вот они и пошли. Жених с невестой попереду, а подружки невестины с холостяжником², который на вечеринке был, поотстали маленько. Завели девки эту песню провожальную. А она протяжно да жалобно поётся, чисто по покойнику. Катенька видит – вовсе ни к чему это: “И без того Данилушко у меня невесёлый, а они ещё причитанье петь придумали”.

Старается отвести Данилушку на другие думки. Он разговорился было, да только скоро опять запечалился. Подружки Катеньки тем временем провожальную кончили, за весёлые принялись. Смех у них да беготня, а Данилушко идёт, голову повесил. Сколь Катенька ни старается, не может развеселить. Так и до дому дошли. Подружки с холостяжником стали расходиться – кому куда, а Данилушко уж без обряду невесту свою проводил и домой пошёл.

¹ Сурьмяная – окрашенная в чёрный цвет.

² С холостяжником – с холостыми парнями.

Прокопъич давно спал. Данилушко потихоньку зажёг огонь, выволок свои чаши на середину избы и стоит, оглядывает их. В это время Прокопъича кашлем бить стало. Так и надрывается. Он, вишь, к тем годам вовсе нездоровый стал. Кашлем-то этим Данилушку как ножом по сердцу резнуло. Всю прежнюю жизнь припомнил. Крепко жаль ему старика

стало. А Прокопъич прокашлялся, спрашивает:

— Ты что это с чашами-то?

— Да вот гляжу, не пора ли сдавать?

— Давно, — говорит, — пора. Зря только место занимают. Лучше всё равно не сделаешь.

Ну, поговорили ещё маленько, потом Прокопъич опять уснул. И Данилушко лёг, только сна ему и нет. Поворочался-поворочался, опять поднялся, зажёг огонь, поглядел на чаши, подошёл к Прокопъичу. Постоял тут над стариком-то, повздыхал...

Потом взял балодку¹ да как ахнет по дурман-цветку, — только схрупало. А ту чашу, — по барскому-то чертежу, — не пошевелил! Плюнул только в середку и выбежал. Так с той поры Данилушку и найти не могли.

Кто говорил, что он с ума решился, в лесу загинул, а кто опять сказывал — Хозяйка взяла его в горные мастера.

На деле по-другому вышло. Про то дальше сказ будет.

Павел Петрович Бажов, русский писатель и фольклорист, лауреат Государственной премии, родился на Урале в семье рабочего. Детство провёл в Полевском. Окончил заводскую школу и в числе лучших учеников с 10 до 14 лет учился в Пермском духовном училище. Потом работал учителем. Бажов занимался журналистской и литературной деятельностью. Писал историю Урала, собирал фольклор. Известность ему принесло первое издание уральских сказов "Малахитовая шкатулка".

¹ Балодка — небольшой кузнечный молот.

В собрание сочинений П. П. Бажова входят очерки, повести, мемуары, дневниковые записи. По мотивам его произведений снято несколько кинофильмов, мультфильмов, поставлены балеты, оперы и т.д.

Вопросы и задания

1. Можно ли говорить об эпитете в названии сказки? Объясни свой выбор.

2. Что ты можешь сказать о словах типа парнишечко, кудрявеньки, глазёнки?

3. Опиши действия палача. Что в них сказочного?

4. Проследи за ростом героя. Каким он был в начале повествования? Что изменилось в нём к концу?

5. Найди в тексте эпитеты и сравнения. Поделись теоретическими знаниями со своими родителями.

6. Открой словарь и найди значения слов сказка и сказ. Составь с ними небольшой текст. А может у тебя получится сказ?

7. Почему барин распоряжался жизнью Данилушки Недокормыша, Прокопчыча и других мастеров? Что такое крепостное право?

8. Найди ошибки в кластере.

9. Составь синквейн по этому произведению.
10. Как может сложиться дальнейшая судьба Данилушки?

Когда уроки кончаются

Когда конфеты кончаются —
Очень все огорчаются.
И когда апельсины кончаются —
Тоже все огорчаются.

А когда уроки кончаются —
Редко кто огорчается:
Скорей во дворе встречаются,
В доспехи свои облачаются,
Друг на друге скакать обучаются,
На качелях во всю качаются...
В общем, много чего приключается,
Когда уроки кончаются.

Но конфеты и апельсины
От уроков тем отличаются,
Что уж если они кончаются,
То уж точно — совсем кончаются,
Неизвестно насколько кончаются...
Это ж можно вообще отчаяться!

А уроки от апельсинов
Именно тем отличаются,
Что никак до конца не кончаются -
Каждый день они снова случаются.
Даже лишние назначаются...
Вот ведь штука-то
в чем заключается.
Нехорошо получается!

И. Шевчук

ПОНЯТИЕ О ДАСТАНЕ

Эпос — (греч. epos — слово) — род литературы, в котором повествуется о событиях и героях, их поступках и жизни.

К эпосу относятся следующие жанровые формы: сказка, былина, легенда, дастан, рассказ, повесть, роман.

Существуют художественные произведения, в которых сочетается эпическое и лирическое изображение жизни. Это лиро-эпические произведения, и к ним относятся баллады и поэмы.

Дастан — один из самых распространённых, наиболее крупных по объёму фольклорных жанров азербайджанского народа. В дастанах нашли отражение героические деяния прошлого, рассказывающие о любви и верности, дружбе и чести, любви к родине и защите своих земель от врага.

Дастаны состоят из прозаического текста и поэтического. **Поэтический текст** — это песни героев, передающие их чувства и настроения. А **прозаический** — это повествование о поступках и действиях героев.

Примером могут служить дастаны «Китаби Деде Коркут», «Кёроглы».

КЁРОГЛЫ

(Дастан)

Много лет Алы-киши пас коней у Гасан-хана. Состарился на этой службе. Однажды пас он табун у моря и вдруг видит, как из волн морских выходят два прекрасных коня... Через некоторое время от них родились два жеребёнка. Как-то к Гасан-хану приехал тогатский Хасан-паша и попросил в подарок двух жеребцов. Алы-киши предложил этих двух, так как считал их лучшими. Но никто не поверил, что из этих длинноногих, невзрачных на вид жеребят могут вырасти отличные кони. Рассерженный Гасан-хан велел ослепить Алы-киши и вместе с жеребцами прогнал прочь. Пришёл слепой старик с жеребцами домой. Его сын Ровшан, которого стали звать Кёроглы (сын слепого), помог вырастить коней. Одного из них называли Гыратом¹, а другого — Дуратом².

Прошло время. Отправились отец и сын на поиски нового места. Нашли это место в горах, и называлось оно Ченлибель.

¹ **Гырат** — означает «огненный». Именно этот конь является символом верного служения тому, кто сражается за правое дело.

² **Дурат** - по цвету масти - серый (перламутровый)

Стали жить там, построив дом и конюшню. Ровшан поклялся отомстить за отца, а заодно бороться со всеми, кто обижал бедных и был к ним несправедлив.

ПРИХОД ДЕМИРЧИОГЛЫ В ЧЕНЛИБЕЛЬ

были прославленные игиды¹. Дойди дело до схватки, каждый из них не уступит и ста игидам.

Кёроглы любил своих воинов и заботился о них. Им не приходилось дважды просить его о чём-нибудь.

Слава о привольной жизни удальцов Ченлибеля разнеслась далеко. Что ни день в Ченлибель приходили новые люди, чтобы честью и правдой послужить Кёроглы. Да и сам он разузнавал о новых игидах, старался привлечь их в Ченлибель. Бывало, что пройдёт неделя или две, сядет он на своего Гырата и поедет по окрестным сёлам и городам — не встретит ли верных людей.

Рассказывают, что как-то Кёроглы в старой одежде гуртовщика¹ держал путь в Нахчыван. Объехал он город слева, потом справа и, наконец, остановил коня у самого базара, перед кузницей.

Увидев его, кузнец поспешно поднялся с места, разложил готовые подковы, чтоб тот мог выбрать. Понравилась Кёроглы приветливость кузнеца. А надо вам сказать, что у Кёроглы в каждом городе, в каждой деревушке были свои друзья. Захотел он подружиться и с кузнецом, да сначала решил подшутить над ним. Будто рассматривая подковы, он одну за другой согнул их в руке и, вернув кузнецу, сказал:

— Дружище, что это за кривые, косые куски железа, давай подковы.

¹ Игиды — удальцы, герои.

² Гурт — стадо домашнего скота. Гуртовщик — пастух этого стада.

Кузнец посмотрел снизу вверх на покупателя и, не сказав ни слова, снял мерку с копыт Гырата. Выковал он четыре добротные подковы и хотел подковать коня.

Никто, кроме Кёроглы, не мог оторвать от земли копыта Гырата. Зная это, он, засучив рукава, сам приподнял сперва одну, потом другую ногу коня. Передние копыта его были подкованы, когда же черёд дошёл до задних, Гырат заупрямился. Как Кёроглы ни старался, не мог приподнять ногу коня. Но оставим их тут возиться с Гыратом и расскажем о сыне кузнеца.

У кузнеца был сын, совсем ещё юный. Сызмальства мальчишки прозвали его Демирчиоглы¹.

Демирчиоглу рос не по дням, а по часам и стал высоченым, могучим пехлеваном². Кто видел его раз, тому хотелось взглянуть и в другой. Когда Кёроглы подвёл Гырата к кузнецу, Демирчиоглы был в кузнице. Смотрит, к отцу пришёл заказчик, по одежде похож на гуртовщика, а лицом — чистый пехлеван.

Пришёлся он по душе Демирчиоглы. Но когда Кёроглы стал шутить, гнуть подковы и возвращать их, Демирчиоглы вспыхнул. Хотел было он встать и достойно ответить ему, но сдержался и стал ждать, чем всё это кончится.

А кузнец возился-возился с упрямым Гыратом и в конце концов поранил себе молотком палец. Тут Демирчиоглы уже не мог больше сдерживаться. Он был и сердит и рад, что Кёроглу не в силах сладить с конём.

Тихонько выйдя из кузницы, он крадучись подошёл к ним и, оттолкнув Кёроглы, сразу приподнял Гырата за обе задние ноги. Как конь ни бился, как ни старался вырваться из ручищ Демирчиоглы, не мог. Наконец, устав, он затих. Посмотрел Демирчиоглы снизу вверх на Кёроглы и сказал:

— Эдакий здоровенный мужчина и не можешь приподнять ногу коню. Отец, иди, подкуй коня!

Посмотрел Кёроглы на юношу, посмотрел на Гырата и не проронил ни слова. Однако сила Демирчиоглы поразила его.

Кузнец подковал коня. Кёроглы опустил руку в карман и вынул деньги. Взял Демирчиоглы и, оглядев их с обеих сторон, как прежде Кёроглы подковы, смял в руке, словно воск, и вернул:

— Если даёшь, давай настоящие деньги, на что нам эти кривули, косули?

¹ Как Кёроглу означает "сын слепого", так Демирчиоглу означает "сын кузнеца".

² Пехлеван — богатырь.

Взял Кёроглы деньги, посмотрел, видит, в самом деле, так оно и есть. Снова вынул он из кармана пригоршню¹ монет и дал Демирчиоглу.

На этот раз Демирчиоглы, потеряв монеты между пальцами, стёр с них чеканку² и, бросив Кёроглы, сказал:

— Нам фальшивые деньги не нужны. Возьми, быть может, тебе они пригодятся.

Кёроглы понял, что этот молодец задирает³ его. Не сказав ни слова, он отдал деньги самому кузнецу, сел на Гырата и поскакал. Ехал он и всё думал, как заманить Демирчиоглы в Ченлибель и уговорить его примкнуть к игидам.

Погружённый в свои мысли, приехал он в Ченлибель. Удальцы вышли ему навстречу. Видят, Кёроглы мрачен, точно какое горе свалилось ему на плечи. Но сколько они ни расспрашивали, Кёроглы ничего не ответил им.

Оставим их теперь в Ченлибеле и расскажем о Демирчиоглы.

После того как Кёроглы ускакал на своём коне, кузнец сказал сыну:

— Эх, сынок, что ты наделал? Жили мы себе тихо, мирно, а теперь ты заварил кашу⁴!

— Но, отец, — ответил Демирчиоглу, — что я такое сделал, какую заварил кашу? Он погнул наши подковы, а я его монеты. Пусть бы сидел спокойно. Что мы дети что ли? Чего ему тут бахвалиться⁵?

— Дитя моё, — сказал кузнец, — знаешь ли, кто это? Это удалой Кёроглы из Ченлибея. Он приводит в страх и трепет самих пашей и беков. Я нарочно притворился, будто не узнал его.

— Ох, отец, почему ты сразу не сказал об этом, я сложил бы его пополам и смял своими коленями. Показал бы ему, что он за пехлеван.

Сколько кузнец ни убеждал: «Сын мой, брось и думать об этом, тебе с Кёроглы не справиться», Демирчиоглы твердил своё:

— Нет, я должен проучить его... Твердят Кёроглы! Кёроглы! А я-то думаю, что это за человек, почему все так боятся его. Ах, жаль, что я не знал... Жаль! Видно, ему ещё не довелось встречаться с настоящими игидами. Видал, как

¹ Пригоршня — количество чего-нибудь, вмещающееся в ладони.

² Чеканка — здесь: изображение на монете.

³ Задирать — провоцировать на скандал.

⁴ Заварить кашу — затеять хлопотное или неприятное дело.

⁵ Бахвалиться — хвастаться.

он притих, когда я смял его денежки и вернул ему самому. От страха и слова вымолвить не посмел.

— Сынок, — сказал кузнец, — ты ещё молод, просто не стал он связываться с тобой. Ты не гляди, что он такой. При одном его имени паши и ханы дрожат, как листья.

— Что ж, — ответил Демирчиоглу, — паши и ханы будут трястись. Где им взять мужества? А ты не слушай весь этот шум-гам! Кёроглы! Кёроглы! Видал, — он не мог справиться с какой-то клячей...

— Какая это кляча? Этого коня называют бешеным Гыратом удалого Кёроглы. Да любой хан или паша отдаст за этого коня всё своё состояние.

— Ладно, отец, — сказал Демирчиоглу, — дай мне неделю сроку, если за это время я не приведу тебе этого коня, то не буду достоин носить папаху¹.

Словом, сколько кузнец ни увещевал сына, ничего не вышло. В конце концов Демирчиоглы взял тайком от отца цепь от плуга, опоясался ею и пустился в Ченлибель. Долго ли шёл он, коротко ли, шёл через горы, леса, долины² и, наконец, дошёл к ночи до Ченлибеля. Только поднялся он на гору, как на вершине столкнулся с Кёроглы. А была уже, как сказано, тёмная ночь.

— Эй, кто там? — окликнул Кёроглы. — Что ты делаешь здесь в такую позднюю пору?

— Какое тебе дело, кто я? — ответил Демирчиоглы.

Кёроглу тотчас узнал его по голосу. А сам, чтобы остаться не узнанным, изменил голос и сказал:

— Чего ты сердишься? Ведь я тебе ничего обидного не сказал, спросил только, кто ты и что тут делаешь?

— Я ищу Кёроглы. У меня к нему дело.

— И я ищу его.

— А на что он тебе? — спросил Демирчиоглы.

— О, он причинил мне зло. Я пришёл свести с ним счёты. Посмотрим, на чьей стороне правда.

— И мне нужно закончить с ним своё дело, — промолвил Демирчиоглы. — Несколько дней тому назад он приходил подковывать своего коня. Жаль, что я не узнал его. Потом уж, когда он уехал, отец сказал, что это был Кёроглы. Этой ночью я должен увести отсюда или его самого, или его коня.

Хотел было Кёроглы схватить его в охапку и отвести к удалцам, но подумал: «Дай-ка я ещё разок испытаю его храбрость». И, снова изменив голос, сказал:

¹ Папаха — один из символов мужской чести.

² Долины — долины.

— С самого вечера я тут. Всё высмотрел, разузнал. Сейчас Кёроглы нет, но конь его в конюшне.

— Пойдём, покажи мне эту конюшню, — предложил Демирчиоглы.

— Отлично, — ответил Кёроглы. — Давай уведём Гырата. Где бы Кёроглы ни был, а он всё равно придёт за конём. Тогда посмотрим, чью сторону возьмёт Аллах.

Сказав это, Кёроглы повёл за собой Демирчиоглы и по кривым извилистым тропкам привёл к конюшне. Смотрят, на дверях висит большой замок.

— Как же мы теперь будем ломать замок? — тихонько спросил Кёроглы.

Демирчиоглы проворно вскарабкался на конюшню. Мгновенно проделал брешь в крыше, потом, сняв с себя цепь и отдав один конец Кёроглы, сказал:

— Спустись в конюшню, продень цепь под грудь коня, а конец дай мне.

Кёроглы молча спустился в конюшню, продел цепь под грудь коня и конец передал Демирчиоглы. Тот приналёг, поднатужился. Смотрит Кёроглы: стреноженный Гырат поднялся в воздух.

— Эй, постой, — крикнул Кёроглы, — я поправлю цепь!

Демирчиоглы слегка ослабил конец цепи. Кёроглы обвязал цепью и Дурата. Демирчиоглу напрягся, и оба коня поднялись в воздух. Удивился Кёроглу, что за чудовище, настоящий пехлеван! Если закрепить цепь, то поднимет он и гору.

Словом, Демирчиоглу поднял Гырата на крышу, сорвал и сбросил путы с коня, и сказал Кёроглу:

— Садись на круп коня.

Хотел было Демирчиоглу сам сесть на Гырата. Гырат оскалил зубы, двинулся на него и чуть было не оторвал ему голову. Кёроглу бросился к коню. Увидев его, Гырат успокоился. Сдерживая коня, Кёроглу сказал:

— Садись сначала ты, а потом сяду я.

У Гырата был такой нрав: кому Кёроглу вручал поводья, того он слушался. Словом, оба сели на коня. Когда перевалили через гору и поехали по дороге, Кёроглу спросил:

— Послушай, милый мой, как это говорится у нас, — если не предвидеть беду, добру не бывать. Вдруг Кёроглу вернётся, узнает, что мы увели Гырата, возьмёт своих удалцов и погонится за нами, что мы тогда станем делать?

— Ну и что ж, пусть гонится, — отвечал Демирчиоглу. — Пускай гонится хоть со вчерашнего дня, с сегодняшним будет два. Этого-то я и хочу.

— И ты ничуть не боишься его? — спросил Кёроглу.

— Я не боюсь ни его меча, ни его удальцов, — ответил Демирчиоглу. — Только слышал, что в бою он вдруг может клич кликнуть. Если что и испугает меня, так разве только его голосина.

— Ну, кричит он редко-редко. Зато сила в ручищах этого злодея здоровенная. Стоит ему схватиться за что-нибудь — кончено.

— Эх, пришёл бы он сейчас сюда, я показал бы ему силищу его рук.

Кёроглу промолчал. Проехали они ещё немного. Кёроглу видит, что Ченлибель остался далеко позади. Если они схватятся и поднимут тут шум, удальцы не услышат. Приложил он губы к уху Демирчиоглу и как крикнет! Демирчиоглу перекувыркнулся и свалился прямо под ноги Гырата.

Кёроглу соскочил с коня, крепко связал руки Демирчиоглу цепью. Кое-как Демирчиоглу пришёл в себя, приподнялся, сел и спросил:

— Уж не ты ли сам Кёроглу?

— Да, я самый, — ответил он.

— Хвала тебе! Достоин ты этого имени. Развяжи мне руки, пойдём. С нынешнего дня стану я тебе младшим братом.

— Нет, приятель, — ответил Кёроглу. — Рук тебе развязывать я не стану. Развяжу, а ты вдруг задумаешь шалить. Встань, пойдём так.

— Будь спокоен, развяжи. Я ведь сказал, что с этого дня я тебе младший брат.

Кёроглу не послушал его. Тогда Демирчиоглу сказал:

— Я человек прямой, коли дал слово, держу его. Или ты думаешь, если не снимешь цепи, сам не сумею?

Сказав это, Демирчиоглу глубоко вздохнул, поднатужился разок, — цепь разорвалась на куски и упала наземь. Повернувшись к Кёроглу, он промолвил:

— Кёроглу, не поверил ты мне, не снял цепи. Но моё слово крепко. Куда прикажешь, туда и поедем. Теперь до конца жизни буду я с тобой. Только одно условие ставлю: коли мне захочется, съезжу в город, навещу отца с матерью.

— Вольному воля, — отвечал Кёроглу. — Когда бы ни пожелал, можешь ехать.

Снова уселись оба на Гырата и поехали в Ченлибель. Собрались игиды, радушно встретили Демирчиоглу и устроили пир.

Видит Нигяр-ханум, что Демирчиоглу без пояса, с непокрытой головой, и спрашивает его:

— Игид, почему на тебе нет пояса?

— Клянусь аллахом, ханум, — отвечал он, — был у меня один-единственный поясок, Кёроглу связал им мне руки, я рассердился, рванул — и он порвался.

Кёроглу рассказал про то, как справился богатырь с цепью. Все воздали хвалу мощи Демирчиоглу.

Рады были Кёроглу и его удалцы, что среди них оказался такой богатырь.

Демирчиоглу всегда был верен своему слову. Подружившись с удалцами, стал он Кёроглу верным помощником и опорой.

Вопросы и задания

1. Почему Ровшана стали звать Кёроглу? Где жил он со своими игидами, и как звали его любимого коня?

2. Почему пополнялись ряды сторонников Кёроглу?

3. Что означает имя Демирчиоглу?

4. Почему Демирчиоглу обиделся на Кёроглу и решил ему отомстить?

5. Уступал ли Демирчиоглу в силе Кёроглу?

6. Как удалось Кёроглу одержать верх над Демирчиоглу?

7. Что служило поясом для Демирчиоглу?

8. Найди и прочитай несколько песен из других частей дастана или послушай одноимённую оперу великого азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова.

9. Подбери определения, которые одинаково характеризовали бы Кёроглу и Демирчиоглу.

10. Составь синквейн.

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ О БАСНЕ И АЛЛЕГОРИИ

Басня — один из малых эпических жанров, древнейший вид сатирической поэзии. Она возникла ещё задолго до нашей эры в Греции. Цель басни — осмеяние человеческих пороков и недостатков общественной жизни.

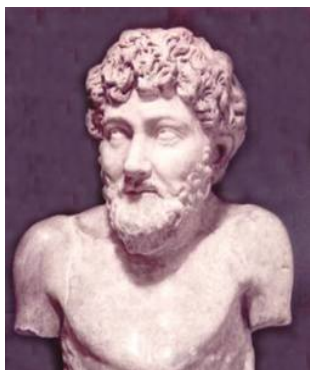
Басня состоит из двух частей: повествовательной и поучительной. Поучительную часть обычно называют моралью. Это важнейший элемент басни, в котором заключается основной её смысл, вывод. Обычно мораль находится или в начале, или в конце произведения и выделяется особым шрифтом. Поучительной части может и совсем не быть, но она обязательно подразумевается.

Наибольшую известность в древней литературе приобрели басни Эзопа, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие этого вида эпического творчества.

В основе басни лежит **аллегория** (с греч. — иносказание), т.е. когда под видом животных или предметов высмеиваются пороки определённых лиц или явлений человеческой жизни. Например, в басне «Свинья под Дубом» свинья — это невежественный человек, ничего не понимающий и не желающий учиться.

«Эзопов» язык (по имени баснописца Эзопа) — это иносказательная речь, насыщенная недомолвками и ироническими намёками, применяемая для того, чтобы спрятать истинный смысл.

Давайте познакомимся с несколькими баснями и попробуем разобраться, о чём идёт в них речь.

ЭЗОП

(VI в. до н.э.)

ОРЁЛ И ЛИСИЦА

Орёл и лисица решили жить в дружбе и сговорились поселиться рядом, чтобы от соседства дружба была крепче. Орёл свил гнездо на высоком дереве, а лисица родила лисят под кустами внизу. Но вот однажды вышла лиса на добычу, а орёл

проголодался, слетел в кусты, схватил её детёнышей и со своими орлятами их сожрал. Вернулась лисица, поняла, что случилось, и горько ей стало — не столько оттого, что дети погибли, сколько оттого, что отомстить она не могла: не поймать было зверю птицы. Только и оставалось ей издали проклинать обидчика: что ещё может делать беспомощный и бессильный. Но скоро орлу пришлось поплатиться за попорченную дружбу. Кто-то в поле приносил в жертву козу; орёл слетел к жертвеннику¹ и унёс с него горящие внутренности. И только донёс их до гнездовья, как дунул сильный ветер, и тонкие старые прутья вспыхнули ярким пламенем. Упали опалённые орлята наземь — летать они ещё не умели; и тогда лисица подбежала и съела их на глазах у орла.

Басня показывает, что если предавшие дружбу и уйдут от мести обиженных, то от кары богов им всё равно не уйти.

Точных сведений о биографии Эзопа нет. Считается, что он был родом из Фракии. Жил он в VI в. до н.э., был рабом на острове Самос у богатого гражданина Иадмона. Затем был отпущен на волю. Некоторое время провёл при дворе лидийского царя Крёза. Ложно обвинённый жрецами, он был казнён в Дельфах.

Сохранился сборник басен Эзопа, состоящий из 426 коротких прозаических произведений.

Эзоп считается создателем жанра басни.

Вопросы и задания

1. Кто такой Эзоп? Какой жанр он создал?
2. Что такое настоящая дружба?
3. Можно ли считать орла и лисицу друзьями?
4. Кто из героев басни первым предал дружбу?
5. Кто и как отомстил орлу за предательство?

¹ Жертвенник — место, на котором приносились жертвы.

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН

(1621 – 1695)

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве¹ с ним сравняться:

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.

«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?»

Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!»

«Гляди же, как теперь раздуюсь я, широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» – «Почти что ничего». –

«Ну как теперь?» – «Всё то ж».

Пыхтела да пыхтела,

И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнившись с Волком,

С натуги лопнула и – околела.

Пример такой на свете не один;

И диво ли, когда жить хочет мещанин²

Как именитый гражданин,

А сошка мелкая – как знатный дворянин.

(Перевод И. А. Крылова)

Жан де Лафонтен родился в Шато-Тьерри во Франции. Его отец служил по лесному ведомству, поэтому детство Жана прошло среди лесов и полей. В 20 лет хотел стать монахом³.

Отец хотел передать ему свою должность. Однако баснописец равнодушно относился к своим обязанностям. Он занялся литературным творчеством. Лафонтен создал “Сказки и рассказы в стихах” и знаменитые “Басни”, которые утвердили мнение об их авторе как о сатирике и мыслителе. Лафонтен писал комедии, трагедии, поэмы, оды...

¹ *Дородство* – рослость, полнота.

² *Мещанин* – горожанин самого низшего разряда.

³ *Монах* – человек, который служит Богу, отказавшись от всего мирского, т.е. от привычного и важного для обычного человека. Обычно живут в монастырях.

Вопросы и задания

1. С кем хотела сравниться Лягушка? Удалось ли ей это?
2. Автор сравнивает зависть лягушки с завистью людей. Как ты относишься к завистливым людям?
3. Как называются последние четыре строки басни?
4. Как ты понял слова “сатирик” и “мыслитель”?
5. Кого в басне, по-твоему, называют “мелкой сошкой”?

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

(1141 – 1209)

НУШИРЕВАН И БЕСЕДА СОВ

*(Повесть о Нуширеване
и его визире)*

На охоте одной Нуширеван был конём унесён
От придворной толпы: с пышной знатью охотился он.

И в прекрасном краю, — там, где всё для охоты дано,
Царь увидел селенье. Разрушено было оно.

Разглядел он двух сов посреди разрушений и праха.
Так иссохли они, будто сердце засохшее шаха.

Царь визирю сказал: «Подойдя друг к другу, они
Что-то громко кричат. Их беседа о чём? Разъясни!»

И ответил визирь: «К послушанию сердце готово.
Ты спросил, государь. Ты ответное выслушай слово.

Этот крик некий спор, безотрадно его существо.
Этих сов разговор не простой — сватовство.

Та посватала дочь, и наутро должна ей другая
Должный выкуп внести, и внести ни на что не взирая.

Говорит она так: «Ты развалины эти нам дашь
И других ещё несколько. Выполнишь договор наш?»

Ей другая в ответ: «В этом деле какая преграда?
Шахский гнёт не иссяк. Беспокоиться, право, не надо,

Будет злобствовать шах — и селений разрушенных я
Скоро дам тебе тысячи: наши просторны края».

Угнетённый, в слезах, закусил он в отчаянье палец.
«Ясно мне, — он сказал, — что народ мой — несчастный страдалец.

Как беспечен я был. Сколько в мире мной сделано злого!
Я стремился к утехам. Ужель устремлюсь я к ним снова?»

Точных данных о жизни Низами Гянджеви мало. Некоторые данные можно почерпнуть из произведений великого поэта, который родился и жил в Гяндже, о чём свидетельствует его псевдоним¹. Низами никогда не покидал Закавказья.

Отец его, государственный чиновник, умер, когда мальчик был совсем маленьким. Со стороны отца дед и прадед принадлежали к духовному сословию, а мать была из знатного рода. Мать и дядя дали ребёнку блестящее образование.

Он был очень образованным человеком, прекрасно знал арабскую и персидскую литературы, математику, астрономию, медицину, ботанику, музыку, основы религии.

Низами владел азербайджанским, персидским, арабским и другими языками. Он писал касыды, газели, рубай. “Хамсе” (“Пятерица”) состоит из пяти поэм: “Сокровищница тайн”, “Хосров и Ширин”, “Лейли и Меджнун”, “Семь красавиц”, “Искендер-наме”. В его поэмы включены сказки и басни. Басня “Нуширеван и беседа сов” включена в “Сокровищницу тайн”.

Вопросы и задания

1. Опиши селение, которое увидел Нуширеван, унесённый конём.

2. О чём беседовали совы? Что обещала одна сова другой?

3. Как ты понял строчку:

«Угнетённый, в слезах, закусил он в отчаянье палец...»?

Почему устыдился Нуширеван?

4. Обрати внимание на вид строф данной басни. Эти строфы — двустопишия называются бейтами. Попроси учителя рассказать о них.

5. Напиши рассуждение на тему: “Справедливый правитель”.

¹ Псевдоним — вымышленное имя.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

(1769 – 1844)

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: “Ахти, ребята, вор!”
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём¹,
Иной с ружьём.
“Огня! – кричат, – огня!”
Пришли с огнём.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щёлкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться² за овец, –
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: “Друзья! к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...! – Послушай-ка, сосед, –
Тут Ловчий перервал в ответ: –
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой”
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

¹ Дубьё – дубинка, палка.

² Расчесться – расплатиться.

Вопросы и задания

1. Прочитай комментарий к басне Крылова:

Ловчий – охотник, который управлял у помещика охотой с собаками. Здесь под ловчим подразумевается великий русский полководец М.И. Кутузов.

Волк – Наполеон Бонапарт, который, вступив в 1812 году в Москву, скоро понял, что проиграл войну, и запросил мира. Крылов написал эту басню в 1812 году и послал её в армию Кутузову.

2. Как ты думаешь, позволяет ли этот комментарий по-другому прочитать и понять басню? Как ты понимаешь аллессию?

3. Как Волк хотел избежать наказания, что он обещал Ловчему?

4. Почему автор называет волка “серым” и “забиякой”?

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,
Осёл, Козёл
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет¹.
Достали нот, баса, альт², две скрипки
И сели на лужок под липки –
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. –
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альты,
Я, прима³, сяду против вторы⁴;
Тогда пойдёт уж музыка не та;
У нас запляшут лес и горы!»

¹ *Квартет* – ансамбль из четырёх исполнителей.

² *Бас и альт* – музыкальные струнные инструменты.

³ *Прима* – первая скрипка в оркестре.

⁴ *Втора* – вторая скрипка.

Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдёт.
«Постойте ж, я сыскал секрет, —
Кричит Осёл. — Мы верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд,
А всё-таки Квартет нейдёт на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разбор
И споры, кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье:
«Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть!»
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней, —
Им отвечает Соловей. —
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

Иван Андреевич Крылов родился в Москве в семье бедного армейского офицера. Первые годы Крылов провёл в разъездах вместе со своей семьёй. Грамоте учился дома. Его отец любил читать и оставил сыну в наследство целый сундук книг. Французскому языку он учился в семье состоятельных соседей. Учился Крылов мало, но читал много. После смерти отца Крылову пришлось с 10 лет работать писцом в Тверском суде. Он с матерью переехал в Петербург, где она надеялась получить пенсию. Мать ничего не добилась, но будущий баснописец нашёл место в Казёной палате. Здесь же он занялся литературным трудом. В 15 лет Крылов написал оперу “Кофейница”. Он писал комедии и трагедии. Однако славу Крылов получил благодаря переводам басен Эзопа и Лафонтена, а также своим собственным.

Первым басни Крылова на азербайджанский язык перевёл Аббаскули ага Бакиханов.

Вопросы и задания

1. Какая басня тебе понравилась больше? Объясни свой выбор.
2. Выучи любую басню наизусть.
3. Что делали члены музыкального квартета, чтобы у них получилась настоящая музыка?
4. Почему никому из «музыкантов» квартета не пришла в голову мысль, высказанная Соловьём?
5. Кто расправился с волком на псарне?
6. Как современники И.А. Крылова понимали слова: “Ты сер, а я, приятель, сед”?
7. Куда залез волк и что стало для него расплатой за причинённое зло?
8. Прочитай с одноклассниками басни по ролям.

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

ТРЕХСЛОЖНЫЕ РАЗМЕРЫ СТИХА

В прошлом году ты уже познакомился со стихосложением. Ты узнал, что такое рифма и ритм¹, стопа и строфа². Ты научился находить и определять стихотворные двусложные размеры: ямб и хорей, определять количество стоп в стихе³.

Давай вспомним, что **хорей** – это двусложный размер с ударением в стопе на 1 слоге, а в строке – на 1, 3, 5, 7 слогах (нечётных); **ямб** – это двусложный размер с ударением в стопе на 2 слоге, а в строке на 2, 4, 6, 8 слогах (чётных). Известно, что в русском языке слова могут состоять не только из двух, но и более слогов, а в слове может быть только одно ударение. В таких случаях на месте ударного слога появляется безударный. Такая замена ударного слога безударным называется *пиррихией*, который может быть только в двусложных размерах. Например:

*Облаком волнистым
Пыль встаёт вдали.*

Расставим ударения и определим ударные слоги, а затем составим схему двух стихов.

У нас получится:

1¹1¹ | 1¹1¹ | 1¹

– пропущен третий ударный слог

1¹1¹ | 1¹1¹ | 1¹

Во втором стихе ударными оказались 1, 3 и 5 слоги, а в первом только 1 и 5.

Ты, вероятно, обратил внимание, что в двусложных размерах есть очень важная закономерность: каждый последующий ударный слог можно определить, прибавляя 2. Например: хорей – $1+2=3$, $3+2=5$; $5+2=7$, а ямб – $2+2=4$; $4+2=6$, $6+2=8$. В первой строке между ударными слогами +4, т.е. $2+2$, следовательно, в ней пропущен ударный третий слог. Это и будет пиррихий. Пиррихий может быть в начале или в середине строки и считается стопой.

¹ *Ритм* – равномерное размещение ударных слогов в строке, создающее мелодию стиха.

² *Строфа* – сочетание нескольких стихов, объединённых общей мыслью и способом рифмовки.

³ *Стих* – это стихотворная строка.

В приведённых строках по три стопы (трёхстопный хорей). А теперь попробуй найти пиррихий и определить стихотворный размер¹ следующих строк:

I. У лукоморья дуб зелёный...

II. Задремали звёзды золотые...

III. Во всём мне хочется дойти...

Составь схему данных строк.

Ты, конечно же, обратил внимание на то, что в двусложных размерах между ударными слогами всего один безударный (исключение составляет пиррихий). В русском стихосложении существуют размеры, в которых между ударными слогами может быть по два безударных. Стопа в таком случае будет состоять из трех слогов: одного ударного и двух безударных. Легко догадаться, что если в стопе три слога, то возможно всего три варианта: ударение может падать на первый слог ($\underline{1}\cup\cup$), на второй ($\cup\underline{1}\cup$) или на третий ($\cup\cup\underline{1}$).

Попробуй сам определить стихотворные размеры и дать им определение.

Порядок определения стихотворного размера тебе известен. Сначала расставляем ударения, потом определяем порядковый номер ударных слогов. Вот так и поступим.

I. *Поздняя осень. Грачи улетели
Лес обнажился, поля опустели.*

У нас в обоих стихах ударными оказались 1, 4, 7, 10 слоги. А схема строк будет такой:

$\underline{1}\cup\cup | \underline{1}^4\cup\cup | \underline{1}^7\cup\cup | \underline{1}^{10}\cup$
 $\underline{1}\cup\cup | \underline{1}^4\cup\cup | \underline{1}^7\cup\cup | \underline{1}^{10}\cup$ — 4 стопы

Исходя из схемы стиха, можно сделать вывод: трёхсложный размер с ударением в стопе на 1, а в строке на 1, 4, 7, 10... слогах называется **дактилем**.

II. *По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел.*

$\cup\underline{1}^2\cup | \cup\underline{1}^5\cup | \cup\underline{1}^8\cup | \cup\underline{1}^{11}$
 $\cup\underline{1}^2\cup | \cup\underline{1}^5\cup | \cup\underline{1}^8$ — 4 стопы

¹ **Стихотворный размер** – схема строения стихотворной строки, порядок чередования ударных и безударных слогов.

В первой строке ударные слоги 2, 5, 8, 11, а во второй — 2, 5, 8. Глядя на схему, мы можем сделать следующий вывод: трёхсложный размер с ударением в стопе на 2, а в строке на 2, 5, 8, 11... слогах называется *амфибрахийем*.

III. *Вот ворона на крыше покатой
Так с зимы и осталась лохматой.*

Поступаем так же, как и в первых двух случаях, и получаем схему:

$\cup \cup \cup \text{ } ^3 | \cup \cup \cup \text{ } ^6 | \cup \cup \cup \text{ } ^9 | \cup$
 — 3 стопы
 $\cup \cup \cup \text{ } ^3 | \cup \cup \cup \text{ } ^6 | \cup \cup \cup \text{ } ^9 | \cup$

Делаем вывод: трёхсложный размер с ударением в стопе на 3, а в строке на 3, 6, 9... слогах называется *анapestом*.

Видишь, как легко ты справился со столь сложным заданием. А теперь выучи определение трёхсложных размеров наизусть по следующей схеме:

дактиль — это ...;
 амфибрахий — это ...;
 анапест — это ...

Вопросы и задания

1. Закончи предложения:

Ямб — это ...

Хорей — это ...

Стопа — это ...

Строфа — это ...

Ритм — это ...

Рифма — это ...

2. Выучи определения пиррихия и трёхсложных размеров.

3. Придумай стихотворения на трёхсложные размеры.

4. Найди в словаре или Интернете, как образовались названия трёхсложных размеров.

СТИХИ О ПРИРОДЕ И РОДИНЕ

**МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ**
(1814 – 1841)

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужную
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

ПАРУС

Белет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит;
Увы, - он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

¹Лазурная — голубая. Лазурь — один из оттенков голубого цвета.

На севере диком стоит одиноко
 На голой вершине сосна
 И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
 Одета, как ризой¹, она.
 И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
 В том крае, где солнца восход,
 Одна и грустна на утёсе горячем
 Прекрасная пальма растёт.

М.Ю. Лермонтов родился в Москве. Отец его был обедневшим офицером. Он имел шотландское происхождение, был выходцем из рода Лермонти. К этому же роду относился и великий романтик Дж. Байрон. Будущий поэт рано потерял мать. Жил в разлуке с отцом. Его воспитывала бабушка Е.А. Арсеньева, которая безумно любила внука. Детство Михаила Юрьевича прошло в Тарханах, в имении бабушки. Несколько раз, опасаясь за здоровье внука, бабушка возила его на Кавказ, с которым его прочно связала жизнь. Будущий поэт получил сначала домашнее образование, а потом учился в Московском университетском благородном пансионе.

Писать стихи начал в очень раннем возрасте.

Вопросы и задания

1. Определите стихотворный размер произведений М.Ю.Лермонтова.
2. Составьте схемы первых двух строк каждого стихотворения.
3. Какой способ рифмовки использовал поэт в первом стихотворении?
4. Укажите вид рифмы первых двух строк второго стихотворения.
5. Сколько стоп в первой строке первого стихотворения и в последней второго?
6. Чем отличается описание природы в этих трёх стихотворениях?
7. Какие тропы ты нашёл в этих произведениях? Сравни с результатами одноклассников.
8. Как ты понял выражения “пылающая грудь” и “горючий утёс”? Определи этот вид тропа.

¹Риза — одежда священника при богослужении.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

(1821 – 1878)

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА (Отрывок)

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор! –
Листья поблекнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –
Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА (Отрывок)

...Родная земля!
Назови мне такую обитель¹,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель² твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам³,

¹ *Обитель* — место проживания, обитания.

² *Сеятель* — тот, кто сеет семена. Здесь: в значении кормилец.

³ *Острог* — тюрьма.

В рудниках¹, на железной цепи²;
Стонет он под овином³, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат⁴.

Родился Николай Алексеевич Некрасов в украинском городе Немирове, но детство он провёл в селе Грешнёво, имени своего отца, на берегу Волги. Этой реке поэт посвятил много стихотворений.

Мать поэта была доброй, умной и образованной женщиной. Именно мать, в отличие от отца-тирана, невежественного и грубого человека, внушала сыну любовь к униженным и чувство справедливости. Первые стихи Николенька написал в семь лет и преподнёс их “любезной маменьке”. Одной из тем творчества поэта станет тема материнства и образ матери.

В 10 лет отец отдал сына в Ярославскую гимназию, которую ему пришлось оставить после пятого класса, потому что отец отказался оплачивать его обучение.

Вопросы и задания

- 1. Определи стихотворный размер произведений Н.А. Некрасова.*
- 2. Какой способ рифмовки использован в этих отрывках?*
- 3. Определи вид рифмы в последних четверостишиях первого и второго стихотворения.*
- 4. Какова идея второго стихотворения Н.А. Некрасова?*

¹ **Рудник** — система подземных сооружений, где добываются полезные ископаемые.
На рудниках работали каторжане.

² **Железная цепь** — кандалы, в которые заковывали каторжан.

³ **Овин** — хозяйственная постройка, в которой сушили снопы.

⁴ **Палата** — большое богатое здание или название государственных учреждений.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

(отрывок из поэмы)

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!

— “Здорово, парнище!” — “Ступай себе мимо!”
— “Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?” — “Из лесу, вестимо¹;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу”.
(В лесу раздавался топор дровосека.)
“А что, у отца-то большая семья?”
— “Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...”
— “Так вот оно что! А как звать тебя?” — “Власом”.
— “А кой тебе годик?” — “Шестой миновал...
Ну, мёртвая!” — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребёнок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни², и хворост, и пегонький³ конь,

¹ Вестимо — конечно.

² Дровни — крестьянские сани, на которых возили дрова, сено.

³ Пегонький — ласковое от пегий, т.е. с большими пятнами, крапинами; пятнистый (о масти животных).

И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Вопросы и задания

1. Почему Влас оказался в лесу?

2. Как ты думаешь, каким вырастет этот мальчик?
Останется ли он трудолюбивым?

3. Определи стихотворный размер, способ рифмовки первых
четырёх строк, составь схему последних 4-х строк стихо-
творения.

4. Какие тропы ты нашёл в стихотворении? Как ты их
определил?

5. Мог бы ты нарисовать картину зимнего леса и маль-
чика, везущего на дровнях хворост? Покажи свой рисунок
друзьям, спроси, что они о нём думают.

6. Какие произведения Н.А.Некрасова ты знаешь?

7. Постарайся прочитать поэму “Крестьянские дети”.
Это у тебя займёт время, зато больше узнаешь о жизни
крестьянских детей прошлых веков.

8. Сравни свою жизнь с жизнью крестьянских детей в XIX
веке.

9. Что для тебя значит труд? Как ты помогаешь роди-
телям?

10. Попроси родителей, чтобы они проверили, как ты усвоил
отрывок из “Крестьянских детей”.

САМЕД ВУРГУН

(1906 - 1956)

ГОРЫ

Средь ваших царственных шатров
Бродил я в упоенье, горы.
Для новых строф, для верных слов
В вас черпал вдохновенье, горы!

Олень пугливою стопой
Спускается на водопой;
Где б ни был - рвусь за ним душой!
Как жить мне в отдаленье, горы?

Кочевью ширь лугов нужна,
Орлу степному - вышина,
А мне скитаться б дотемна
Меж круч порой весенней, горы!

Вершины скал, одна к другой,
Застыли солнечной грядой...
Поят нас силою живой.
Дарят нам дней продленье горы.

Пусть в этом мире гость поэт,
Но им стоять миллионы лет,
И верь: любви твоей, Самед,
Не предадут забвенью горы!

(Перевод Э. Александровой)

Самед Вургун (Самед Юсиф оглы Векилов) – азербайджанский поэт, переводчик и драматург, общественный деятель. Он стал первым Народным поэтом Азербайджана и академиком Азербайджанской Академии наук. С.Вургун – Лауреат двух Государственных премий. Псевдоним "Вургун" означает "Влюблённый".

Будущий поэт родился в селении Юхары Салахлы Казахского района Азербайджанской Республики. Векиловы – один из известнейших родов в Азербайджане, в котором были

учителя, врачи, генералы, поэты, первая азербайджанская балерина Лейла Векилова, ученые... К этому роду принадлежал и великий певец Рашид Бейбуттов. Однако больше всего в роду Векиловых было поэтов: дед по материнской линии Мехтихан ага, визирь Карабахского ханства, великий поэт Молла Панах Вагиф.

Когда Самеду было 6 лет, умерла его мать, и он остался на попечении отца и бабушки по материнской линии - Айши-ханум. По окончании Самедом земской школы семья переезжает в Казах, где Самед вместе со своим единственным старшим братом Мехтиханом поступают в Казахскую учительскую семинарию. В 1922 году умирает отец, а годом позже бабушка, после чего забота о будущем поэте и его брате переходит к их двоюродной сестре Хангызы Векиловой. Поэт учился в МГУ, потом закончил аспирантуру в Азербайджанском педагогическом институте. Первое его произведение — стихотворение "Обращение к молодёжи" — было опубликовано в 1925 году в Тифлисской газете "Ени Фикир" ("Новая мысль"). Вургун преподавал азербайджанскую литературу в сельских школах Казах, в Гяндже и Кубе. Самед Вургун переводил на азербайджанский язык произведения А.С. Пушкина ("Евгений Онегин"), М.Ю. Лермонтова, Шота Руставели... Большой заслугой поэта является перевод поэмы "Лейли и Меджнун" Низами Гянджеви.

Его именем в Баку названы улица, Русский драматический театр, сквер, школы... Его имя носит одна из улиц в Москве.

Вопросы и задания

1. Определи стихотворный размер и количество стоп в стихотворении.

2. Постарайся назвать основную тему произведения Самеда Вургун.

3. Как ты думаешь, почему мы относим это стихотворение к разделу стихов о родине и природе?

4. Найди в стихотворении эпитеты.

5. Постарайся объяснить, как ты понимаешь выражение "царственные шатры" .

6. Выучи стихотворение наизусть и прочитай его выразительно родителям.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ

(1903 – 1958)

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твёрдый клинок.

Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появление
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поёт,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

Жизнь потоком светящейся пыли
Всё текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звёзды светили,
Заливая лучами кусты.

И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Всё лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

Николай Алексеевич Заболоцкий родился в Казани в семье агронома и сельской учительницы. Детство его прошло в Вятской губернии. Уже в третьем классе сельской школы он “издавал” рукописный журнал со своими стихами. Потом он учился в реальном училище, увлекался химией, историей, рисованием.

Заболоцкий переезжает в Москву и поступает сразу на два факультета МГУ: медицинский и историко-филологический. Но вскоре оказывается в Петербурге, где заканчивает отделение языка и литературы Педагогического Института.

Заболоцкий – один из самобытных русских поэтов. Ему принадлежит стихотворный перевод “Слова о полку Игореве”, памятника древнерусской литературы.

Вопросы и задания

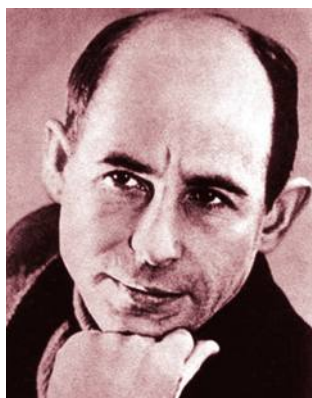
1. О каком времени года пишет поэт? Можно ли дать однозначный ответ? Почему? Если трудно, спроси об этом учителя.

2. Каким размером написано стихотворение?

3. Может ли быть “государство ромашек”? Если нет, то как тогда объяснить это выражение?

4. Попробуй найти и определить тропы, использованные в этом стихотворении.

5. Найди информацию о Н. Заболоцком, поделись ею с одноклассниками.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

(1936 – 1971)

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

*В. Белову*¹

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

¹ *Василий Белов* — российский писатель, публицист, сценарист, родился и жил в Вологде, куда переехали жить и Рубцовы.

Николай Михайлович Рубцов родился в Архангельской области. Потом семья переехала в Вологду, где её и застала война. Мальчик рано остался сиротой. Отец ушёл на войну, и, как полагали дети, погиб. Вскоре мать умерла, а будущего поэта отдали в детдом, где он и закончил семь классов школы. Учился в техникуме, работал на флоте. Много ездил, кем только ни работал. Однако его влечёт литература. Для осуществления своих планов он поступает в Литературный институт им. М. Горького в Москве. Главной темой его поэзии стала Россия.

Вопросы и задания

- 1. Можно ли говорить о глубоких переживаниях автора стихотворения? Порассуждай над этим.*
- 2. В тексте стихотворения есть незнакомые для тебя слова. Как ты сможешь узнать, что они означают?*
- 3. Постарайся определить, каких частей речи больше в стихотворении.*
- 4. Определи, с кем ведёт беседу поэт.*
- 5. Каким размером написано стихотворение?*
- 6. Подумай над тем, почему Рубцов называет родину тихой?*
- 7. Найди в стихотворении тропы, определи их вид.*

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО- ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ

(олицетворение, сравнение, метафора)

Прочитав такое количество произведений, ты обратил, конечно же, внимание на отличие художественной литературы от других форм речевой деятельности. Основным средством изображения жизни в художественной литературе является образность, эмоциональность, ёмкость, насыщенность, которые достигаются прежде всего употреблением слов и выражений в переносном смысле, т.е. **тропов**.

В прошлом году ты познакомился с эпитетом и сравнением, научился находить эпитеты в художественном тексте, можешь теперь отличить простое определение от эпитета.

Попробуйте сделать это на примере:

*Утро туманное, утро седое,
Нивы¹ печальные, снегом покрытые...*

Давай рассуждать. Утро может быть туманным, значит это слово – простое определение, а вот седым утро быть не может, это и есть эпитет, который помогает читателю создать образ безрадостного, серого, тусклого неба. Нивы могут быть покрытыми снегом, но печальными они быть не могут, ведь они не живые существа. Значит, первое определение, а второе – эпитет.

А теперь узнаем о новом тропе – олицетворении.

Прочитай данные строки, обрати внимание на выделенные слова:

I *О ней поток гремит струёю хладной
И говорят, качаяся, цветы...*

II *Тускло льётся свет лампы,
Буря плачет у окна...*

Объяснив, что означают эти слова, вы придёте к выводу, что в обоих случаях неодушевлённые предметы наделены свойствами человека, ведь только человек может говорить и плакать. В данных примерах цветы и буря одушевлены.

Это один из видов тропа – олицетворение.

Олицетворение – это перенесение на неодушевлённые вещи или явлений черт живых существ, а также наделение

¹*Нива* – засеянное поле, пашня.

животных качествами человека: способностью мыслить, чувствовать, говорить, переживать, действовать, как человек.

Найдите олицетворения.

Ветки гнутся.

Ветки шепчут.

Сосны выросли.

Сосны грустят.

Звезда мерцает.

Звезда смотрит.

Придумайте свои олицетворения или найдите их в прочитанных текстах.

Прочитай следующие строки:

Лёд неокрепший на речке студёной,

Словно как тающий сахар лежит

Ты обратил внимание, что в данном стихотворении лёд уподобляется сахару. Уподобление одного предмета или явления другому называется **сравнением**. Оно чаще всего имеет форму сравнительного оборота (т.е. образуется при помощи сравнительных союзов *как, словно, как будто, точно* и т.д.)

Расширь предложения сравнениями:

Река разлилась, как ...

Трава сверкает, как ...

Опиши своих одноклассников, используя сравнения.

Как и любой троп, сравнение выражает отношение автора к описываемому предмету, явлению, человеку. Но сравнение ещё и сближает явления между собой, поясняет одно с помощью другого. В любом сравнении всегда присутствуют две части: то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается. Вспомни, что чаще всего сравнение выражается оборотами с сравнительными союзами *как, будто, словно*:

И деревья, как всадники,

Съехались в нашем саду.

Ты легко нашёл сравнение «*как всадники*». Однако, сравнение может выражаться и без союзов, формой творительного падежа:

Жеребец под ним сверкает

Белым рафинадом¹.

Сравнение может быть выражено с помощью слов *похоже, подобно* и т.д.

На глаза осторожные кошки

Похожи твои глаза.

В первом двустийшии можно творительный падеж заменить сравнительным оборотом с союзом *как*: «Жеребец под ним

¹*Рафинадом* – сахаром.

сверкает, как белый рафинад». Со вторым двуступищем можно поступить так же: «Твои глаза, как осторожные глаза кошки».

Видишь, как легко можно найти сравнение в тексте литературного произведения. А теперь прочитай несколько примеров: «ножка стола», «кружится голова», «тяжёлый характер». Объясни, как ты понял значение данных словосочетаний. Ты обратил внимание, что все примеры основаны на переносе значения с одного предмета на другой. Например, человек стоит на ногах, стол тоже стоит на ножках; или тяжёлая ноша доставляет много неудобств, также и плохой характер доставляет окружающим неприятности; кружишься на карусели, предметы вокруг бегут по кругу, такое же ощущение возникает у человека, когда у него кружится голова.

Все три словосочетания основаны на сравнении, однако, в них нет ни сравнительных союзов, ни творительного падежа. Такое сравнение называется скрытым. Вот ты и познакомился с метафорой. *Метафора* — это перенесение свойств одного предмета или явления на другой по принципу их сходства. Метафора отличается от сравнения тем, что в ней нет того, что сравнивается, а есть лишь то, с чем сравнивается предмет. Например:

*Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.*

В двуступиши говорится о пчеле, которая из улья (из сот) летит за нектаром.. Каждая ячейка сот сравнивается с восковой кельей, а нектар — с данью, которую платят поля пчеле. Как видите, здесь названо только то, с чем сравниваются эти предметы.

Любую метафору можно развернуть в сравнение. Например: «Видеть глаз златокарий омут» можно передать по-другому: твои глаза как златокарий омут.

Вопросы и задания

- 1. Какие виды тропа ты умеешь определять?*
- 2. Чем отличается метафора от сравнения?*
- 3. Сможешь ли ты метафору развернуть в сравнение?*
- 4. Выбери любимое стихотворение А.С.Пушкина и определи в нём тропы.*

РАСУЛ РЗА

(1910 – 1981)

КАРАБАХ

Мой Карабах,
тебя назвали так,
быть может, потому,
что кто-то крикнул:
“Кара бах!”¹,
снега увидев
на твоих горах.
А может быть, тебя
назвали “Кара баг!”²
из-за твоих
тенистых родников?
А может,
путник, умирающий от жажды,
взглянув на Кирс³,
чья белая вершина
мерцает из-за облаков,
с надеждою воскликнул:
“Кара бах!

Гора в снегах!”

С тех пор
твое название — Карабах,
название древнее,
как летопись борьбы
народа моего...
И люди, чьи надежды
на жизненных дорогах
стали ссадинами,
натёртыми невзгодами и горем,
сказали так:
пускай в истории народа
сотрутся горькие два слова:
“Кара бахт!”⁴

¹ *Кара бах* — гляди на снег (азерб.).

² *Кара баг* — чёрный сад (азерб.).

³ *Кирс* — гора в Карабахе.

⁴ *Кара бахт* — чёрная судьба (азерб.).

Будь счастлива земля,
взметнувшая на скалах,
точно знамя,
прославленный Шушою¹
Карабах!

Народный поэт Азербайджана, Герой Социалистического Труда Расул Рза родился в городе Геокчай в семье служащего. Настоящее имя – Расул Ибрагим оглы Рзаев. Расул Рза учился в районной школе. Потом закончил ВГИК (Всесоюзный Государственный Институт Кинематографии). Он был директором Бакинской киностудии, главным редактором Азербайджанской советской энциклопедии, министром кинематографии Азербайджана.

Расул Рза – поэт-новатор. Он начал публиковаться в 17 лет. Переводил советских и русских поэтов.

Вопросы и задания

1. Расул Рза – один из лучших поэтов Азербайджана. Найди о нём сообщение в Интернете и прочитай его одноклассникам.

2. Что значил для Расула Рзы Карабах? Почему Карабах отзывается в наших сердцах болью?

3. Какова форма стихотворения “Карабах”? Пролитай учебник и сравни его с другими стихотворениями. Есть ли схожие?

4. Представь, что ты отправляешься путешествовать по Карабаху. У каких учителей ты сможешь получить информацию об этом уголке Азербайджана?

5. Подготовь сообщение на тему: “Шуша – один из древних городов Азербайджана”.

¹ *Шуша* – азербайджанский город в Нагорном Карабахе.

ОЛЖАС ОМАРОВИЧ СУЛЕЙМЕНОВ

(1939)

Вы меня любите, горы?
Любите, ели?
В голубое и белое одетые годы
надо мной пролетели,
унося названия трав,
дорогих чрезвычайно,
в свои звонкие краски вобрав
все оттенки молчания.
Горным рейсфедером¹
правлю равнинную быль —
век идёт по лавинному склону,
и снежная пыль
оседает на лёгкий, извилистый след
моих лет.
Росчерком метеоров —
годы иллюзий.
Вы меня любите, горы!
Любите, люди?
Вас не исправить,
не превратить в плоскость,
ваши изломы, горы,
неизгладимы,
в ваших прекрасных обрывах
бывает плохо,
но не сровнять вас, горы,
вы — несравнимы.

Олжас Омарулы Сулейменов — поэт, писатель, литературовед, Народный писатель Казахстана, дипломат. Его отец был репрессирован² и расстрелян. После окончания школы учился в Казахском университете.

Пишет на русском языке. В своих произведениях передает читателям любовь к своей родине, к ее величественным горам и бесконечным степям.

¹ *Рейсфедер* - чертёжный инструмент для проведения линий тушью.

² *Репрессирован* - был подвергнут репрессиям, наказаниям, карательным мерам.

Отмечен многими наградами, среди которых орден Азербайджана “Шохрат”

Вопросы и задания

1. Олжас Сулейменов — представитель казахской литературы. Что ты знаешь об этом народе? Если у тебя нет сведений, попроси учителя географии помочь тебе.

2. Какие слова тебе незнакомы? Определи их значение по толковому словарю.

3. В чём особенность стихотворения О.Сулейменова?

4. Как ты думаешь, что для поэта горы? Ты представитель страны гор, а что для тебя они значат? Напиши, что ты думаешь об этом.

5. Обрати внимание на однокоренные слова в двух последних строках. Объясни значение этих слов. Одинаково ли оно?

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ О РАССКАЗЕ

Ты уже знаешь, что такое рассказ. Давай вспомним. **Рассказ** — один из видов эпической повествовательной литературы, малая её форма. Это прозаическое художественное произведение, посвящённое обычно отдельному событию в жизни человека, без детального изображения того, что с ним было до и после этого.

Искусство писателя в рассказе состоит в том, что он в кратком эпизоде раскрывает существенные, типические черты жизни человека.

Повествование в рассказе ведётся от первого лица или от третьего.

Часто героям рассказов приходится самим выступать в роли рассказчика, своего рода автора произведения. Тогда мы говорим, что о событиях рассказывает повествователь. Мастера рассказа — это И.С. Тургенев, С.С. Ахундов, А.П. Чехов, Дж. Мамедкулизаде, А. Шаик и другие.

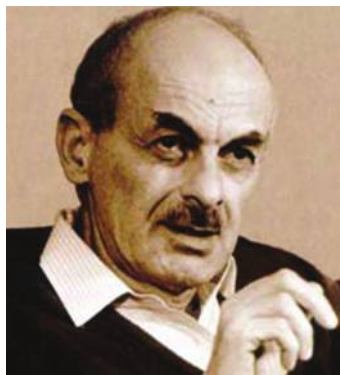
Вспомни, чем от рассказа отличаются новелла и очерк.

ТАЛАНТ И САМОМНЕНИЕ

БУЛАТ ШАЛВОВИЧ ОКУДЖАВА

(1924 – 1997)

ГЕНИЙ

Это было задолго до войны. Летом. Я жил у тёти в Тбилиси. Мне было двенадцать лет. Как почти все в детстве и отрочестве, я пописывал стихи. Каждое стихотворение казалось мне замечательным. Я всякий раз читал вновь написанное дяде и тёте. В поэзии они были не слишком сведущи, чтобы не сказать больше. Дядя работал бухгалтером, тётя была просвещённая домохозяйка. Но они очень меня любили и всякий раз, прослушав новое стихотворение, восторженно восклицали: “Гениально!”

Тётя кричала дяде: “Он гений!” Дядя радостно соглашался: “Ещё бы, дорогая. Настоящий гений!” И это всё в моём присутствии, и у меня кружилась голова.

И вот однажды дядя меня спросил:

– А почему у тебя нет ни одной книги твоих стихов? У Пушкина сколько их было... и у Безыменского... А у тебя ни одной...

Действительно, подумал я, ни одной, но почему? И эта печальная несправедливость так меня возбудила, что я отправился в Союз писателей, на улицу Мачабели.

Стояла чудовищная тягучая жара, в Союзе писателей никого не было, и лишь один самый главный секретарь, на моё счастье, оказался в своём кабинете. Он заехал на минутку за какими-то бумагами, и в этот момент вошёл я.

– Здравствуйте, – сказал я.

– О, здравствуйте, здравствуйте, – широко улыбаясь, сказал он. – Вы ко мне?

Я кивнул.

– О, садитесь, пожалуйста, садитесь, я вас слушаю!..

Я не удивился ни его доброжелательной улыбке, ни его восклицаниям и сказал:

– Вы знаете, дело в том, что я пишу стихи...

– О! – прошептал он.

– Мне хочется... я подумал: а почему бы мне не издать сборник стихов? Как у Пушкина или Безыменского...

Он как-то странно посмотрел на меня. Теперь, по прошествии стольких лет, я прекрасно понимаю природу этого взгляда и о чём он подумал, но тогда...

Он стоял не шевелясь, и какая-то странная улыбка кривила его лицо. Потом он слегка помотал головой и воскликнул:

– Книгу?! О, это замечательно!.. Это было бы прекрасно! – Потом помолчал, улыбка исчезла, и он сказал с грустью – Но, видите ли, у нас трудности с этим... с бумагой... это самое... у нас кончилась бумага... её, ну, просто нет... финита¹...

– А-а-а, – протянул я, не очень-то понимая, – может быть, я посоветуюсь с дядей?

Он проводил меня до дверей.

Дома за обедом я сказал как бы между прочим:

– А я был в Союзе писателей. Они там все очень обрадовались и сказали, что были бы счастливы издать мою книгу... но у них трудности с бумагой... просто её нет...

– Бездельники, – сказала тётя.

– А сколько же нужно этой бумаги? – по-деловому спросил дядя.

– Не знаю, – сказал я, – я этого не знаю.

– Ну, – сказал он, – килограмма полтора у меня найдётся. Ну, может, два...

Я пожал плечами.

На следующий день я побежал в Союз писателей, но там никого не было. И тот, самый главный секретарь, тоже, на его счастье, отсутствовал.

Булат Шалвович Окуджава при рождении был назван Дорианом в честь Дориана Грея². Он родился в Москве в семье партийного деятеля, приехавшего из Тбилиси. На учёбу Булат был отправлен на родину отца, где учился в русском классе. Отца перевели на работу на Урал, куда переехала семья. Там Булат продолжал учиться в школе. В 1937 г. его отца расстреляли, а мать сослали в лагерь³, из которого она

¹ *Финита* – конец.

² *Грей* – главный герой романа Оскара Уайльда “Портрет Дориана Грея”.

³ *Лагерь* - имеется в виду исправительно-трудовой лагерь, в котором содержались преступники и так называемые “враги народа”. Там они подвергались страшному угнетению и унижению.

смогла вернуться только в 1955 году. После ареста родителей мальчик с бабушкой вернулся в Москву. Перед войной он переехал в Тбилиси. Учился и работал на заводе. В Великую Отечественную войну добровольцем ушёл на фронт, был ранен. После войны поступил в университет, работал учителем.

Он писал прозу, стихи, сценарии. Был композитором, певцом. Окуджава – один из лучших бардов¹.

Вопросы и задания

1. Выпиши незнакомые слова и постарайся объяснить их.
2. Почему рассказ назван “Гений”? Обоснуй своё мнение.
3. Кого, по-твоему, называют гением?
4. Есть ли у тебя какой-нибудь талант? В чём он проявляется?
4. Какие поэты упоминаются в рассказе? Подготовь об одном из них сообщение.
5. Постарайся найти в интернете песню Окуджавы. Послушай её и расскажи о ней родителям.

¹Бард — поэт и музыкант, исполняющий песни собственного сочинения.

СИГИЗМУНД ДОМИНИКОВИЧ КРЖИЖАНОВСКИЙ

(1887 – 1950)

ГУСЬ

Гуси, как всем известно, спасли Рим¹ и литературу. Стилос² был забыт, стальное перо ещё не родилось. На помощь пришло тонко очищенное, упругое гусиное перо. Окунув свой белый носик в чёрные чернила, несколько веков кряду скрипело оно на пользу и на вред человеческой мысли, превращая чернильные капли в слова.

Жил-был бедный поэт. Ему не везло. Стоило ему написать оду³ вельможе – и не успевали строки его оды просохнуть, как вельможа попадал в опалу. Над одной песней о приходе весны он трудился так долго, с таким тщанием, что весна успела отцвести, лето прошло мимо, и выпал снег. Переплёты всех альманахов⁴ захлопнулись для запоздалого шедевра.

Бедный поэт голодал. Он не просил милостыни, но ниспрашивал⁵ вдохновения у богов. И однажды оно пришло. Счастливец схватил гусиное перо – последнее, какое у него осталось, – и ткнул им в чернильницу. Но движение его рук было столь стремительно, что перо сломалось. Вдохновение кратко, как раскат грома. Поэт бросился искать другое перо.

Как раз в это время раздалось мерное “кра-кра”. Поэт распахнул дверь: мимо крыльца шёл гусак со своей гусыней. Они медленно переставляли свои веерообразные пятки, направляясь к ближайшей луже. Поэт, сбегав со ступенек крыльца, схватил гуся левой рукой за шею, правая же рука его проворно выдернула длинное перо из крыла.

¹ *Гуси... спасли Рим* — по легенде, гуси своим неожиданным и мощным “га-га-га” обратили внимание римлян на тайное нападение врага и тем самым спасли Рим

² *Стилос* — древний инструмент для письма - заострённый стержень.

³ *Ода* — торжественное лирическое стихотворение, прославляющее царя или знатного человека.

⁴ *Альманах* — сборник литературных произведений, объединённых по какому-то признаку (тематическому, идейному, жанровому и т.п.). Альманахи выходят нерегулярно.

⁵ *Ниспрашивал* — молил, выпрашивал.

Поэт был немно-
го смущён и огля-
дывался по сторо-
нам — нет ли постороннего глаза? Он бормотал:

— Это для поэзии.
Во имя святой поэзии.

Гусь жалобно загоготал — и, чуть пальцы на его шее разжались, бросился опреметью прочь.

Поэт вернулся к бумаге и чернильнице. Но, о горе, перо было жёстко и колюче, как клюв. Оно царапало и рвало бумагу, противясь наитию¹, ниспосланному небом.

Поэт, горя нетерпением, бросился вдогонку за гусем. Тот, завидев своего мучителя, попробовал было убежать. На помощь коротким тычкам² ног он призвал взмахи крыльев, на которых некогда его предки умели летать. Но вместо полёта получились прыжки — поэт, разъярённый вдохновением, нагнал-таки гуся. На этот раз, прежде чем выдернуть новое перо, он пробежал дрожащими пальцами по всему крылу глissандо³ и только тогда выбрал и выдернул упругое, опушённое белой остью⁴, не слишком мягкое и не слишком жёсткое перо. Гусь тихо, но протяжно замычал, а гусыня, бегавшая всё время вокруг, ткнула — раз и ещё раз — поэта в левую щиколотку.

Но тот ничего не замечал, прижав перо к груди, он вытирал пот со лба и слёзы восторга с глаз, повторяя:

— О, поэзия! О, божественная поэзия! Поэ... — и через минуту скрылся за дверью дома.

И гусь, и гусыня долго не могли успокоиться. Затем, придя в себя, оба отправились к луже. Вслед за сильными переживаниями всегда приходит аппетит.

Войдя в лужу, супруги долго макали свои жёлтые, тупые, как кочерыжки, клювы во вкусную, жирную, кишащую зёрнами и червячками жижу.

— Вот он, этот, кра, как его, всё говорил: поэзия, поэзия. А что такое, кра, поэзия?

¹ *Наитие* — внезапно пришедшая мысль, вдохновение.

² *Тычок* — удар, толчок.

³ *Глissандо* — быстрое перебирание пальцами (муз. термин).

⁴ *Ость* — часть пера.

— О, я это теперь хорошо знаю, — отвечал гусь, задрав голову кверху, чтобы зёрнам было легче скользить по пищеводу, — поэзия — это гм... н-да... га-га... это когда твоё же перо делает тебе больно.

И супруги снова принялись за еду.

Писатель, драматург, философ, историк и теоретик театра, Кржижановский родился в Киеве в семье выходцев из Польши. Сигизмунд учился в четвёртой гимназии Киева, по окончании которой поступил на юридический факультет Киевского университета. Ещё студентом печатал стихи и путевые заметки о путешествиях по Италии, Австрии, Франции, Германии. Читал лекции в Киевской консерватории, в других вузах.

Писал новеллы, либретто¹, повести, очерки, пьесы, сценарии.

Вопросы и задания

1. Знал ли ты древнее предание о гусях?
2. Какие из незнакомых слов вызвали у тебя интерес? Составь с ними предложения.
3. Какая часть рассказа тебе понравилась больше? Объясни свой выбор.
4. Как можно объяснить поведение гусей?
5. Определи основную мысль рассказа. Объясни свой выбор.
6. Не показалось ли тебе странным выражение “разъяренный вдохновением”? Может ли вдохновение привести человека в ярость?

¹**Либретто** - словесный текст музыкального произведения или краткое содержание пьесы.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

ЗОЩЕНКО

(1894 – 1954)

КРЕСТЬЯНСКИЙ САМОРОДОК

Фамилию этого самородка и крестьянского поэта я в точности не запомнил. Кажется – Овчинников. А имя у него было простое – Иван Филиппович.

Приходил Иван Филиппович ко мне три раза в неделю. Потом стал ходить ежедневно.

Дела у него были ко мне несложные. Он тихим, как у таракана, голосом читал свои крестьянские стишки и просил, по возможности, скорей, пристроить их по знакомству в какой-нибудь журнал или газетку.

– Хотя бы одну штуковину напечатали, – говорил Иван Филиппович. – Охота посмотреть, как это выглядит в печати.

Иногда Иван Филиппович присаживался на кровать и говорил, вздыхая:

– К поэзии, уважаемый товарищ, я имею склонность, прямо скажу, сыздетства. Сыздетства чувствую красоту и природу... Бывало, другие ребята хохочут, или рыбку удют, или в пятачок играют, а я увижу, например, бычка или тучку и переживаю... Очень я эту красоту сильно понимал.

Тучку понимал, ветерок, бычка... Это всё я, уважаемый товарищ, очень сильно понимал.

Несмотря на понимание бычков и тучек, стишки у Иван Филипповича были весьма плохие. Надо бы хуже, да не бывает, единственно подкупало в них полное отсутствие всяких рифм.

– С рифмами я стихотворения не пишу, – признавался Иван Филиппович. – Потому с рифмами с этими одна путаница выходит. И пишется меньше. А плата всё равно – один чёрт, что с рифмой, что и без рифмы.

Первое время я честно ходил по редакциям и предлагал стишки, но после и ходить бросил – не брали...

Иван Филиппович приходил ко мне рано утром, садился на кровать и спрашивал:

– Ну как? Не берут?

– Не берут, Иван Филиппович.

– Чего же они говорят? Может, они, как бы сказать, в происхождении моём сомневаются? То пушай не сомневаются – чистый крестьянин. Можете редакторам так и сказать: от сохи, дескать. Потому кругом крестьянин. И дед крестьянин, и отец, и которые прадеды были – все насквозь крестьяне. И женились Овчинниковы завсегда на крестьянках. Ей-богу. Бывало даже смех кругом стоит: “Да чего вы, говорят, Овчинниковы, всё на крестьянках женитесь? Женитесь, говорят, на других...” – Нету, говорим, знаем, что делаем”. Ей-богу, уважаемый товарищ. Пушай не сомневаются...

– Да не в том дело, Иван Филиппович. Так не берут. Не созвучно, говорят, эпохе.

– Ну, это уже они тово, – возмутился Иван Филиппович. – Это-то не созвучные стихи? Ну, это они объелись... Как это не созвучные, раз я сыздетства природу чувствовал? И тучку понимал, бычка... За что же, уважаемый товарищ, не берут-то? Пушай скажут, нельзя же, уважаемый, голословно оскорблять личности! Пушай хотя одну штуковину возьмут.

Натиск поэта я стойко выдержал два месяца.

Два месяца я, нервный и больной человек, отравленный газами в германскую войну, терпел нашествия Иван Филипповича из уважения к его происхождению. Но через два месяца я стал сдавать.

И, наконец, когда Иван Филиппович принёс мне большую поэму или балладу, чёрт её разберёт, я окончательно сдал.

– Ага, – сказал я, – поэмку принесли?

– Поэмку принёс, – добродушно подтвердил Иван Филиппович, – очень сильная поэмка вышла... Два дня писал... Как прорвало. Удержу нет...

– С чего бы это?

– Да уж не знаю, уважаемый товарищ. Творчество нашло. Пишешь и пишешь. Руку будто кто водит за локоть. Вдохновенье...

– Вдохновенье! – сказал я. – Стишки пишешь... Работать нужно, товарищ, вот что! Дать бы тебе камни на солнцепёке колоть, небось бы...

Иван Филиппович оживился и просиял:

– Дайте, – сказал он. – Если есть, дайте. Прошу и умоляю. Потому до крайности дошло. Второй год без работы пухну. Хотя бы какую работишку найти...

– То есть как? – удивился я. – А поэзия?

– Какая поэзия, – сказал Иван Филиппович тараканьим голосом. – Жрать надо... Поэзия!.. Не только поэзия, я, уважаемый товарищ, чёрт знает на что могу пойти... Поэзия...

Иван Филиппович решительным тоном занял у меня трёшку и ушёл.

А через неделю я устроил Иван Филипповича курьером в одну из редакций. Стишки он писать бросил.

Нынче, хотя безработицы нету, ходит ко мне бывший делопроизводитель табачной фабрики – поэт от станка. Он откровенно говорит: “Хочу, знаете, к своему скромному канцелярскому заработку немножко подработать на этой самой поэзии”.

Вопросы и задания

1. Как ты понимаешь слово “самородок”? Проверь верность твоего суждения по толковому словарю.

2. Могло ли произойти на самом деле изображённое в рассказе событие?

3. По речевой характеристике определи уровень образования и культуры Иван Филипповича. Приведи цитаты из его монологов, доказывающие твою точку зрения.

4. Есть ли среди твоих знакомых самородки?

5. Составь синквейн по этому рассказу.

Михаил Михайлович Зощенко родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Его отец – художник, а мать до замужества была актрисой, потом писала рассказы. В семье было восемь детей. На фасаде музея Суворова в Петербурге мозаичную картину выполнил отец Зощенко. На картине есть изображение маленькой ёлочки, выложенной самим будущим писателем.

Михаил учился в гимназии, а потом год на юридическом факультете Петербургского университета, откуда был отчислен за неуплату. Был на военной службе в действующей армии во время Первой мировой войны. Зощенко сменил множество профессий: сапожника, плотника, актёра, милиционера. В возрасте восьми лет начал писать стихи, а в тринадцать – прозу.

Зощенко писал рассказы, сценарии к фильмам. Он был и остаётся выдающимся русским сатириком.

ВОСПИТАНИЕ ТРУДОМ И ДОБРОТОЙ

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ ПЕРМЯК

(1902 – 1982)

ТАЙНА ЦЕНЫ

У дедушки Гордея лёгкая работа была. Он из раковин пуговицы высекал. При дедушке дотошный паренёк-сирота Сергунька за родного внука жил. Всё-то ему знать надо, до сути дойти. Как-то понадобилось Сергуньке обутки, одежду справить. Вырос из старого и к тому же поизносил. Гордей и говорит ему:

– Пойдём, Сергунька, на берег – хорошие обутки, пригожую одежду искать.

– А разве её на берегу ищут? – спрашивает Сергунька.

– Пойдём, внук, увидим.

Пришли.

– Гляди, внук, сколько сапожонок, рубашонок, порток¹, картузов² на берег волны повыбросили! Знай собирай в мешок, – говорит дед Гордей и не смеётся.

– Да это же раковины, дедушка! Как их наденешь?

– А ты, внук, знай собирай! Дома разберёмся.

Набрали они по мешку раковин, пришли домой, выварили их, пообчистили как надо и за работу принялись. Пуговицы высекать стали. Гордей высекает. Сергунька зачищает. Дед дырочки в пуговичках сверлит, а внук их по дюжине на листки пришивает.

Весело дело идёт.

Много дюжин наделали. Хорошие пуговички получились. Крупные с радужным отливом. В город поехали, в лавку сдали, расчёт получили. Хватило расчёта на сапоги и на картуз, на рубаху и на штаники, да ещё на чай-сахар, белый хлеб осталось. И новые свёрла купили.

¹ *Портки* – штаны.

² *Картуз* – мужской головной убор.

Довольнёшенек дед. Посмеивается, трубочкой попыхивает:
– Гляди, Сергунька, сколько мы всякого добра из раковин добыли!

Задумался дотошный Сергунька, деда спрашивает:

– Как же это так получилось, что даровые раковины стоить стали? Новым картузом обернулись, кумачовой¹ рубашкой, плисовыми² портками, сапогами со скрипом стали?

– Цена в них вошла, – говорит на это дед.

– А когда она в них вошла, дедушка?

– Не ведаю.

– Может быть, при высечке?

– Знал бы, так сказал, – хитрит дед.

Хочется ему, чтобы внук сам до сути дошёл. А внук своё:

– Может быть, при сверловке, дедушка?

А опять хитрит:

– Не ведаю. Тайная эта сила для меня. Давно на берег хожу – даровые раковины ношу, а отчего они стоить начинают, когда в них цена входит, ума не приложу. Сходи-ка ты к гончару-кувшиннику. Может быть, у него выведаешь, когда тайная сила цены в даровую глину входит.

Пришёл Сергунька к гончару-кувшиннику. Видит: гончар даровую глину в горе копает, с песком её мнёт и водой разбавляет. Квасит³.

Сергунька глаз не спускает. Смотрит, когда в даровую глину цена войдёт.

Кувшинник тем часом бросил комок мятой глины на кружало⁴, завертел его и принялся кувшин выкруживать. Выкружил кувшин, взял другой комок глины мятой, вытянул его, выгнул лебяжьей шеей и на кувшин ручкой приставил. Потом достал резец-палочку и принялся изукрашивать кувшин. Изукрасил его цветами-розами, заморскими птицами, виноградом-смородиной, потом раскрасил кисточкой и обжигать стал.

Обжёт кувшинник кувшин, вынул из печи. Сергунька даже попятился, загляделся на синих птиц с изморозью⁵. На золотой виноград с чернедь⁶. Незнаемой цены кувшин. А когда в него цена вошла, этого он не увидел, и кувшинник толком сказать не может.

¹ *Кумачовая* – ярко-красная хлопчатобумажная ткань.

² *Плисовые* – из плиса; т.е. из хлопчатобумажной ткани.

³ *Квасить* – подвергать брожению, процессу окисления.

⁴ *Кружало* – гончарный круг.

⁵ *Изморозь* – иней.

⁶ *Чернедь* – чернение металла.

— То ли, — говорит, — на кружале, то ли, — говорит, — в печи. А может быть, она от резца-палочки. Сходи-ка лучше, парень, к лодочнику. Он из дерева ценные лодки выдалбливает. Там, может, виднее будет.

Тот же хитёр был дедушкин однокашник¹. Хотел, чтобы Сергунька сам хитрую тайну цены понял.

Пришёл Сергунька к лодочнику в тайгу. Лодочник в два обхвата даровое дерево валит. Отпилил сколько надо, долбить лодку принялся. Выдолбил, обтесал, распарил, бока распорками развёл. Развернулась лодка. Нос, корма поднялись — цену лодке прибавили.

Смекать Сергунька начал, как и чем лодочник в дерево цену загоняет. К другим глядеть пошёл. К мочальникам, что даровое липовое лыко² дерут-мочат, в мочалу треплют, а из мочалы³ стоящие кули⁴ ткут. У берестовщиков побывал, что из даровой бересты⁵ туески-лукошки, пестерьки-сумки на продажу вырабатывают, а до корня цены не дошёл.

И у рыбаков побывал. Рыба тоже даровой в реке плавает, а поймай её — в ней тайная сила цены объявится. И всюду так. Глядь — замок прост, а ключа не находится.

К каменотёсу забрёл. Разговорился про ключ цены. А тот ему и говорит:

— Пока сам работать не начнёшь, ключа не найдёшь.

Очень хотелось Сергуньке ключ цены найти. Пробовать стал камни тесать. Не сразу. Сначала подтаскивал. Подтащит камень-другой и ценить его начнёт. В горе лежал камень — даровым был. На место пришёл — стоять начал.

Научил его каменотёс бока у камня прямить. Для строительства не какой попало камень идёт — мерный. Отешет Сергунька другой-третий камень. Видит — опять в них цена прибыла.

Фаску⁶ научил его каменотёс снимать. Как даст Сергунька фаску камню — его цена чуть не вдвое вырастет.

Ну, а когда пузатые колонки, кудрявые капительки⁷ научился Сергунька из камня высекать, тогда и спрашивать больше не стал, в чём тайная сила цены. Сам понял. Понял и решил у дедушки побывать.

Приходит к дедушке и говорит:

¹ *Однокашник* — товарищ по ученью.

² *Лыко (луб)* — волокнистая внутренняя часть коры липы.

³ *Мочала (мочало)* — луб, разделяемый на узкие полоски-волокна, идущие на изготовление рогожи (ткань, очень грубая).

⁴ *Куль* — из плиса; т.е. из хлопчатобумажной ткани.

⁵ *Береста* — верхний светлый слой коры.

⁶ *Фаска* — скошенный край камня.

⁷ *Капительки* — витиеватый узор на камне.

– Я, дедушка, каменотёсом стал. Львов-тигров, даже ценных каменных див¹ высекаю. Яшменные пуговицы тебе на пробу высек. Бери.

Глядит дед на подарок: одна другой пуговицы краше.

– Большую цену за них дали бы, – говорит дед Гордей. – А в чём тайная сила цены, выведал?

– Нет, дедушка, не выведал. Сам дошёл, когда работать начал. В руках, дедушка, тайная сила цены. В руках. В моих, в твоих, в кувшинниковых, лодочниковых – в трудовых руках...

Так открыл Сергей великую тайну цены. И на что ни поглядит теперь – на дом ли, на стол ли, на узорчатую ткань, на ржаной хлеб, на радужные пуговицы, – труд человека видит: цену всех цен, корень всех ценностей-драгоценностей нашей земли и самой жизни.

Евгений Андреевич Пермяк (настоящая фамилия – Виссов) родился в Перми (отсюда и псевдоним) в семье почтового служащего. Отец скончался, когда мальчику было всего три года. Матери трудно было одной содержать сына.

Мальчика воспитывали бабушка, дедушка и тётя, окружив его любовью и заботой. В Воткинске он окончил церковно-приходскую школу, прогимназию и гимназию, где учили ещё и ремёслам: столярному, слесарному, сапожному, кузнечному и токарному.

Потом ему пришлось зарабатывать на хлеб этими ремеслами. На Урале, своей родине, Пермяк познакомился и сблизился с П.П. Бажовым, своим земляком.

Пермяк писал сказки, повести, романы.

Вопросы и задания

1. Можно ли найти в этом рассказе героев, похожих на героев других произведений?

2. Что ты знаешь о таланте? Найди в толковом словаре значение этого слова и сопоставь с рассказом Е. А. Пермяка.

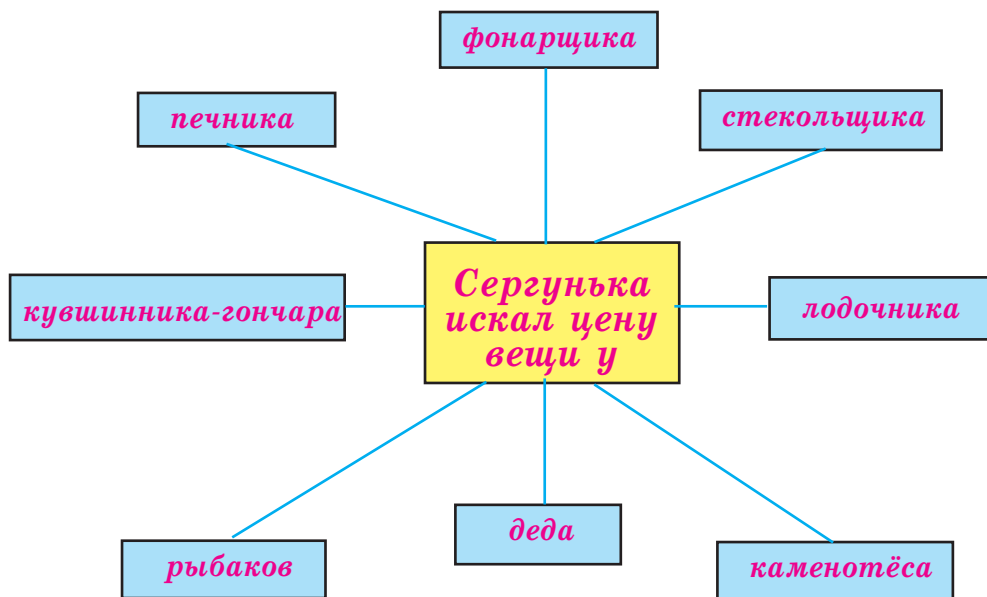
3. Можешь ли определить, какой талант есть у тебя? Поделись этим с одноклассниками.

¹ Див (дивы) — невиданные, чудные существа.

4. Почему никто не раскрыл тайну цены Сергуньке?

5. Труд – цена всех цен. Согласен ли ты с этим определением? Почему во все времена ценилось трудолюбие? Докажи примерами из твоей жизни или из историй, рассказанных твоими родителями.

6. Укажи неверный ответ в кластере.

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ

(1892 – 1968)

ЗОЛОТАЯ РОЗА *Драгоценная пыль*

Не могу припомнить, как я узнал эту историю о парижском мусорщике Жане Шамете. Шамет зарабатывал на существование тем, что прибирал ремесленные мастерские в своём квартале.

Жил Шамет в лачуге¹ на окраине города. Конечно, можно было бы обстоятельно описать эту окраину и тем самым увести читателя в сторону от основной нити рассказа. Но, пожалуй, стоит только упомянуть, что до сих пор в предместьях Парижа сохранились старые крепостные валы. В то время, когда происходило действие этого рассказа, валы были ещё покрыты зарослями жимолости и боярышника и в них гнездились птицы.

Лачуга мусорщика приткнулась к подножию северного крепостного вала, рядом с домишками жестянщиков, сапожников, собирателей окурков и нищих.

Если бы Мопассан² заинтересовался жизнью обитателей этих лачуг, то, пожалуй, написал бы ещё несколько превосходных рассказов. Может быть, они прибавили бы новые лавры к его устоявшейся славе.

К сожалению, никто из посторонних не заглядывал в эти места, кроме сыщиков. Да и те появлялись только в тех случаях, когда разыскивали краденые вещи.

Судя по тому, что соседи прозвали Шамета “дятлом”, надо думать, что он был худ, остронос, и из-под шляпы у него всегда торчал клочок волос, похожий на хохол птицы.

Когда-то Жан Шамет знал лучшие дни. Он служил солдатом в армии “Маленького Наполеона”³ во время мексиканской войны⁴.

¹ *Лачуга* — хижина, плохая избёнка.

² *Ги де Мопассан* — французский писатель, автор известнейших рассказов.

³ “*Маленький Наполеон*” — Наполеон Бонапарт, император Франции, был маленького роста.

⁴ *Мексиканская война* — англо-франко-испанская война в Мексике, продолжалась 6 лет: с 1861 по 1867 год.

Шамету повезло. В Вера-Крус он заболел тяжёлой лихорадкой. Больного солдата, не побывавшего ещё ни в одной настоящей перестрелке, отправили обратно на родину. Полковой командир воспользовался этим и поручил Шамету отвезти во Францию свою дочь Сюзанну — девочку восьми лет.

Командир был вдовцом, потому вынужден был всюду возить девочку с собой. Но на этот раз он решил расстаться с дочерью и отправить её к сестре в Руан. Климат Мексики был убийственным для европейских детей. К тому же беспорядочная партизанская война создавала много внезапных опасностей.

Во время возвращения Шамета во Францию над Атлантическим океаном дымилась жара. Девочка всё время молчала. Даже на рыб, вылетающих из маслянистой воды, она смотрела не улыбаясь.

Шамет как мог заботился о Сюзанне. Он понимал, конечно, что она ждёт от него не только заботы, но и ласки. А что он мог придумать ласкового, солдат колониального полка? Чем он мог занять её? Игрой в кости? Или грубыми казарменными песенками?

Но всё же долго отмалчиваться было нельзя. Шамет всё чаще ловил на себе недоумевающий взгляд девочки. Тогда он наконец решился и начал нескладно рассказывать ей свою жизнь, вспоминая до мельчайших подробностей рыбацкий посёлок на берегу Ламанша, сыпучие пески, лужи после отлива, сельскую часовню с треснувшим колоколом, свою мать, лечившую соседей от изжоги.

В этих воспоминаниях Шамет не мог найти ничего смешного, чтобы развеселить Сюзанну. Но девочка, к его удивлению, слушала эти рассказы с жадностью и даже заставляла повторять их, требуя новых подробностей.

Шамет напрягал память и выуживал из неё эти подробности, пока в конце концов не потерял уверенность в том, что они действительно существовали. Это были уже не воспоминания, а слабые их тени. Они таяли, как клочья тумана. Шамет, правда, никогда и не предполагал, что ему понадобится возобновлять в памяти это ненужное время своей жизни.

Однажды возникло смутное воспоминание о золотой розе. Не то Шамет видел эту выкованную из почернелого золота грубую розу, подвешенную к распятью в доме старой рыбаки, не то он слышал рассказы об этой розе от окружающих.

Нет, пожалуй, он однажды даже видел эту розу и запомнил, как она поблёскивала, хотя за окнами не было солнца и мрачный шторм шумел над проливом. Чем дальше, тем яснее Шамет вспоминал этот блеск – несколько ярких огоньков под низким потолком.

Все в поселке удивлялись, что старуха не продаёт свою драгоценность. Она могла бы выручить за неё большие деньги. Одна только мать Шамета уверяла, что продавать золотую розу – грех, потому что её подарил старухе “на счастье” возлюбленный, когда старуха, тогда ещё смешливая девушка, работала на сардинной фабрике в Одьерне¹.

– Таких золотых роз мало на свете, – говорила мать Шамета. – Но все, у кого они завелись в доме, обязательно будут счастливыми. И не только они, но и каждый, кто притронется к этой розе.

Мальчик Шамет с нетерпением ждал, когда же старуха сделается счастливой. Но никаких признаков счастья не было и в помине. Дом старухи трясся от ветра, а по вечерам в нём не зажигали огня.

Так Шамет и уехал из посёлка, не дождавшись перемены в старухиной судьбе. Только год спустя знакомый кочегар с почтового парохода в Гавре рассказал ему, что к старухе неожиданно приехал из Парижа сын-художник, борадатый, весёлый и чудной. Лачугу с тех пор было уже не узнать. Она наполнилась шумом и достатком. Художники, говорят, получают большие деньги за свою мазню.

Однажды, когда Шамет, сидя на палубе, расчёсывал Сюзанне своим железным гребнем перепутанные ветром волосы, она спросила:

– Жан, а мне кто-нибудь подарит золотую розу?

– Всё может быть, – ответил Шамет. – Найдётся и для тебя, Сузи, какой-нибудь чудак. У нас в роте был один тощий солдат. Ему чертовски везло. Он нашёл на поле сражения сломанную золотую челюсть. Мы пропили её всей ротой. Это было во время аннамитской² войны. Пьяные артиллеристы выстрелили для забавы из мортиры³, снаряд попал в жерло потухшего вулкана, там взорвался, и от неожиданности вулкан начал пыхтеть и извергаться. Чёрт его знает, как его звали, этот вулкан! Кажется, Крака-Така. Извержение было что надо! Погибло сорок мирных туземцев. Подумать только,

¹ *Одьерн* - город во Франции, Бретань.

² *Аннамитская война* — война в Аннаме, Аннам - название Вьетнама с 603 года до 1882 года.

³ *Мортира* — артиллерийское орудие с коротким стволом.

что из-за поношенной челюсти пропало столько людей! Потом оказалось, что челюсть эту потерял наш полковник. Дело, конечно, замяли, — престиж армии выше всего. Но мы здорово нализались¹ тогда.

— Где же это случилось? — спросила с сомнением Сузи.

— Я же тебе сказал — в Аннаме. В Индокитае. Там океан горит огнём, как ад, а медузы похожи на кружевные юбочки балерины. И там такая сырость, что за одну ночь в наших сапогах вырастали шампиньоны! Пусть меня повесят, если я вру!

До этого случая Шамет слышал много солдатского вранья, но сам никогда не врал. Не потому, что он этого не умел, а просто не было надобности. Сейчас же он считал святой обязанностью развлекать Сюзанну.

Шамет привёз девочку в Руан и сдал с рук на руки высокой женщине с поджатым жёлтым ртом — тётке Сюзанны. Старуха была вся в чёрном стеклярусе², как цирковая змея.

Девочка, увидев её, крепко прижалась к Шамету, к его выгоревшей шинели.

— Ничего! — шёпотом сказал Шамет и подтолкнул Сюзанну в плечо. — Мы, рядовые, тоже не выбираем себе ротных начальников. Терпи, Сузи, солдатка!

Шамет ушёл. Несколько раз он оглядывался на окна скучного дома, где ветер даже не шевелил занавески. На тесных улицах был слышен из лавчонок суетливый стук часов. В солдатском ранце Шамета лежала память о Сузи — синяя измятая лента из её косы. И чёрт её знает почему, но эта лента пахла так нежно, как будто она долго пробыла в корзине с фиалками.

Мексиканская лихорадка подорвала здоровье Шамета. Его уволили из армии без сержантского чина. Он ушёл в гражданскую жизнь простым рядовым.

Годы проходили в однообразной нужде. Шамет перепробовал множество скудных занятий и в конце концов стал парижским мусорщиком. С тех пор его преследовал запах пыли и помоек. Он чувствовал этот запах даже в лёгком ветре, проникавшем в улицы со стороны Сены, и в охапках мокрых цветов — их продавали чистенькие старушки на бульварах.

Дни сливались в жёлтую муть. Но иногда в ней возникало перед внутренним взором Шамета лёгкое розовое облачко — старенькое платье Сюзанны. От этого платья пахло весенней свежестью, как будто его тоже долго держали в корзине с фиалками.

¹ *Нализались (разг.)* — напились.

² *Стеклярус* — стеклянные цилиндрики удлинённой формы, вид бисера.

Где она, Сюзанна? Что с ней? Он знал, что сейчас она уже взрослая девушка, а отец её умер от ран.

Шамет всё собирался съездить в Руан навестить Сюзанну. Но каждый раз он откладывал эту поездку, пока наконец не понял, что время упущено и Сюзанна наверняка о нём позабыла.

Он ругал себя свиньей, когда вспоминал прощание с ней. Вместо того чтобы поцеловать девочку, он толкнул её в спину навстречу старой карге и сказал: “Терпи, Сузи, солдатка!”

Известно, что мусорщики работают по ночам. К этому их понуждают две причины: больше всего мусора от кипучей и не всегда полезной человеческой деятельности накапливается к концу дня, и, кроме того, нельзя оскорблять зрение и обоняние парижан. Ночью же почти никто, кроме крыс, не замечает работу мусорщиков.

Шамет привык к ночной работе и даже полюбил эти часы суток. Особенно то время, когда над Парижем вяло пробивался рассвет. Над Сеной курился туман, но он не подымался выше парапета¹ мостов.

Однажды на таком туманном рассвете Шамет проходил по мосту Инвалидов и увидел молодую женщину в бледном сиреневом платье с чёрными кружевами. Она стояла у парапета и смотрела на Сену.

Шамет остановился, снял пыльную шляпу и сказал:

– Сударыня, в эту пору вода в Сене очень холодная. Давайте-ка я лучше провожу вас домой.

– У меня нет теперь дома, – быстро ответила женщина и повернулась к Шамету. Шамет уронил свою шляпу.

– Сузи! – сказал он с отчаянием и восторгом. – Сузи, солдатка! Моя девчонка! Наконец-то я увидел тебя. Ты забыла меня, должно быть. Я – Жан Эрнест Шамет, тот рядовой Двадцать седьмого колониального полка, что привёз тебя к этой поганой тётке в Руан. Какой ты стала красавицей! И как хорошо расчёсаны твои волосы! А я-то, солдатская затычка, совсем не умел их прибирать!

– Жан! – вскрикнула женщина, бросилась к Шамету, обняла его за шею и заплакала. – Жан, вы такой же добрый, каким были тогда. Я всё помню!

– Э-э, глупости! – пробормотал Шамет. – Какая кому выгода от моей доброты? Что с тобой стряслось, моя маленькая?

Шамет притянул Сюзанну к себе и сделал то, на что не решился в Руане, – погладил и поцеловал её блестящие волосы. Тут же он отстранился, боясь, что Сюзанна услышит

¹ *Парапет* – невысокая стенка, ограждающая крышу, балкон, мост.

мышиную вонь от его пиджака. Но Сюзанна прижалась к его плечу ещё крепче.

— Что с тобой, девочка? — растерянно повторил Шамет.

Сюзанна не ответила. Она была не в силах сдержать рыдания. Шамет понял — пока что не надо её ни о чём расспрашивать.

— У меня, — торопливо сказал он, — есть логово у крепостного вала. Далековато отсюда. В доме, конечно, пусто — хоть шаром покати. Но зато можно согреть воду и уснуть в постели. Там ты сможешь умыться и отдохнуть. И вообще жить сколько хочешь.

Сюзанна прожила у Шамета пять дней. Пять дней над Парижем подымалось необыкновенное солнце. Все здания, даже самые старые, покрытые копотью, все сады и даже логово Шамета сверкали в лучах этого солнца, как драгоценности.

Кто не испытал волнения от едва слышного дыхания спящей молодой женщины, тот не поймёт, что такое нежность. Ярче влажных лепестков были её губы, и от ночных слёз блестели ресницы.

Да, с Сюзанной всё случилось именно так, как предполагал Шамет. Ей изменил возлюбленный, молодой актёр. Но тех пяти дней, какие Сюзанна прожила у Шамета, вполне хватило для их примирения.

Шамет участвовал в нём. Ему пришлось отнести письмо Сюзанны к актёру и научить этого томного красавчика вежливости, когда тот хотел сунуть Шамету несколько су на чай.

Вскоре актёр приехал в фиакре¹ за Сюзанной. И всё было как надо: букет, поцелуи, смех сквозь слёзы, раскаяние и чуть надтреснутая беззаботность.

Когда молодые уезжали, Сюзанна так заторопилась, что вскочила в фиакр, забыв попрощаться с Шаметом. Тут же она спохватилась, покраснела и виновато протянула ему руку.

— Раз уж ты выбрала себе жизнь по вкусу, — проворчал ей напоследок Шамет, — то будь счастлива.

— Я ничего ещё не знаю, — ответила Сюзанна, и слёзы заблестели у неё на глазах.

— Ты напрасно волнуешься, моя крошка, — недовольно протянул молодой актёр и повторил: — Моя прелестная крошка.

— Вот если бы кто-нибудь подарил мне золотую розу! — вздохнула Сюзанна. — Это было бы наверняка к счастью. Я помню твой рассказ на пароходе, Жан.

¹ *Фиакр* - наёмный городской экипаж, запряженный лошадьми. Использовался как современное такси.

— Кто знает! — ответил Шамет. — Во всяком случае, не этот господинчик поднесёт тебе золотую розу. Извини, я солдат. Я не люблю шаркунов¹.

Молодые люди переглянулись. Актёр пожал плечами. Фиакр тронулся.

Обыкновенно Шамет выбрасывал весь мусор, выметенный за день из ремесленных заведений. Но после этого случая с Сюзанной он перестал выбрасывать пыль из ювелирных мастерских. Он начал собирать её тайком в мешок и уносил к себе в лачугу. Соседи решили, что мусорщик “тронулся”. Мало кому было известно, что в этой пыли есть некоторое количество золотого порошка, так как ювелиры, работая, всегда стачивают немного золота.

Шамет решил отсеять из ювелирной пыли золото, сделать из него небольшой слиток и выковать из этого слитка маленькую золотую розу для счастья Сюзанны. А может быть, как говорила ему мать, она послужит и для счастья многих простых людей. Кто знает! Он решил не встречаться с Сюзанной, пока не будет готова эта роза.

Шамет никому не рассказывал об этом. Он боялся властей и полиции. Мало ли что придёт в голову судебным крючкам. Они могут объявить его вором, посадить в тюрьму и отобрать у него золото. Ведь оно было всё-таки чужое.

До поступления в армию Шамет батрачил на ферме у сельского кюре² и потому знал, как обращаться с зерном. Эти познаниягодились ему теперь. Он вспомнил, как веяли хлеб³ и тяжёлые зёрна падали на землю, а лёгкая пыль уносилась ветром.

Шамет построил небольшую веялку и по ночам перевеивал во дворе ювелирную пыль. Он волновался до тех пор, пока не увидел на лотке едва заметный золотящийся порошок.

Прошло много времени, пока золотого порошка накопилось столько, что можно было сделать из него слиток. Но Шамет медлил отдавать его ювелиру, чтобы выковать из него золотую розу.

Его не останавливало отсутствие денег, — любой ювелир согласился бы взять за работу треть слитка и был бы этим доволен.

Дело заключалось не в этом. С каждым днём приближался час встречи с Сюзанной. Но с некоторых пор Шамет начал бояться этого часа.

¹ *Шаркун* — тот, кто шаркает, ходит, не поднимая ног. Здесь в значении: человек, у которого под внешним лоском — пустота.

² *Кюре* — священник католической церкви.

³ *Веять хлеб* — очищать от шелухи и мусора пшеницу. Зерно подбрасывали вверх, шелуху уносило ветром.

Всю нежность, давно уже загнанную в глубину сердца, он хотел отдать только ей, только Сузи. Но кому нужна нежность поношенного уroda! Шамет давно заметил, что единственным желанием людей, встречавшихся с ним, было поскорее уйти и забыть его тощее, серое лицо с обвисшей кожей и пронзительными глазами.

У него в лачуге был осколок зеркала. Изредка Шамет смотрелся в него, но тотчас же с тяжёлым ругательством отшвыривал прочь. Лучше было не видеть себя — эту неуклюжую образину,

ковылявшую на ревматических ногах.

Когда роза была наконец готова, Шамет узнал, что Сюзанна год назад уехала из Парижа в Америку и, как говорили, навсегда. Никто не мог сообщить Шамету её адрес.

В первую минуту Шамет даже испытал облегчение. Но потом всё его ожидание ласковой и лёгкой встречи с Сюзанной превратилось непонятным образом в железный заржавленный осколок. Этот колючий осколок застрял у Шамета в груди, около сердца, и Шамет молил Бога, чтобы он скорее вонзился в это хилое сердце и остановил его навсегда.

Шамет бросил прибирать мастерские. Несколько дней он пролежал у себя в лачуге, повернувшись лицом к стене. Он молчал и только один раз улыбнулся, прижав к глазам рукав старого пиджака. Но никто этого не видел. Соседи даже не приходили к Шамету — у каждого хватало своих забот.

Следил за Шаметом только один человек — тот пожилой ювелир, что выковал из слитка тончайшую розу и рядом с ней, на одной ветке, маленький острый бутон.

Ювелир навещал Шамета, но не приносил ему лекарств. Он считал, что это бесполезно.

И действительно, Шамет незаметно умер во время одного из посещений ювелира. Ювелир поднял голову мусорщика, достал из-под серой подушки золотую розу, завернутую в синюю помятую ленту, и не спеша ушёл, прикрыв скрипучую дверь. От ленты пахло мышами.

Была поздняя осень. Вечерняя темнота шевелилась от ветра и мигающих огней. Ювелир вспомнил, как преобразилось

после смерти лицо Шамета. Оно стало суровым и спокойным. Горечь этого лица показалась ювелиру даже прекрасной.

“Что не даёт жизнь, то даёт смерть”, – подумал ювелир, склонный к дешёвым мыслям, и шумно вздохнул.

Вскоре ювелир продал золотую розу пожилому литератору, неряшливо одетому и, по мнению ювелира, недостаточно богатому, чтобы иметь право на покупку такой драгоценной вещи.

Очевидно, решающую роль при этой покупке сыграла история золотой розы, рассказанная ювелиром литератору.

Запискам старого литератора мы обязаны тем, что кое-кому стал известен этот горестный случай из жизни бывшего солдата 27-го колониального полка Жана Эрнеста Шамета.

В своих записках литератор, между прочим, писал: “Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутивая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, – всё это крупинки золотой пыли.

Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою “золотую розу” – повесть, роман или поэму.

Золотая роза Шамета! Она отчасти представляется мне прообразом нашей творческой деятельности. Удивительно, что никто не дал себе труда проследить, как из этих драгоценных пылинок рождается живой поток литературы.

Но, подобно тому, как золотая роза старого мусорщика предназначается для счастья Сюзанны, так и наше творчество предназначается для того, чтобы красота земли, призыв к борьбе за счастье, радость и свободу, широта человеческого сердца и сила разума преобладали над тьмой и сверкали, как “незаходящее солнце”.

Русский писатель Константин Георгиевич Паустовский родился в Москве. Его отец – служащий на железной дороге. Мать была дочерью служащего на сахарном заводе.

В Паустовском соединились несколько национальностей: украинская, турецкая, польская.

Семья часто переезжала с места на место. В родительском доме любили театр, искусство, много пели, играли на рояле...

В Киевской гимназии были хорошие учителя, привившие Константину любовь к русской словесности, истории и психологии.

Когда будущий писатель учился в шестом классе, его родители разошлись, и ему пришлось самому зарабатывать себе на жизнь. В последнем классе гимназии Паустовский написал свой первый рассказ. Дальше его ждала сложная и интересная жизнь: учёба в университетах, работа, путешествия, гибель на войне братьев, служба в армии...

Современному читателю Паустовский известен как автор рассказов и повестей о природе для детей.

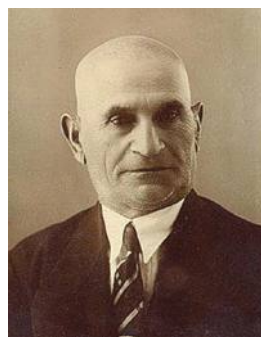
Вопросы и задания

- 1. Бывает ли роза золотой?*
- 2. Что ты знаешь о такой стране, как Франция?*
- 3. Что интересного в повествовании Паустовского?*
- 4. Как ты воспринимаешь войну? Что вы слышали о Наполеоне?*
- 5. Кого называют литератором? Сможешь ли ты написать рассказ? Попробуй.*
- 6. Читая текст, обрати внимание на возможности героя. Когда, по-твоему, жизнь Шамета складывалась удачно?*
- 7. Перескажи “Золотую розу” родителям, может, услышишь от них подобную историю.*

СУЛЕЙМАН САНИ АХУНДОВ

(1875 – 1930)

НУРЕДДИН
(в сокращении)

Наступил вечер, и семья Гаджи-Самеда, как всегда, собралась за столом. Мамед только что кончил писать домашнее задание и теперь исправлял ошибки. Маленькая Фатма сидела, задумавшись, обхватив голову руками. Гаджи-Самед первый нарушил молчание.

– Что притихла? – спросил он дочку.

– Трудный урок задал нам на завтра учитель. Надо написать сочинение на тему «Делай людям добро – и тебе ответят тем же». Вот я и написала. Хочешь, прочту, а ты скажи, хорошо у меня получилось или нет.

– Согласен, дочка.

Фатма прочла. Гаджи-Самеду понравилось, и он похвалил её.

– Отец, – вмешался Мамед, – мне тоже задали написать рассказ на тему пословицы: «Ответить добром на добро способен каждый мужчина, но лишь самый мужественный может добром ответить на зло». Так вот, послушай, пожалуйста, и меня, я хочу знать твоё мнение.

– Читай, сынок.

Мамед прочёл. Гаджи-Самеду понравился рассказ сына. Он его похвалил.

– Но кто же из нас написал лучше? – не унималась Фатма.

– А вот для этого послушайте и меня, тогда и решим, чей рассказ самый интересный, – сказал Гаджи-Самед и отложил газету, которую держал в руке.

Дети очень обрадовались.

– Конечно, Расскажи, папа, – сказали они в один голос, усевшись поудобнее.

Немного помедлив, Гаджи-Самед начал:

«Жил на Кавказе когда-то купец Гаджи-Насир. Была у него жена Халима, на редкость красивая и добрая женщина. Они были очень счастливы и горевали лишь о том, что не

имели детей. Наконец, у них родился сын, которого назвали Нуреддин. В день рождения долгожданного ребёнка Гаджи-Насир устроил настоящий пир, созвал всех бедняков и угостил их обильным обедом.

Каждый год купец ездил на ярмарку, распродал там свой товар и, возвращаясь домой, непременно привозил жене и сыну богатые подарки.

Однажды он привёз мальчику маленькую книжечку, величиной со спичечную коробку. Это был «Гюлистан» Саади¹. Когда Халима спросила, где он достал такую диковинку, Гаджи-Насир рассказал:

— Шёл я как-то с ярмарки в гостиницу. Гляжу, сидит на пристани мужчина средних лет, опустил голову и плачет. Я остановился, спрашиваю: «Что случилось?» А он отвечает: «Я бедный человек, родом из Ирана. У меня большая семья, которую почти нечем кормить. Хотел я заняться мелкой торговлей, стать коробейником². Наконец, набрал триста рублей, приехал сюда за товаром, а час назад у меня все деньги вытащили из кармана». Жалко мне его стало. Дал я ему триста рублей и сказал: «Возьми! Купи товар и делай то, что хотел. Заработаешь — вернёшь мне долг! А пока молись за моего маленького Нуреддина». Он, бедняга, обрадовался, бросился руки целовать, спросил, где я живу, и ушёл. А вечером, когда я пил чай у себя в номере, входит этот самый

человек и говорит: «Гаджи, хочу подарить вам что-нибудь, да ничего у меня нет, кроме маленького «Гюлистана», и он протянул мне вот эту книжечку. Отдайте её вашему любимому сыну. Пусть это будет память о Рагиме».

Халима зашила книжечку в шёлковую ладанку³, надела сыну на шею и сказала:

— Когда Нуреддин вырастет, он прочтёт эту книжечку.

¹ *Саади* — известный персидский поэт XIII века, «Гюлистан» — сборник его стихов.

² *Коробейник* — торговец мелкими товарами вразнос.

³ *Ладанка* — маленький мешочек с талисманом, который носят на груди. Талисман — предмет, приносящий его обладателю удачу, счастье.

Мальчик рос. Ему исполнилось восемь лет, и он стал ходить в школу. Учился он отлично, дружил с товарищами, и все его очень любили.

С годами торговля Гаджи-Насира шла всё хуже и хуже. Наконец, он совсем разорился, потерял всё своё состояние. Но беда никогда не приходит одна. Как-то после бани простудилась и слегла Халима. Гаджи-Насир пригласил самых знаменитых врачей, чтобы спасти свою любимую жену, но бедная женщина так и не встала с постели. На девятые сутки она умерла, повторяя имя Нуреддина. Купец лишился своей верной подруги, утешавшей и ободрявшей его в трудные минуты.

Обычно, каждый вечер Халима сама раздевала и укладывала сына спать. А он, обняв её за шею, говорил:

— Спокойной ночи, мамочка! — и, поцеловав её, сладко засыпал.

В день смерти матери мальчика укладывала служанка. Он вспомнил о своей ужасной потере и заплакал. Прошла полночь, а он всё ещё не мог заснуть.

«Ах, если бы мама воскресла! Или совсем не умирала бы!..».

И вдруг он вспомнил: недавно учитель рассказывал, будто бы есть сон, похожий на смерть. Люди засыпают и несколько дней лежат неподвижно, как мёртвые, а потом просыпаются. И будто бывали случаи, когда таких людей по ошибке зарывали в землю...

«Может быть, и мама уснула таким сном, и её живую похоронят. Может быть, она и не умерла вовсе».

Размышляя таким образом, Нуреддин заснул только под утро и проспал до полудня. За это время Халиму похоронили. Гаджи-Насир был так убит горем, что совсем забыл о сыне.

Когда Нуреддин открыл глаза, в соседней комнате молла читал Коран. Заунывный монотонный голос действовал усыпляюще на ещё не совсем проснувшегося мальчика, и некоторое время он не мог понять, во сне или наяву он это слышит. Потом он подумал: «зачем же читают Коран?» И вдруг ужасная мысль молнией пронеслась в его голове. Он мгновенно вскочил и стал одеваться.

В это время в комнату вошла служанка Бахар. Нуреддин бросился к ней:

— Бахар, скажи, похоронили маму?

Бахар, утирая слёзы, ответила:

— Да, сынок. Уж лучше бы я умерла вместо неё, лучше б меня опустили в могилу.

Все надежды бедного Нуреддина на то, что мать воскреснет, мгновенно исчезли, но его ещё терзало сомнение — умерла ли она? Не похоронили ли её по ошибке?

Вечером, когда ушли все гости, он об этом спросил отца, и тот с горечью рассеял его тревогу.

Смерть матери потрясла Нуреддина. Всегда весёлый, разговорчивый, общительный, он стал молчаливым, грустным, сторонился товарищей. Единственными его друзьями стали книги.

Так как Гаджи-Насир обеднел, Нуреддин уже не ездил в школу в собственном фаэтоне¹, но это нисколько не огорчало его, он не был ни спесив², ни тщеславен³. Честный купец гордился тем, что сын его прилежно учится, но вместе с тем его глубоко огорчало всегда подавленное настроение мальчика.

Наконец, Гаджи-Насир задумал жениться.

«Я должен взять дочь какого-нибудь бедняка. Она заменит Нуреддину мать и лаской рассеет его печаль».

Случай помог ему исполнить это желание. Как-то раз Гаджи-Насир поехал в соседний город, чтобы расплатиться с одним из своих компаньонов по торговле. Верстах в двадцати от города в деревне жил его старый приятель Имамверди, о котором он давно уже не имел никаких вестей.

«Если уж я заехал в такую даль, — подумал купец, — надо навестить друга».

Имамверди пригласил старого друга в убогую⁴ комнату и сказал:

— Вот всё, что осталось от моего богатства. Потерял я жену и детей, только одна дочь живёт со мной.

— Если бы мои дела шли по-прежнему, — от души сказал Гаджи-Насир, — я помог бы тебе.

— Знаю, знаю, — Имамверди повернулся к дочери, — Гюльпери, поторопись с обедом! Наш гость устал с дороги.

Гюльпери было двадцать три года. Это была невысокая, полная брюнетка. У неё был такой тяжёлый характер, что в деревне никто не хотел на ней жениться... Никто даже не сватался.

Через два дня Гаджи-Насир вернулся домой не один, а с Гюльпери и, обняв Нуреддина, сказал:

— Сын мой, это твоя новая мать. Подойди, поздоровайся, поцелуй ей руку.

Это известие так потрясло мальчика, что он побледнел и задрожал, как в лихорадке. Кроткий, ласковый образ покойной матери встал перед его глазами. Впервые в жизни он не

¹ *Фаэтон* — лёгкая коляска с откидным верхом.

² *Спесивый* — заносчивый, важный.

³ *Тщеславный* — любящий славу, высокомерный.

⁴ *Убогая* — бедная, плохо обставленная.

послушался отца и не сделал того, что ему приказывали. Он не подошёл к Гюльпери.

— Ах, папа, как скоро ты забыл бедную маму! — воскликнул он и зарыдал.

Слова сына ножом вонзились в сердце Гаджи-Насира, и он тоже заплакал. А Гюльпери рассердилась:

— Разве так встречают молодую жену? Ты меня на поминки привёл сюда, что ли?

— Ты права. Тебя должны были встретить весёлым пиршеством все мои родственники, но их нет у меня. С этого дня ты будешь хозяйкой в этом доме. Я прошу тебя только об одном — замени моему сыну мать, полюби его. Он умный, хороший мальчик. Но он ведь ещё совсем ребёнок, вспомнил мать и плачет. Он привыкнет, полюбит тебя и во всём будет слушаться. Пойдём, я покажу тебе твои комнаты и вещи, — сказал Гаджи-Насир.

С этого дня начались несчастья в жизни Нуреддина. Очень скоро Гюльпери проявила свой характер во всей красе. С утра до вечера она ничего не делала и только кричала на прислугу. Особенно донимала она своего пасынка¹, ругала и била его без всякой причины. Нуреддин терпеливо сносил всё и не только не жаловался отцу, но, чтобы не огорчать его, старался казаться весёлым.

Гаджи-Насир видел всё это и горько жалел о том, что женился вторично. Чтобы не слышать криков Гюльпери, он рано утром уходил на базар в свою лавку, а возвращался домой поздно вечером. И торговые дела, которые теперь приносили одни убытки, и домашние раздоры подтачивали его здоровье. Он таял, как свеча.

Около года продолжалась эта жестокая тирания. Однажды, когда Нуреддин вернулся из школы, Гюльпери начала его бить за то, что он будто бы поздно пришёл. Как раз в это время вошёл Гаджи-Насир. Он отнял Нуреддина у разъярённой жены и сказал:

— Неблагодарная! Я избавил тебя от нищеты, женился на тебе для того, чтобы ты заменила мать моему ребёнку, а вовсе не для того, чтобы ты стала его палачом. Клянусь святым прахом Халимы, что я и одного дня не потерплю тебя в своём доме. Сейчас же разведусь с тобой.

С этими словами он ушёл на базар. А через полчаса кто-то прибежал оттуда со страшной вестью: Гаджи-Насир умер в лавке от разрыва сердца. Немного погодя принесли его похолодевшее тело.

¹ *Пасынок* — сын одного из супругов от другого брака.

Сильнее, чем смерть отца, Нуреддина поразило притворство, лицемерие Гюльпери. Она рыдала, била себя по голове, царапала ногтями лицо, бросалась на тело мужа. Мальчик понимал, что она давно ждала этой смерти и в душе была рада ей. Он хотел сказать об этом всем соседям и знакомым, собравшимся на похороны, но вспомнил завет отца: «семейные секреты никогда не следует открывать посторонним людям» — и промолчал. Забившись в угол, он с ненавистью, смешанной с удивлением, смотрел на Гюльпери, проливавшую обильные слёзы. Он даже не плакал. Ему не хотелось быть похожим на неё. И все, кто не знал его страданий, сочли его бессердечным, бесчувственным сыном, а лицемерную Гюльпери — любящей и преданной супругой.

Похороны отца показались Нуреддину тяжким сном.

Через три дня после смерти Гаджи-Насира Гюльпери разбудила Нуреддина утром, поцеловала его, дала ему денег и сказала:

— Не надо забывать об учёбе, сынок. Иди в школу. После уроков можешь погулять с товарищами. Тебе надо немного рассеяться. Нынче придут должники отца, и я весь день буду занята с ними. Вставай скорее!

Мальчик очень обрадовался, быстро оделся, взял сумку с книгами и побежал в школу. Всю дорогу он ломал себе голову:

«Почему вдруг она стала такой доброй? Если бы она была такой с самого начала, отец не умер бы от разрыва сердца. Интересно, что заставило её так перемениться ко мне? Жалко ей меня, что ли? Или она боится Имамверди? Он хороший старик и очень меня любит. И долго ли она будет так ласково обращаться со мной? Боюсь, уедет Имамверди, и она опять начнёт бить меня. А мне и пожаловаться теперь некому... Одной Бахар, но Гюльпери, наверно, прогонит её». С такими невесёлыми думами дошёл он до школы.

Нуреддин был прав. Гюльпери неспроста переменялась к нему. Она знала, что всё имущество Гаджи-Насира перейдёт по наследству сыну, а так как он ещё не достиг совершеннолетия, будет назначен опекун¹. Хитрая женщина надеялась стать его опекуницей, и это ей удалось.

Она рассчитывала, что Нуреддин получит в наследство богатство. Но после того, как подсчитали и уплатили все долги, осталось совсем немного денег, дом, драгоценностей тысяч на двенадцать да домашние вещи, перешедшие к Нуреддину от покойной матери.

¹ *Опекун* — лицо, которому поручена опека (забота).

Когда мальчик вернулся из школы и Гюльпери сказала ему, что её назначили опекуншей, он понял, почему она с ним была так ласкова, и это не утешило его. Бахар заметила это и попыталась подбодрить его.

— Не бойся, пока ты жив, ей и прикоснуться не позволят к твоей копейке. И она уже не будет тебя мучить, потому что иначе её лишат права быть твоей опекуншей.

Эти слова обрадовали Нуреддина, тем более, что в первые месяцы после смерти отца они оправдались. Гюльпери и в самом деле не мучила его, была даже добра к нему. Но её лукавое притворство не могло обмануть Бахар. Она, хоть и успокоила Нуреддина, сама очень встревожилась. Она нисколько не верила в то, что Гюльпери действительно переменилась и подобрела. Во всех поступках вздорной¹ женщины она подозревала тайный умысел и внимательно следила, как бы та чего не сделала с Нуредином.

Гюльпери чувствовала, что за ней постоянно наблюдает зоркий глаз, и хотела как-нибудь избавиться от Бахар. Но зная, что та выросла в доме Гаджи-Насира и занимает среди слуг особое положение, она всячески скрывала свои враждебные намерения.

Большую часть своей жизни Имамверди провёл в деревенской глуши. Он не привык к шумной жизни в городе, тяготившей его. Как-то он сказал дочери:

— Ну, Гюльпери, дела твои теперь налажены, мне тут уже нечего делать. Да и не хочется дышать пыльным городским воздухом. Поеду-ка я домой. И вы с Нуредином, когда у него начнутся каникулы, соберитесь и приезжайте ко мне. Проведёте лето на свежем воздухе, поправитесь.

— Ну что ж, поезжай, — ответила дочь.

Расставаясь с Нуредином, Имамверди ласково поцеловал его и сказал:

— Сынок, постарайся получше сдать экзамены. Приедешь ко мне, посмотришь, какая красота у нас в деревне. Я приготовлю удочку, каждый день будешь ловить рыбу в речке, купаться, собирать ежевику, грибы в лесу. Приезжай, сынок!

Разлука с дедушкой Имамверди огорчила Нуреддина, но он утешал себя тем, что до поездки в деревню осталось не так уж много времени. Он никогда не выезжал из родного города, о лесах и реках знал только по книгам и с нетерпением ждал летних каникул. Но скоро Нуреддин убежал из дома от злой мачехи и вместе с нищим Джаннат-Али начал просить милостыню...

¹ *Вздорная* — сварливая, ворчливая.

Так от деревни к деревне, прося милостыню, через двенадцать дней дошли они до того большого города, где жил родственник Джаннат-Али. Нуреддина невозможно было узнать. Когда-то это был изнеженный ребёнок, а сейчас он был весь в грязи, оборван и так худ, как будто только что перенёс малярию или какую-нибудь другую болезнь. Пять дней они искали родственника Джаннат-Али. Наконец, кто-то сказал им, что месяца два назад он умер в такой бедности, что добрым людям пришлось хоронить его на свои деньги.

И они пошли дальше. Однажды Джаннат-Али заболел. Он так обессилел, что сел на углу, а Нуреддина послал собирать милостыню. До этого дня мальчик никогда не просил у прохожих. Этим обычно занимался сам Джаннат-Али. Теперь он шёл один и, стыдясь, не решался протянуть руку. Он прошёл один за другим несколько кварталов, потом стал переходить широкую улицу, споткнулся и упал. В это время по улице быстро мчался фаэтон, в котором сидел какой-то богач. Извозчик не смог вовремя остановить лошадей. Нуреддин оказался под колесами. Увидев это, прохожие закричали и столпились вокруг него. А он лежал в луже крови.

— Бедный нищий! Он умер, — сказал кто-то.

— Нет, он жив, — ответил другой. — Помяло, но не так уж и сильно.

Из фаэтона торопливо вылез седой человек, которого все называли «господин Рагим». Толпа почтительно расступилась перед ним, он склонился над мальчиком и сказал:

— Чего зря болтать? Не лучше ли помочь бедному ребёнку? Поднимите его скорее и положите в фаэтон.

Несколько человек бросились выполнять его приказание. Рагим сел рядом с Нуредином и крикнул кучеру:

— Поезжай скорее домой!

Дома Рагим тотчас же послал за самым известным врачом в городе. Тот приехал, внимательно осмотрел пострадавшего и сказал:

— Ничего опасного нет. Дней через десять он поправится, встанет на ноги. Но он слаб и очень грязен, надо как-нибудь обмыть его, потому что его нельзя купать ни в бане, ни в корыте.

Когда доктор ушёл, Рагим позвал свою жену Рахиму.

— Знаешь, жена, по дороге со мной несчастье случилось: переехал этого мальчика.

В это время Нуреддин открыл глаза и с удивлением посмотрел вокруг. Он не понимал, где он находится и что с ним стряслось. Рахима погладила его по голове.

— Как тебя звать, сынок?

Но Рагим остановил её.

— Не надо его расспрашивать. Он очень слаб. Лучше приготовь тёплую воду, мыло и губку. Доктор велел его обмыть.

Служанка немедленно принесла всё, что требовалось. Нуреддина раздели и стали мыть. Рахима сняла у него с шеи шнурок, на котором висело что-то, зашитое в кусочек старого и грязного шёлка. Она подумала, что это молитва, хотела её вынуть и зашить в чистую тряпочку. Когда она распоролла грязную материю, в ней оказалась маленькая книжечка.

— Смотри, что это такое? — удивлённо сказала она, протянув книжечку мужу.

— Слава богу! Наконец-то, я нашёл! — радостно воскликнул Рагим. Потом он повернулся к Нуреддину и спросил: — Тебя Нуреддином зовут, сынок?

— Да, — слабым голосом ответил мальчик.

Услышав это, Рахима очень удивилась:

— Как ты узнал его имя?

— Рахима, это сын нашего благодетеля Гаджи-Насира, которого мы так долго искали. А эта книжечка — тот самый «Гюлистан», о котором я тебе рассказывал.

— Сам бог послал нам его.

— Верно, Рахима, верно!

Муж и жена вымыли Нуреддина, и он крепко уснул.

Нуреддин выздоровел не через десять дней, как сказал доктор, а раньше. И только тогда Рагим и его жена стали расспрашивать, что с ним произошло и как он стал нищим. Мальчик рассказал им всё. Старики слушали и вздыхали. Окончив свой рассказ, Нуреддин стал горячо просить Рагима отправить его домой к Бахар, но Рахима, поцеловав его, сказала:

— Сынок, вот уже неделя, как ты у нас. И я так рада тебе, так счастлива! Я сделаю для тебя всё, что захочешь, только не оставляй нас, не уезжай. Кто знает, что ещё может случиться с тобой.

Не успела она сказать это, как Рагим взял книжечку и спросил:

— Знаешь ли ты историю этой книжечки, дитя?

— Да, мне рассказывал отец.

— Теперь прочти, что написано на обложке.

Нуреддин прочёл:

«Творя добро, брось рыбу в море. Если рыба не поймёт, то поймёт Бог. Рагим».

— Дитя, Рагим — это я. Тот самый Рагим, у которого когда-то на ярмарке вытащили из кармана триста рублей, и он плакал. Твой отец Гаджи-Насир выручил меня из беды, сделал доброе дело, и я сейчас только выплачиваю долг свой тебе, его сыну. Если хочешь, я напишу Бахар, чтобы она приехала к нам и жила здесь.

Это предложение очень обрадовало Нуреддина. С этого дня для него началась новая жизнь. Рагим устроил его в училище, и он учился так же хорошо, как когда-то в школе при жизни отца.

Однажды, возвращаясь из училища, Нуреддин встретил Джаннат-Али и очень обрадовался. Он повёл его к себе домой и всю дорогу рассказывал о своей жизни после того, как они расстались тогда на углу.

— Дедушка, ты так много сделал для меня хорошего! Теперь я должен отплатить тебе.

Дома Рагим приветливо встретил их. Он был очень доволен тем, что у Нуреддина такое доброе сердце.

— Всегда поступай так, — сказал он. — Не забывай о бедных и бездомных, никогда не забывай тех, кто хоть однажды помог тебе.

Однажды вечером, когда Нуреддин, Рахима и Рагим пили чай, в комнату вошла Бахар. Увидев своего дорогого мальчика, она от радости и удивления замерла на месте. Нуреддин бросился к ней в объятия.

— Бахар! Неужели ты не узнаёшь меня?

Он крепко обнял её. Только тогда бедная женщина пришла в себя.

— Ох, Нуреддин! Это ты? Ты жив!

И она стала горячо-горячо целовать его.

Встреча их была такой трогательной, что старики, глядя на них, прослезились.

Немного отдохнув с дороги и напившись чаю, Бахар стала рассказывать:

— Знаешь, Нуреддин, все, даже судьи, считают тебя мёртвым. Через три дня после того, как ты убежал из деревни, крестьяне нашли в реке твою шапку и отдали её Амираслану, а он показал её судье. Вот и постановили считать тебя мёртвым. После этого, Амираслан и Гюльпери приехали в город и забрали все вещи, а мне сказали: «Ты нам больше не нужна. Иди, куда хочешь». Обидно мне стало. Я заплакала и сказала им всё, что накопилось у меня на душе. На шум прибежали соседи. «Слушайте! — закричала я. — Вот эти два человека виноваты в смерти Нуреддина!». Тогда

Амираслан позвал городского¹ и выгнал меня. Теперь ты, мой мальчик, должен заявить судье, что ты живой, и потребовать у них отчёта, надо наказать их как следует.

— Нет, Бахар, ничего этого делать не нужно, — возразил Рагим. — Придёт время, и оба они будут наказаны. Теперь всё моё богатство принадлежит Нуреддину, у него ни в чём нет нужды.

После ужина муж и жена ушли в соседнюю комнату, а Нуреддин и Бахар ещё долго разговаривали. Выслушав грустный рассказ мальчика о всех его злоключениях, Бахар ещё больше укрепились в мысли отомстить Гюльпери и Амираслану.

Прошло десять лет. Была весна. В доме Рагима с раннего утра хлопотали, готовясь к встрече гостей. Нуреддин только что окончил реальное училище, и Рагим решил отпраздновать это событие настоящим пиршеством.

Бахар, Рахима и сам Рагим накрывали на стол в большом зале. Даже Джаннат-Али помогал им. Он нарвал в саду цветов, выращенных им самим, и поставил их в дорогие вазы.

Виновник торжества стоял в это время перед зеркалом в соседней комнате и примерял новый студенческий костюм. Когда он вошёл в зал, старики всплеснули руками, так он был красив.

— Да сохранил тебя Бог от дурного глаза! — сказала Рахима, обнимая и целуя его.

К двум часам дня дом наполнился молодыми людьми. Нуреддин пригласил всех в зал, и пиршество началось.

Никогда ещё в доме Рагима не было так весело. Молодые голоса и беззаботный смех заглушали звуки тара.

К вечеру гости стали расходиться. Нуреддину захотелось немного освежиться, погулять по городу, и он ушёл с товарищами. Вечером, когда вся семья сидела за чайным столом, он вошёл в комнату и взволнованно сказал:

— Отец, я привёл гостью. Прошу принять её.

Нуреддин вышел и скоро вернулся, ведя за руку какую-то нищенку.

— Мама, знаешь, кто это женщина? — спросил он Рахиму.

— Гюльпери! — воскликнула Бахар, и в глазах её вспыхнул огонь гнева и мести.

— Да, это Гюльпери. — И вот, посмотри теперь, как я отомщу ей. Нуреддин повернулся к своей бывшей мачехе и опекунше:

¹ Городовой — (устар.) полицейский.

— Все те муки, все страдания, которые ты причинила мне, я прощаю тебе, Гюльпери. Поверь, в сердце моём нет ничего, кроме жалости.

Услышав это, Гюльпери с плачем бросилась к ногам Нуреддина.

— За все муки и страдания Аллах наказал меня так, что я осталась без хлеба, без крова, и в этих лохмотьях скитаюсь по улицам.

Нуреддин поднял её и посадил на стул. Она плакала и говорила:

— Правда, я хотела овладеть твоим наследством, но я не желала твоей смерти. Это Амираслан уговорил меня. Это он задумал бросить тебя в колодец.

— Не потому ли ты меня оставила в городе, не взяла с собой в деревню? — гневно воскликнула Бахар.

— Успокойся, Бахар! — остановил её Нуреддин. — Дай ей договорить.

И Гюльпери продолжала.

— Когда нашли твою шапку, мы решили, что ты утонул в реке. Бедный твой дедушка Имамверди не вынес этого, умер с горя.

Юноша глубоко вздохнул.

— Так мы и стали хозяевами твоего имущества...

— И оно пошло вам впрок? — спросила Бахар.

— Нет, Бахар. Через два года ничего не осталось. Амираслан всё проиграл в карты. Потом он продал дома и в городе, и в деревне, и эти деньги тоже промотал. Меня прогнал, а сам ушёл с шайкой разбойников. Грабил народ несколько лет, потом его поймали и повесили.

— Да, верно пословица говорит, — вставила Бахар, — повадился кувшин по воду ходить, там ему голову и сломили.

Гюльпери продолжала свой рассказ:

— Я вышла замуж за одного человека. Он привёз меня в город, бросил, а сам скрылся, неизвестно куда. Пришлось мне просить милостыню. Один только Аллах знает, сколько я пережила!

Она опустила голову и горько заплакала.

— Не плачь, Гюльпери! Ты была женой Гаджи-Насира и мачехой Нуреддина. Ради них я прощаю тебе всё, оставайся у нас, — сказал Рагим и повернулся к Нуреддину. — Сын мой, теперь я спокоен. Сегодня я увидел плоды своего воспитания. Я усыновил тебя, но не считаю это подвигом, потому что, я лишь за добро отплатил добром. Это может сделать каждый человек. А ты поступил лучше, ты на зло ответил добром.

Гаджи-Самед кончил свой рассказ.

— А теперь решайте сами, мои дорогие, чей рассказ лучше, — сказал он, обращаясь к притихшим и взволнованным детям.

— Конечно, твой. Твой рассказ самый интересный, — ответили не задумываясь Мамед и Фатьма.

Сулейман Сани Ахундов — выдающийся азербайджанский драматург, журналист, детский писатель, педагог.

Он избрал себе псевдоним Сани (арабское “второй”), чтобы его не путали с Мирзой Фатали Ахундовым.

Сулейман Ахундов родился в бекской семье в городе Шуша. Он окончил Горийскую педагогическую семинарию¹. С.С. Ахундов был соавтором учебника азербайджанского языка. Был министром образования Нагорно-Карабахской автономной области. Ахундов был первым председателем Азербайджанского союза писателей, ему было присвоено почётное звание Героя Социалистического Труда.

Ахундов писал комедии, рассказы, драмы. Он автор сборника “Страшные сказки”, ставшего одной из самых популярных детских книг.

Вопросы и задания

1. С какой целью Гаджи-Самед рассказал историю о Нуреддине?

2. Перескажите эпизод знакомства Гаджи-Насира с Рагимом.

3. Каким был Нуреддин в начале рассказа? Как он изменился, потеряв мать и отца?

4. Почему мальчик ушёл из дома? С кем он познакомился и чем занимался?

5. В каком эпизоде раскрывается характер Нуреддина?

6. Опишите Гюльпери. Стала ли она счастливой, завладев добром Нуреддина?

7. Составь синквейн по этому произведению.

¹ Горийская педагогическая (учительская) семинария - вторая учительская школа в Закавказье (первая была в Тифлисе). В Горийской семинарии (Грузия) учились Дж. Мамедкулизаде, Н. Нариманов, Узеир Гаджибеков, Муслим Магомаев и др.

ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ РАСПУТИН

(1937)

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Анастасии Прокопьевне Копыловой

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

* * *

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полупортки¹, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрен овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

¹ Полупортка — грузовая машина вместимостью полторы тонны.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый¹ у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая.

¹ *Башковитый* — (прост.) умный, сообразительный.

Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними хочешь не хочешь приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне.

Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло¹! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедem домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно², стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне посылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется, много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тетя Надя ли, криклявая, замотанная женщина, которая одна мыкалась³ с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно

¹ *Постыло* — от постылый - надоевший, вызывающий неприязнь.

² *Заготзерно* — организация, занимающаяся заготовкой зерна.

³ *Мыкалась* - мучилась, подвергалась несчастьям.

всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями¹. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков – от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил – что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тёти Нади стоял горячий чайник; пошвыркнув гольного² кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч³ мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку⁴.

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

– Ты в «чику» играть не боишься?

– В какую «чику»? – не понял я.

– Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

– Нету.

– И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного рослого и крепкого, заметного своей силой и властью парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

¹ *Бредень* — небольшая рыболовная сеть, которую тянут по мелководью.

² *Гольного* — чистого, голого.

³ *Харчи* — продукты, еда.

⁴ *Подсаживать зубы на полку* (класть зубы на полку) - голодать.

- Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Фёдье.
— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.
— Играть будешь? — спросил меня Вадик.
— Денег нету.
— Гляди, не вякни¹ кому, что мы здесь.
— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея, в основном, за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важней всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь

¹ *Вякнуть* — проболтаться.

высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал, и недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь¹ к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то

¹ Приноравиться — приспособиться, привыкнуть.

из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей полянке, пожелтевшая и сморенная, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый¹ парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову², свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверное, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

Он шлёпал своими глазёнками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добываясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности

¹ *Коренастый* — невысокий и широкоплечий.

² *Как снег на голову* — (фраз.) неожиданно.

перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втрое. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался в накладке, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепадало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазины. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это - зарёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и, если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придерживать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступ-

ничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат “в склад!”, чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле¹ — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её — сказал я. — Она была на орле, я видел. Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно: если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. “Хлюзда на правду наведёт², — решил я. — Всё равно я их сейчас все заберу”. Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птах. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

¹ Орёл — сторона монеты, на которой изображён герб России (двуглавый орёл).

² Хлюзда на правду наведёт — за всё придётся отвечать, правда победит.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик. Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиду, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся, — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешь-

ся, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал, — выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит — упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает, или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней

беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни натворил, разбил окно, подрался или курил в уборной: “Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?” Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть наперёд директора, и подгонял: “Отвечай, отвечай. Мы ждём. Посмотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь”. Ученик начинал в своё оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: “Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?” – “Что меня побудило?” – “Вот именно: что побудило? Слушаем тебя”.

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой и тут же, словно обжегшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело – если бы я сам бросал школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться¹ каждый. После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

– Это правда, что ты играешь на деньги? – сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

¹*Чураться* - избегать общения с кем-то.

— Правда.

— Ну и как, выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы...выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаённости и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока принаравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдётся и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её все равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко...

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей

дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который в пору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки¹ марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обутку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карманы и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как

¹ Чирки — самодельная обувь.

взблёскивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило¹ посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль – уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все устались на меня. Птаха был в шапке с подвернутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навывпуск рубаше с короткими рукавами; Вадик форсил² в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

– Чего пришёл? Давно не били?

– Играть пришёл, – как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

– Кто тебе сказал, что с тобой, – Птаха выругался, – будут тут играть?

– Никто.

– Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

– Чего ты, пристал к человеку, Птаха? – щурясь на меня, сказал Вадик. – Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

– У вас нет по десять рублей, – только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

– У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

– Дать ему, Вадик?

– Не надо, пусть играет. – Вадик подмигнул ребятам. – Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое – доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придрататься, рядом с ним Птаха.

¹ Зудило — не давало покоя, толкало.

² Форсить — важничать, выявлять что-то напоказ.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать — тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, случается, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же “о”, например, в слове “веаисоир” (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристомом пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам при-

ходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился, — меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена, больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, что она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая¹ дожидаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприемник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами, иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый² пиджачишко...

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко остриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости,

¹ *Не чая* — не надеясь (чаяние - надежда).

² *Кургузый* — куций, короткий.

которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю?...

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной¹, настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех остальных.

Я вскакивал и бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки, к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня, чтобы не перепутали, для кого посылка.

Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже,

¹ *Манна небесная* — пища, по библейскому сказанию, падавшая с неба.

пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно. Я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными

рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попущусь¹. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не было, ни за какие шиши² их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

¹ *Попуститься* — позволить, допустить что-то.

² *Ни за какие шиши* — ни за какие деньги..

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше некому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков¹ взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаз. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гемотагену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела,

¹ С каких приисков — здесь: с каких доходов.

как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать, что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сваришь себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Столько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский.

Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злился, но злость эта, как ни странно,

помогла мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарики, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

— Чего мне бояться?!

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенки». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она выско-
чила из-за стола, за которым
сидела, отыскала в сумочке
монетки и отодвинула от стены
стул. — Иди сюда, смотри. Я
бью монетой о стену. — Лидия
Михайловна легонько ударила,
и монета, зазвенев, дугой
отлетела на пол. — Теперь, —
Лидия Михайловна сунула мне
вторую монетку в руку, — бьёшь
ты. Но имей в виду: бить надо
так, чтобы твоя монета оказа-
лась как можно ближе к моей.
Чтобы их можно было

замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра
называется “замеряшки”. Достанешь, — значит, выиграл.
Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далеко.
Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою,
хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понима-
ешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли?
Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить
без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя.
— Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и за-
думчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно
забыть, что ты учительница, не то такой сделаешься бякой и
букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя,
может быть, самое важное не принимать себя всерьёз, пони-
мать, что он может научить совсем немногому. — Она встрях-
нулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной дев-
чонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё час-
то хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь

делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы узнал, что мы играем в “замеряшки”.

— Но мы не играем ни в какие “замеряшки”. Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошку. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопреставление¹ — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну, что попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только при-меривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену: ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой, когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих “замеряшках” не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой, как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

¹ *Светопреставление* — в христианском вероучении конец света, гибель мира.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик попервости¹ на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длинее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился. Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя, как обыкновенная девочка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издала попала своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

¹ *Попервости* — поначалу.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отперлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи. Вот это да! Учительница называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать-двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать, я быстро приловчился к “замеряшкам”, разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всем теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском черного хлеба. Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказаться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё закончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» несчитово¹.

— Почему это несчитово?

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор...

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Сокращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

¹ Несчитово — не считается.

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Валентин Григорьевич Распутин родился в селе Аталанка Иркутской области в крестьянской семье. В Аталанке он закончил начальную школу и вынужден был уехать за 50 километров от дома, где находилась средняя школа. Мальчик голодал, но учился на одни пятёрки. (Факты этого периода жизни лягут в основу рассказа “Уроки французского”).

После школы учился на историко-филологическом факультете Иркутского университета. Ещё в студенческие годы стал корреспондентом газеты. Стал писать очерки и рассказы, затем повести и романы. Многие его произведения экранизированы.

Распутин — лауреат двух Государственных премий и множества других. Он Герой Социалистического труда, награждён семью орденами.

Вопросы и задания

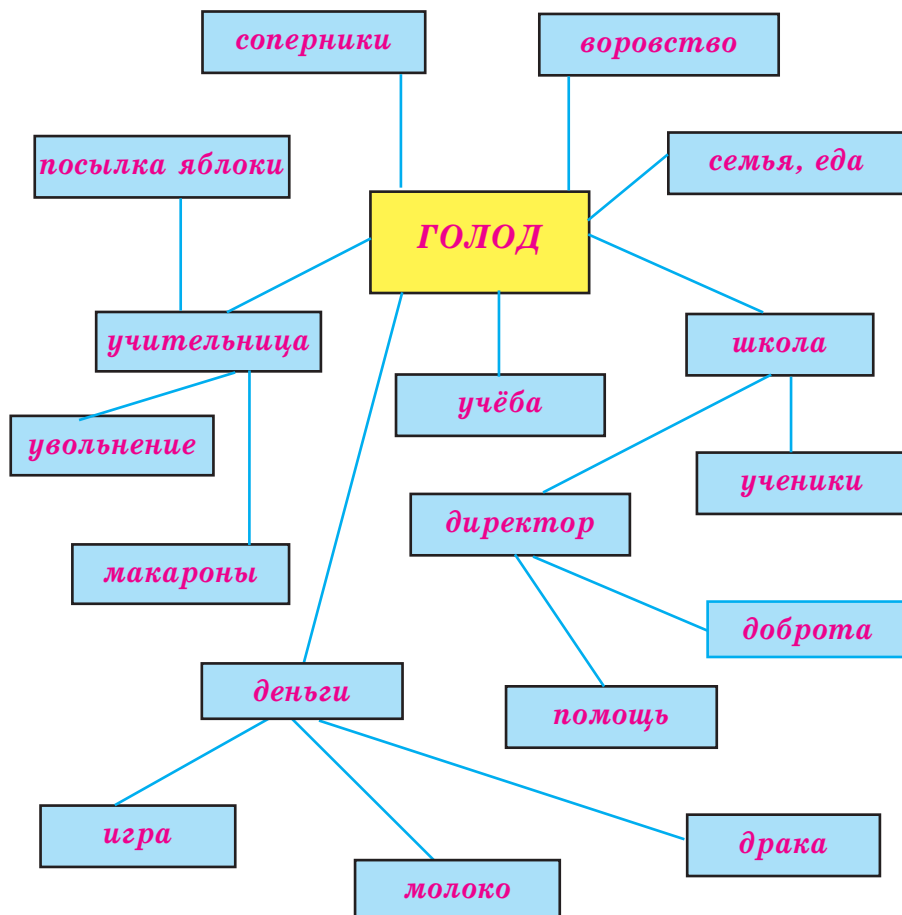
1. Какой ты представляешь учительницу из российской глубинки? Сравни её со своими учителями.
2. Можно ли назвать героя рассказа бедным? Почему?
3. Почему Лидия Михайловна пыталась помочь мальчику?
4. Подумай и скажи, почему повествование ведётся от первого лица?

5. Что бы ты сделал, чтобы все дети получали хорошее образование?

6. Раздели текст на части и озаглавь их.

7. Составь план рассказа?

8. Найди ошибки в кластере.

ВОЙНА И ЕЁ ГЕРОИ

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

ТОЛСТОЙ

(1883 – 1945)

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

(Из *“Рассказов Ивана Сударева”*)

Русский характер! – для небольшого рассказа название слишком многозначительное. Что поделаешь – мне именно и хочется поговорить с вами о русском характере.

Русский характер! Поди-ка опиши его... Рассказывать ли о героических подвигах? Но их столько, что растеряешься, – который предпочесть. Вот меня и выручил один мой приятель небольшой историей из личной жизни. Как он бил немцев, я рассказывать не стану, хотя он и носит золотую звёздочку¹ и половина груди в орденах. Человек он простой, тихий, обыкновенный, – колхозник из приволжского села Саратовской области. Но среди других замечен сильным и соразмерным сложением и красотой. Бывало, заглядишься, когда он вылезает из башни танка, – бог войны! Спрыгивает с брони на землю, стаскивает шлем с влажных кудрей, вытирает ветошью² чумазое лицо и непременно улыбается от душевной приязни³.

На войне, вертясь постоянно около смерти, люди делаются лучше, всякая чепуха с них слезает, как нездоровая кожа после солнечного ожога, и остаётся в человеке – ядро. Разумеется – у одного оно покрепче, у другого послабже, но и те, у кого ядро с изъяном, тянутся, каждому хочется быть хорошим и верным товарищем. Но приятель мой, Егор Дрёмов, и до войны был строгого поведения, чрезвычайно уважал и любил мать, Марью Поликарповну, и отца своего, Егора Егоровича. “Отец мой – человек степенный, первое – он себя уважает. Ты, говорит, сынок, многое увидишь на свете, и за границей побываешь, но русским званием – гордись...”

У него была невеста из того же села на Волге. Про невест и жён у нас говорят много, особенно если на фронте затишье, стужа, в землянке копит огонь, трещит печурка, и люди

¹ *Золотая звёздочка* – золотая звезда Героя Советского Союза.

² *Ветошь* – тряпка.

³ *Приязнь* – доброжелательность, доброе отношение, дружба.

поужинали, тут наплетут такое — уши развесишь. Начнут, например: “Что такое любовь?” Один скажет: “Любовь возникает на базе уважения...” Другой: “Ничего подобного, любовь — это привычка, человек любит не только жену, но отца с матерью и даже животных...” — “Тьфу, бестолковый! — скажет третий, — любовь — это, когда в тебе всё кипит, человек ходит вроде, как пьяный...” И так философствуют и час, и другой, покуда старшина, вмешавшись, повелительным голосом не определит самую суть... Егор Дрёмов, должно быть стесняясь этих разговоров, только вскользь помянул мне о невесте, — очень, мол, хорошая девушка, и уж если сказала, что будет ждать, — дождётся, хотя бы он вернулся на одной ноге...

Про военные подвиги он тоже не любил разглагольствовать: “О таких делах вспоминать неохота!” Нахмурится и закурит. Про боевые дела его танка мы узнавали со слов экипажа, в особенности удивлял слушателей водитель Чувилёв.

“...Понимаешь, только мы развернулись, гляжу, из-за горушки вылезают... Кричу: “Товарищ лейтенант, тигра¹!” — “Вперёд, — кричит, — полный газ!...” Я и давай по ельничку маскироваться — вправо, влево... Тигра стволом-то водит, как слепой, ударил — мимо... А товарищ лейтенант как даст ему в бок, — брызги! Как даст ещё в башню, — он и хобот² задрал... как даст в третий, — у тигра изо всех щелей повалил дым, — пламя как рванётся из него на сто метров вверх... Экипаж и полез через запасной люк... Ванька Лапшин из пулемёта повёл, — они и лежат, ногами дрыгаются... Нам, понимаешь, путь расчищен. Через пять минут влетаем в деревню. Тут я прямо обезживотел³... Фашисты кто куда... А — грязно, понимаешь, — другой выскочит из сапогов и в одних носках — порск⁴. Бегут все к сараю. Товарищ лейтенант даёт мне команду: “А ну — двинь по сараю”. Пушку мы отвернули, на полном газу я на сарай и наехал... Батюшки! По броне балки загрохотали, доски, кирпичи, фашисты, которые сидели под крышей... А я ещё — и проутюжил, — остальные руки вверх — и Гитлер капут⁵...”

Так воевал лейтенант Егор Дрёмов, покуда не случилось с ним несчастье. Во время Курского побоища, когда немцы уже истекали кровью и дрогнули, его танк — на бугре, на пшенич-

¹ “Тиграми” в годы войны называли мощные фашистские танки.

² Хобот — ствол пушки у танка.

³ Обезживотеть — надорваться. Здесь: от смеха.

⁴ Порскнуть — стремительно бежать, убежать.

⁵ Гитлер капут — конец Гитлеру. Так говорили струсившие фашисты, потом стали говорить и русские.

ном поле — был подбит снарядом, двое из экипажа тут же убиты, от второго снаряда танк загорелся. Водитель Чувилёв, выскочивший через передний люк, опять взобрался на броню и успел вытащить лейтенанта, — он был без сознания, комбинезон на нём горел. Едва Чувилёв оттащил лейтенанта, танк взорвался с такой силой, что башню отшвырнуло метров на пятьдесят. Чувилёв кидал пригоршнями рыхлую землю на лицо лейтенанта, на голову, на одежду, чтобы сбить огонь. Потом пополз с ним от воронки к воронке на перевязочный пункт... “Я почему его тогда поволок? — рассказывал Чувилёв, — слышу, у него сердце стучит...”

Егор Дрёмов выжил и даже не потерял зрение, хотя лицо его было так обуглено, что местами виднелись кости. Восемь месяцев он пролежал в госпитале, ему делали одну за другой пластические операции¹, восстановили и нос, и губы, и веки, и уши. Через восемь месяцев, когда были сняты повязки, он взглянул на своё и теперь не своё лицо. Медсестра, подавшая ему маленькое зеркальце, отвернулась и заплакала. Он тотчас ей вернул зеркальце.

— Бывает хуже, — сказал он, — с этим жить можно.

Но больше он не просил зеркальце у медсестры, только часто ощупывал своё лицо, будто привыкал к нему. Комиссия нашла его годным к нестроевой службе. Тогда он пошёл к генералу и сказал: “Прошу вашего разрешения вернуться в полк”. — “Но вы же инвалид”, — сказал генерал. “Никак нет, я урод, но это делу не помешает, боеспособность восстановлю полностью”. (То, что генерал во время разговора старался не глядеть на него, Егор Дрёмов отметил и только усмехнулся лиловыми, прямыми, как щель, губами.) Он получил двадцатидневный отпуск для полного восстановления здоровья, поехал домой к отцу с матерью. Это было как раз в марте этого года.

На станции он думал взять подводу, но пришлось идти пешком восемнадцать верст. Кругом ещё лежали снега, было сыро, пустынно, студёный ветер отдувал полы его шинели, одинокой тоской насвистывал в ушах. В село он пришёл, когда уже были сумерки. Вот и колодезь², высокий журавель³ покачивался и скрипел. Отсюда шестая изба — родительская. Он вдруг остановился, засунув руки в карманы. Покачал головой. Свернул наискосок к дому. Увязнув по колено в снегу, нагнувшись к окошечку, увидел мать, — при

¹ *Пластическая операция* — пересадка кожи.

² *Колодезь* — колодец.

³ *Журавель* — длинный шест у колодца, употребляется как рычаг при подъёме воды.

тусклом свете привёрнутой¹ лампы, над столом, она собирала ужинать. Всё в том же тёмном платке, тихая, неторопливая, добрая. Постарела, торчали худые плечи... “Ох, знать бы, — каждый бы день ей надо было писать о себе хоть два словечка...” Собрала на стол нехитрое — чашку с молоком, кусок хлеба, две ложки, солонку и задумалась, стоя перед столом, сложив худые руки под грудью... Егор Дрёмов, глядя в окошечко на мать, понял, что невозможно её испугать, нельзя, чтобы у неё отчаянно задрожало старенькое лицо.

Ну, ладно! Он отворил калитку, вошёл во дворик и на крыльце постучался. Мать откликнулась за дверью: “Кто там?” Он ответил: “Лейтенант, Герой Советского Союза Громов”.

У него так заколотилось сердце — привалился плечом к притолоке². Нет, мать не узнала его голоса. Он и сам, будто в первый раз, услышал свой голос, изменившийся после всех операций, — хриплый, глухой, неясный.

— Батюшка, а чего тебе надо-то? — спросила она.

— Марье Поликарповне привёз поклон от сына, старшего лейтенанта Дрёмова.

Тогда она отворила дверь и кинулась к нему, схватила за руки:

— Жив, Егор-то мой! Здоров? Батюшка, да ты зайди в избу.

Егор Дрёмов сел на лавку у стола на то самое место, где сидел, когда ещё у него ноги не доставали до полу и мать, бывало, погладив его по кудрявой головке, говаривала: “Кушай, касатик”. Он стал рассказывать про её сына, про самого себя, — подробно, как он ест, пьёт, не терпит нужды ни в чём, всегда здоров, весел, и — кратко о сражениях, где он участвовал со своим танком.

— Ты скажи — страшно на войне-то? — перебивала она, глядя ему в лицо тёмными, его не видящими глазами.

— Да, конечно, страшно, мамаша, однако — привычка.

Пришёл отец, Егор Егорович, тоже сдавший за эти годы, — бородёнку у него как мукой осыпало. Поглядывая на гостя, потопал на пороге разбитыми валенками, не спеша размотал шарф, снял полушубок, подошёл к столу, поздоровался за руку, — ах, знакомая была, широкая, справедливая родительская рука! Ничего не спрашивая, потому что и без того было понятно — зачем здесь гость в орденах, сел и тоже начал слушать, полуприкрыв глаза.

¹ *Привёрнутая* — здесь: керосиновая лампа с уменьшенным фитилём для экономии керосина.

² *Притолока* — верхний брус в дверном проёме.

Чем дольше лейтенант Дрёмов сидел неузнаваемый и рассказывал о себе и не о себе, тем невозможнее было ему открыться, — встать, сказать: да признайте же вы меня, урода, мать, отец!.. Ему было и хорошо за родительским столом и обидно.

— Ну что ж, давайте ужинать, мать, собери чего-нибудь для гостя. — Егор Егорович открыл дверцу старенького шкапчика, где в уголку налево лежали рыболовные крючки в спичечной коробке, — они там и лежали, — и стоял чайник с отбитым носиком, — он там и стоял, где пахло хлебными крошками и луковой шелухой. Егор Егорович достал склянку с вином, — всего на два стаканчика, вздохнул, что больше не достать. Сели ужинать, как в прежние годы. И только за ужином старший лейтенант Дрёмов заметил, что мать особенно пристально следит за его рукой с ложкой. Он усмехнулся, мать подняла глаза, лицо её болезненно задрожало.

Поговорили о том и о сём, какова будет весна, и справятся ли народ с севом, и о том, что этим летом надо ждать конца войны.

— Почему вы думаете, Егор Егорович, что этим летом надо ждать конца войны?

— Народ осерчал¹, — ответил Егор Егорович, — через смерть перешли, теперь его не остановишь, немцу — капут².

Марья Поликарповна спросила:

— Вы не рассказали, когда ему дадут отпуск, — к нам съездить на побывку. Три года его не видала, чай, взрослый стал, с усами ходит... Эдак³ — каждый день — около смерти, чай, и голос у него стал грубый?

— Да вот приедет — может, и не узнаете, — сказал лейтенант.

Спать ему отвели на печке, где он помнил каждый кирпич, каждую щель в бревенчатой стене, каждый сучок в потолке. Пахло овчиной, хлебом — тем родным уютом, что не забывается и в смертный час. Мартовский ветер посвистывал над крышей. За перегородкой похрапывал отец. Мать ворочалась, вздыхала, не спала. Лейтенант лежал ничком, лицо в ладони: "Неужто⁴ так и не признала, — думал, — неужто не признала? Мама, мама..."

Наутро он проснулся от потрескивания дров, мать осторожно возилась у печи; на протянутой верёвке висели его выстиранные портянки, у двери стояли вымытые сапоги.

¹ *Осерчал* — рассердился.

² *Капут* — (немец.) конец.

³ *Эдак* — так.

⁴ *Неужто* — неужели.

— Ты блинчики пшённые ешь? — спросила она.

Он не сразу ответил, слез с печи, надел гимнастерку, затянул пояс и — босой — сел на лавку.

— Скажите, у вас в селе проживает Катя Малышева, Андрея Степановича Малышева дочь?

— Она в прошлом году курсы окончила, у нас учительницей. А тебе её повидать надо?

— Сынок ваш просил непременно ей передать поклон.

Мать послала за ней соседскую девочку. Лейтенант не успел и обуться, как прибежала Катя Малышева. Широкие серые глаза её блестели, брови изумлённо взлетали, на щеках — радостный румянец. Когда откинула с головы на широкие плечи вязаный платок, лейтенант даже застонал про себя: поцеловать бы эти тёплые светлые волосы!.. Только такой представлялась ему подруга, — свежа, нежна, весела, добра, красива так, что вот вошла, и вся изба стала золотая...

— Вы привезли поклон от Егора? (Он стоял спиной к свету и только нагнул голову, потому что говорить не мог.) А уж я его жду и день и ночь, так ему и скажите...

Она подошла близко к нему. Взглянула, и будто её слегка ударили в грудь, откинулась, испугалась. Тогда он твёрдо решил уйти, — сегодня же.

Мать напекла пшённых блинов с топлёным молоком. Он опять рассказывал о лейтенанте Дрёмове, на этот раз о его воинских подвигах, — рассказывал жестоко и не поднимал глаз на Катю, чтобы не видеть на её милом лице отражения своего уродства. Егор Егорович захлопотал было, чтобы достать колхозную лошадь, — но он ушёл на станцию пешком, как пришёл. Он был очень угнетён всем происшедшим, даже, останавливаясь, ударял ладонями себе в лицо, повторял сиплым голосом: "Как же быть-то теперь?"

Он вернулся в свой полк, стоявший в глубоком тылу на пополнении. Боевые товарищи встретили его с такой искренней радостью, что у него отвалилось от души то, что не давало ни спать, ни есть, ни дышать. Решил так, — пускай мать подольше не знает о его несчастье. Что же касается Кати, — эту занозу он из сердца вырвет.

Недели через две пришло от матери письмо:

"Здравствуй, сынок мой ненаглядный. Боюсь тебе и писать, не знаю, что и думать. Был у нас один человек от тебя, — человек очень хороший, только лицом дурной¹. Хотел пожить,

¹ Дурной — уродливый.

да сразу собрался и уехал. С тех пор, сынок, не сплю ночи, — кажется мне, что приезжал ты. Егор Егорович бранит меня за это, — совсем, говорит, ты, старуха, свихнулась с ума: был бы он наш сын — разве бы он не открылся... Чего ему скрываться, если это был бы он, — таким лицом, как у этого, кто к нам приезжал, гордиться нужно. Уговорит меня Егор Егорович, а материнское сердце — всё своё: он это, он был у нас!.. Человек этот спал на печи, я шинель его вынесла на двор — почистить, да припаду к ней, да заплачу, — он это, его это!.. Егорушка, напиши мне, Христа ради, надоумь¹ ты меня, — что было? Или уж вправду — с ума я свихнулась..."

Егор Дрёмов показал это письмо мне, Ивану Судареву, и, рассказывая свою историю, вытер глаза рукавом. Я ему: "Вот, говорю, характеры столкнулись! Дурень ты, дурень, пиши скорее матери, проси у неё прощенья, не своди её с ума... Очень ей нужен твой образ! Таким-то она тебя ещё больше станет любить".

Он в тот же день написал письмо: "Дорогие мои родители, Марья Поликарповна и Егор Егорович, простите меня за невежество, действительно у вас был я, сын ваш..." И так далее, и так далее — на четырёх страницах мелким почерком, — он бы и на двадцати страницах написал — было бы можно.

Спустя некоторое время стоим мы с ним на полигоне², — прибегает солдат к Егору Дрёмову: "Товарищ капитан, вас спрашивают..." Выражение у солдата такое, хотя он стоит по всей форме, будто человек собирается выпить. Мы пошли в посёлок, подходим к избе, где мы с Дрёмовым жили. Вижу — он не в себе, — всё покашливает... Думаю: "Танкист, танкист, а — нервы". Входим в избу, он — впереди меня, и я слышу:

"Мама, здравствуй, это я!.." И вижу — маленькая старушка припала к нему на грудь. Оглядываюсь, тут, оказывается, и другая женщина. Даю честное слово, есть где-нибудь ещё красавицы, не одна же она такая, но лично я — не видал.

Он оторвал от себя мать, подходит к этой девушке, — а я уже поминал³, что всем богатырским сложением это был бог войны. "Катя! — говорит он, — Катя, зачем вы приехали? Вы того обещали ждать, а не этого..."

Красивая Катя ему отвечает, — а я хотя ушёл в сени, но слышу: "Егор, я с вами собралась жить навек. Я вас буду любить верно, очень буду любить... Не отсылайте меня..."

¹ *Надоумь* — научи, подскажи.

² *Полигон* — участок суши или моря, предназначенный для боевой подготовки.

³ *Поминал* — говорил, упоминал.

Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придёт суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нём великая сила – человеческая красота.

Алексей Николаевич Толстой родился в Саратовской губернии. Детство его прошло в имении его отца Сосновка. Детство было счастливым и сделало его жизнелюбивым. Получил домашнее образование. Его мать была писательницей, она автор романа, повестей и рассказов, а также книги для детей. Она же привила любовь к чтению своему сыну, поощряла его творчество. Алексей стал писать стихи, а затем и прозу.

Алексей Толстой писал рассказы, повести, исторические романы. Он автор научно-фантастических романов: “Аэлита”, “Гиперболоид инженера Гарина”. Он много писал для детей, в том числе книгу “Сорочьи сказки”.

Ты, наверняка, знаешь сказку “Золотой ключик, или Приключения Буратино”, автором которой является Алексей Толстой.

В годы Великой Отечественной войны он написал много произведений, среди которых особое место занимает рассказ “Русский характер”

Вопросы и задания

1. Найди в толковом словаре значение слова “характер”. Соотнеси его значение с текстовым.

2. Почему произведение имеет подзаголовок из “Рассказов Ивана Сударева”? Обоснуй свой ответ.

3. Какие чувства вызвал в тебе Егор Дрёмов? Что делает с людьми война?

4. Название рассказа и его основная идея раскрываются только образом Дрёмова или через образы и других персонажей? Докажи свою точку зрения.

5. Прочитай рассказ внимательно, поделись прочитанным с родителями. Узнай их мнение о героях рассказа.

6. Выпиши в свою тетрадь наиболее понравившийся отрывок. Составь к нему вопросы.

7. Объясни значение слов “обезживотел” и “выскочит из сапогов”. Подбери к ним литературные синонимы.

8. Во время какого великого сражения Великой Отечественной войны был ранен Егор Дрёмов? Почему это сражение великое и почему автор назвал его “побоище”?

9. Найди верные утверждения, изучив кластер.

10. Прочитай синквейн и соотнеси его с прочитанным рассказом.

А теперь сам составь синквейн по рассказу А.Н.Толстого “Русский характер”.

Великая Отечественная война 1941 – 1945 годы

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года, когда фашистская Германия и её союзники вероломно, без предупреждения, напала на Советский Союз¹. На защиту своего государства встали все 15 республик. Мужчины шли на фронт (чаще добровольцами), а женщины, дети и старики заменили мужчин на заводах и фабриках. Огромную роль в этой войне сыграл Азербайджан. Почти вся нефть, так необходимая для самолётов и танков, добывалась у нас. Многие жители нашей республики ушли на фронт. Например, в Крыму билась насмерть с врагом азербайджанская дивизия.

Вы, наверное, слышали о блокаде Ленинграда, о битве за Сталинград, об освобождении Киева и Белоруссии, о битве за Москву... Страдали оставшиеся в тылу женщины и дети, но труднее всех было воинам, партизанским отрядам, то есть тем, кто постоянно смотрел смерти в глаза, кто ежедневно совершал подвиги во имя спасения своей родины. Союзу 15 республик удалось переломить ход войны, изгнать захватчиков с территории СССР и освободить от фашизма Европу и саму Германию.

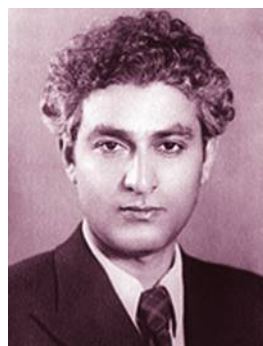
Война затронула практически каждую семью, стала мерилом честности и мужества, поэтому она обязательно должна была найти отражение в искусстве, особенно в литературе. О войне писали русские, украинские, белорусские и другие писатели и поэты. Не остались в стороне от этой великой темы и азербайджанские писатели: А.Абульгасан, Исмаил Шихлы, Гусейн Аббасзаде, Энвер Мамедханлы и многие другие. Большинство писателей сами участвовали в Великой Отечественной войне. Благодаря их произведениям мы узнаём правду об этой войне, воспитываем в себе чувство любви к родине, мужество и героизм.

В каждой семье и сейчас помнят дедов и прадедов, которые были участниками самого страшного испытания XX века.

¹ Советский Союз — это Союз Советских Социалистических Республик (СССР), просуществовавший с 1922 по 1991 год. В него входили 15 республик, в том числе и Азербайджан.

ЭНВЕР МАМЕДХАНЛЫ

(1913 – 1990)

ЛЕДЯНАЯ СТАТУЯ

(Рассказ)

Зима сорок первого года. Морозная ночь. Казалось, всё кругом – и живое и мёртвое – замёрзло, покрывшись льдом. Воздух змеей жалил, и кровь замерзала в артериях.

В одну из таких ночей по бескрайней снежной равнине Украины двигалась одинокая тень.

Это молодая мать. Прижимая к груди ребёнка, она бежит куда-то. Она бежит из деревни, захваченной фашистами, на Восток, чтобы спасти свою честь и родное дитя.

Впереди река. По ней проходит линия фронта. Оттуда доносится гул советских орудий.

Молодая мать спешит, она должна, во что бы то ни стало должна присоединиться к своим. Она должна переправить ребёнка на великую и свободную землю по ту сторону реки. Пускай она погибнет в эту морозную ночь, святая цель перед нею: спасти память первой своей любви!

Мать идёт, идёт, не останавливаясь, долго и неустанно; но снежные поля бескрайни, бесконечны. Она выбивается из сил, мороз, словно меч, режет тело. И вдруг матери кажется, что ребёнок в её объятиях замерзает. Она оглядывается, её глаза ищут уголок, убежище, где можно теплее укутать ребёнка. Вот оно, – впереди две чёрные тени. Это два дерева, растущие тесно, рядом. На один лишь миг, чтобы перевести дыхание, она прислоняется к ним.

Силы покидают её. Огненным языком ледяного пламени мороз лижет её лицо.

Ребёнок замёрзнет! Он не выдержит этого мороза!

Но мать отгоняет эту мысль.

Нет, нет! Не отдаст она своего младенца, вырванного из когтей врага, в холодные объятия мороза. Пускай весь мир превратится в лёд, пускай вся жизнь в ней замёрзнет, она вырвет из груди материнское сердце и его жаром согреет родное дитя...

Она снимает с себя шерстяной жакет и укутывает ребёнка...

Проходят минуты, ей кажется, проходят целые месяцы, долгие годы, вечность. Мороз прожигает её раскалённым железом...

И опять матери кажется, что дрожит, замерзает не она сама, а её дорогое дитя.

Она снимает с головы шерстяную шаль и накидывает на ребёнка. Теперь полуголое тело матери беззащитно перед морозом. Она чувствует близость гибели, она знает, что замёрзнет. Нет больше в ней сил двинуться с места.

Она снимает кофточку и ещё теплее укутывает ребёнка. Всё равно ей погибать. Ребёнок должен остаться жив! Мать должна спасти своё дитя! Напрягая последние силы, со всей любовью матери она прижимает ребёнка к обнажённой груди и шепчет:

— Больше нечем, дитя моё, согреть тебя, разве только моим сердцем. До последнего биения тепло его принадлежит тебе.

Мать умолкает, но в ушах её звенят медные струны... Они напрягаются, рвутся. Мать уже не видит, не слышит... Она всё теснее и теснее прижимается к дереву. Суровая зимняя ночь надевает на неё новый наряд, ледяные пальцы мороза ткнут на ней нежные узоры из хрусталя...

...Наступает прозрачное морозное утро: словно острый сверкающий меч обнажён в воздухе.

Перед деревьями стоят люди в белых халатах¹. Это бойцы. Разведчики. Они стоят молча и неподвижно, обнажив головы.

Они стоят перед картиной, которую не забудут всю жизнь. Это ледяная статуя замёрзшей женщины.

Долго они стоят на месте, не шевелясь, как перед священным алтарём².

Наконец один из них подходит к деревьям, к ледяной статуе женщины. Движимый каким-то предчувствием, он вглядывается в свёрток, который оледеневшая женщина

¹ *Люди в белых халатах* — здесь: во время войны разведчики маскировались таким образом, чтобы на снегу они не были заметны.

² *Алтарь* — жертвенник, возвышение разного вида, на котором народы, каждый по вере своей, приносили Богу жертву.

прижимает к груди. Дрожащими от волнения пальцами раздвигает ткань и... видит устремлённые на него из глубины детские глаза. Молодой боец вздрагивает и невольно отступает.

— Он жив, он не замёрз, — взволнованно, глухим голосом говорит он.

Ребёнок улыбается, жмуря под утренним солнцем глаза.

И бойцы, прошедшие сквозь огонь и воду, не могут удержать слёз. Подняв головы, они смотрят на величественный памятник матери. И уста их шепчут, как молитву, слова клятвы о беспощадной мести.

Они возвращаются, неся на руках ребёнка. А ледяная статуя, воплощающая величие и могущество материнской любви и материнского самопожертвования, стала в их сердцах бронзовым памятником, призывающим к суровому возмездию¹.

Азербайджанский писатель, Заслуженный деятель искусств, Народный писатель Азербайджана Энвер Мамедханлы родился в Геокчае, здесь же закончил школу. Учился в техникуме, работал на заводе, поступил в Азербайджанский нефтяной институт.

Он поступил в Москве во Всесоюзный государственный институт кинематографии. Мамедханлы участвовал в Великой Отечественной войне 1941–45 годов в качестве корреспондента фронтовой газеты в Тебризе.

Он автор рассказов, пьес, киносценариев.

Мамедханлы перевёл на азербайджанский язык произведения Л.Н. Толстого, М. Горького, европейских классиков.

Вопросы и задания

- 1. Где и когда происходит действие рассказа?*
- 2. Куда спешила мать ребёнка?*
- 3. Что делала мать, чтоб её ребёнок не замёрз?*
- 4. Кто обнаружил женщину, превратившуюся в ледяную статую?*
- 5. Остался ли жив её ребёнок?*
- 6. Какую клятву дали бойцы?*
- 7. Каждая ли мать жертвует собой ради спасения своего ребёнка?*

¹ **Возмездие** — кара за причинённое, совершенное зло.

8. Дайте оценку поступку матери, определив главную черту её характера.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ С ИНОПЛАНЕТЯНАМИ

Что-то неопознанные объекты разлетались... Всё больше находится людей, которые видели инопланетян, а некоторым повезло ещё больше: они катались на НЛО. Поэтому мы решили дать подрастающему поколению несколько советов на случай внезапной встречи с инопланетянами.

1. Как известно, инопланетяне на нас не похожи. Но из этого вовсе не следует, что нужно показывать на пришельца пальцем и кричать: “Поглядите, какой урод!” – даже если у того три пары глаз, и нос похож на мясорубку.

2. При общении с пришельцами не грызи семечки, потому что во всех звёздных системах это считается страшно некультурным занятием.

3. Не ковыряй в носу при общении с инопланетянами. Возможно, у них это не принято.

4. Если они предложат тебе покататься на своей тарелке, не соглашайся. Мало ли в какую галактику завезут... И вообще – никогда ни на чём не катайся с незнакомыми гуманоидами¹.

5. Не предлагай им обменять свою рогатку на бластер² или космический скафандр.

6. Не пытайся открутить что-либо с их тарелки. Был случай: космический корабль с Альдебарана приземлился на опушке леса, и пришельцы повстречали отряд юных следопытов. Пока инопланетяне пытались найти общий язык с учительницей, дети проникли внутрь корабля и растащили на сувениры всё навигационное оборудование. На обратном пути этим альдебаранцам пришлось ориентироваться по звёздам.

7. Не надо царапать на чужих космических кораблях разные глупости типа: “Здесь был Вова” или “Спартак – чемпион!”

8. Если пришельцы маленького размера, не надо пытаться унести кого-либо из них домой.

9. Словом, будь человеком!

¹ Гуманоид – человекоподобное существо.

² Бластер – название вымышленного энергетического оружия. Разновидность пистолета или ружья.

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

ТОЛСТОЙ

(1828 – 1910)

СОЛДАТКИНО¹ ЖИТЬЁ

(Рассказ мужика)

В избе были два маленькие окна, и одно всегда было заткнуто ветошкой². Двор наш был тесный и раскрытый. В середине стояло старое корыто. На дворе была только одна старая кособокая лошадёнка; коровы у нас не было, были две плохонькие овчонки и один ягнёнок. Я всегда спал с этим ягнёнком. Ели мы хлеб с водою. Работать у нас было некому; мать моя всегда жаловалась от живота, а бабушка — от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж.

Помню я, мать стала больнее, и потом родился у ней мальчик. Мамушку положили в сени. Бабушка заняла у соседа крупниц и послала дядю Нефёда за попом. А сестра пошла собирать народ на крестины.

Собрался народ, принесли три ковриги³ хлеба. Родня стала расставлять столы и покрывать скатертями. Потом принесли скамейки и ушат⁴ с водой. И все сели по местам. Когда приехал священник, кум с кумой стали впереди, а позади стала тётка Акулина с мальчиком. Стали молиться. Потом вынули мальчика, и священник взял его и опустил в воду. Я испугался и закричал: "Дай мальчика сюда!" Но бабушка рассердилась на меня и сказала: "Молчи, а то побью". Священник окунул его три раза и отдал тётке Акулине. Тётка завернула его в миткаль⁵ и отнесла к матери в сени.

Потом все сели за столы, бабушка наложила каши две чашки, налила постное масло и подала народу. Когда все наелись, вылезли из-за столов, поблагодарили бабушку и ушли.

¹ *Солдатка* — жена солдата, находившегося на службе. Солдатка не имела защитника, помощника, все хозяйственные и другие проблемы ложились на её плечи.

² *Ветошь* — старая одежда, тряпка.

³ *Коврига* — буханка.

⁴ *Ушат* — кадка (деревянный сосуд) с двумя ушами, т.е. ручками.

⁵ *Миткаль* — самая простая и дешёвая хлопчатобумажная ткань, ненабивной ситец.

Я пошёл к матери и говорю:

"Ма, как его зовут?"

Мать говорит: "Так же, как тебя". Мальчик был худой; ножки, ручки у него были тоненькие, и он все кричал. Когда ни проснёшься ночью, он всё кричит, а мамушка всё баюкает, припевает. Сама кряхтит, а всё поёт.

Один раз ночью я проснулся и слышу — мать плачет. Бабушка встала и говорит: "Что ты, Христос с тобой!" Мать говорит: "Мальчик помер". Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надела чистую рубашечку, подпоясала и положила под святые¹. Когда рассвело, бабушка вышла из избы и привела дядю Нефёда. Дядя принёс две старенькие тёсинки² и стал делать гробик. Сделал маленькое домовище³ и положил мальчика туда. Потом мать села к гробику и тонким голосом стала причитать и завывала. Потом дядя Нефёд взял гробик под мышку и понёс хоронить.

Только у нас и было радости, как мы няньку отдавали замуж. Приехали к нам раз мужики и принесли с собой ковригу хлеба и вина. И стали подносить своё вино матери. Мать выпила. Дядя Иван отрезал ломоть хлеба и подал ей. Я стоял подле стола, и мне захотелось хлебушка. Я нагнул мать и сказал ей на ухо. Мать засмеялась, а дядя Иван говорит: "Что он, хлебца?" — и отрезал мне большой ломоть. Я взял хлеб и ушёл в чулан. А нянька сидела в чулане. Она стала меня спрашивать: "Что там мужики говорят?" Я сказал: "Вино пьют". Она засмеялась и говорит: "Это они меня сватают за Кондрашку".

Потом собрались играть свадьбу. Все встали рано. Бабушка топила печку, мать месила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась в новые коты⁴, надела сарафан красный и платок хороший и ничего не делала. Потом, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло к нам много народу, — полная изба.

Потом подъехали к нашему двору три пары с колоколами. И на задней паре сидел жених Кондрашка в новом кафтане и в высокой шапке. Жених слез с телеги и пошёл в избу. Надели на няньку новую шубу и вывели её к жениху. Посадили жениха с невестой за стол, и бабы стали их величать⁵.

¹ *Под святые* — под иконы.

² *Тёсинки* — (от тесина) одна доска тёса, т.е. тонкие доски, не распиленные, а разрубленные топором.

³ *Домовище* — гроб.

⁴ *Коты* — это тёплая обувь.

⁵ *Величать* — хвалить, чествовать песней молодожёнов на свадьбе.

Потом вылезли из-за стола, помолились богу и вышли на двор. Кондрашка посадил няньку в телегу, а сам сел в другую. Все посажались в телеги, перекрестились и поехали. Я вернулся в избу и сел к окну ждать, когда свадьба вернётся. Мать дала мне кусочек хлеба; я поел, да тут и заснул. Потом меня разбудила мать, говорит: "Едут!" — дала мне скалку и велела сесть за стол. Кондрашка с нянькой вошли в избу и за ними много народа, больше прежнего. И на улице был народ, и все смотрели к нам в окна. Дядя Герасим был дружкой; он подошёл ко мне и говорит: "Вылезай". Я испугался и хотел лезть, а бабушка говорит: "Ты покажи скалку и скажи: а это что?" Я так и сделал. Дядя Герасим положил денег в стакан и налил вина и подал мне. Я взял стакан и подал бабушке. Тогда мы вылезли, а они сели.

Потом стали подносить вино, студень¹, говядину; стали петь песни и плясать. Дяде Герасиму поднесли вина, он выпил немного и говорит: "Что-то вино горько". Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его целовать. Долго играли песни и плясали, а потом все ушли, и Кондрашка повёл няньку к себе домой.

После этого мы стали ещё беднее жить. Продали лошадь и последних овец, и хлеба у нас часто не было. Мать ходила занимать у родных. Вскоре и бабушка померла. Помню я, как матушка по ней выла и причитала: "Уже родимая моя матушка! На кого ты меня оставила, горькую, горемычную? На кого покинула своё дитяtko несчастное? Где я ума-разума возьму? Как мне век прожить?" И так она долго плакала и причитала.

Один раз пошёл я с ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу — идёт солдат с сумочкой за плечами. Он подошёл к ребятам и говорит: "Вы из какой деревни, ребята?" Мы говорим: "Из Никольского". — "А что, живёт у вас солдатка Матрёна?" А я говорю: "Жива, она мне матушка". Солдат поглядел на меня и говорит: "А отца своего видал?" Я говорю: "Он в солдатах, не видал". Солдат и говорит: "Ну, пойдём, проводи меня к Матрёне, я ей письмо от отца привёз". Я говорю: "Какое письмо?" А он говорит: "Вот пойдём, увидишь". — "Ну, что ж, пойдём".

Солдат пошёл со мной, да так скоро, что я бегом за ним не поспевал. Вот пришли мы в свой дом. Солдат помолился богу и говорит: "Здравствуйте!" Потом разделся, сел на конник² и стал оглядывать избу и говорит: "Что ж, у вас семьи только-то?" Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата. Он и говорит: "Где ж матушка?" — а сам

¹ *Студень* — холодец, русское блюдо.

² *Конник* — лавка, ларь, на котором спали.

заплакал. Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже взлез к нему на колени и стал его обшаривать руками. А он перестал плакать и стал смеяться.

Потом пришёл народ, и отец со всеми здоровался и рассказывал, что он теперь совсем по билету вышел¹.

Как пригнали скотину, пришла и нянька и поцеловалась с отцом. А отец и говорит: "Это чья же молодая бабочка?" А мать засмеялась и говорит: "Свою дочь не узнал". Отец позвал её ещё к себе и поцеловал и спрашивал, как она живет. Потом мать ушла варить яичницу, а няньку послала за вином. Нянька принесла штофчик², заткнутый бумажкой, и поставила на стол. Отец и говорит: "Это что?" А мать говорит: "Тебе вина". А он говорит: "Нет уж, пятый год не пью; а вот яичницу подавай!" Он помолился богу, сел за стол и стал есть. Потом он говорит: "Кабы я не бросил пить, я бы и унтер-офицером³ не был, и домой бы ничего не принёс, а теперь слава богу". Он достал в сумке кошель с деньгами и отдал матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить⁴.

Потом, когда все разошлись, отец лёг спать на задней лавке и меня положил с собой, а мать легла у нас в ногах. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потом я уснул.

Поутру мать говорит: "Ох, дров-то нет у меня!" А отец говорит: "Топор есть?" — "Есть, да щербатый⁵, плохой". Отец обулся, взял топор и вышел на двор. Я побежал за ним.

Отец сдернул с крыши жердь, положил на колоду, взмахнул топором, живо перерубил и принёс в избу и говорит: "Ну, вот тебе и дрова, топи печь; а я нынче пойду — приищу купить избу да лесу на двор. Корову также купить надо".

Мать говорит: "Ох, денег много на всё надо".

А отец говорит: "А работать будем. Вон мужик-то растёт!" Отец показал на меня.

Вот отец помолился богу, поел хлебца, оделся и говорит матери: "А есть яички свежие, так испеки в золе к обеду". И пошёл со двора.

Отец долго не ворочался. Я стал проситься у матери за отцом. Она не пускала. Я хотел уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сел на печку и стал плакать. Тут отец вошёл в избу и говорит: "О чём плачешь?" Я говорю: "Я хотел за тобой бечь⁶, а мать меня не пустила, да ещё побила", — и ещё пуще

¹ *Вышел по билету* — по документу, удостоверяющему, что он демобилизован из армии

² *Штоф* — бутылка для вина, обычно прямоугольной формы.

³ *Унтер-офицер* — младший офицер.

⁴ *Хоронить* — прятать.

⁵ *Щербатый* — с зазубринами, неровный, шероховатый.

⁶ *Бечь* — бежать

заплакал. Отец засмеялся, подошёл к матери и стал её бить нарочно, а сам приговаривал: "Не бей Федьку, не бей Федьку!" Мать нарочно будто заплакала, отец засмеялся и говорит: "Вот вы с Федькой какие на слёзы слабые, сейчас и плакать". Потом отец сел за стол, посадил меня с собой рядом и закричал: "Ну, теперь давай нам, мать, с Федюшкой обедать: мы есть хотим".

Мать дала нам каши и яиц, и мы стали есть. А мать говорит: "Ну, что же, — иструб¹?" А отец говорит: "Купил: восемьдесят целковых², липовый, белый, как стекло. Вот дай срок, мужикам купим винца, они мне и свезут воскресным делом".

С тех пор мы стали хорошо жить.

Великий русский писатель Л.Н. Толстой родился в усадьбе Ясная Поляна Тульской губернии. Его мать принадлежала к княжескому роду Волконских. Она умерла, когда маленькому Лёве было всего два года. Отец также принадлежал к древнему графскому роду Толстых. Он был участником Отечественной войны 1812 года. Толстой остался без отца в 7 лет. Воспитанием будущего писателя занималась дальняя родственница Т.А. Ергольская. В семилетнем возрасте Толстой писал рассказы, ставил домашние спектакли. Много читал, потому что в имении была огромная библиотека.

Одним из важнейших воспоминаний детства была история о "муравейных" братьях и зелёной палочке.

У Толстого было три брата и сестра. Дети играли в придуманную старшим братом Николаем игру. Дети прятались под столом: так они приближали счастливое время "муравьиного братства", когда все будут любить друг друга, исчезнут несчастья и болезни. Но, чтобы наступило это время, по словам Николая, надо раскрыть тайну зелёной палочки, которая зарыта у дороги на краю оврага.

Ещё с детства Толстой мечтал о всеобщем счастье.

Вопросы и задания

- 1. Кого называли "солдатками"?**
- 2. От чьего имени ведётся повествование? Почему Л.Н. Толстой выбрал эту форму повествования?**

¹ **Иструб** — сруб, срубленная изба, ещё не имеющая крыши.

² **Целковый** — серебряная монета достоинством в один рубль.

3. Кого мальчик называл нянькой? Как ты думаешь, почему?

4. Попробуй назвать печальные события в семье солдатки.

5. Как меняется жизнь мальчика и его семьи после возвращения отца?

6. Расскажи эту историю своим родным, узнай их отношение к рассказу.

7. Что общего между стихотворением "Размышления у парадного подъезда" и рассказом Л.Н. Толстого "Солдаткино житьё"?

8. Сравни значение слова "солдатка" в рассказе К.Паустовского и Л.Толстого.

Похожи учебники на кирпичи
Размерами, формой и весом.
Тому, кто решил аттестат получить,
Желательно быть Геркулесом.

Я множество раз подтянуться могу,
Зарядкой с утра занимался.
Но школьная сумка сгибает в дугу,
Как будто в поход я собрался.

Я сумку не брошу, имейте в виду!
Об этом не может быть речи.
Я стану учёным и способ найду,
Как сделать учебники легче.

А. Стариков

ДЖАФАР ДЖАББАРЛЫ

(1899 – 1934)

ДИЛЯРА

(Рассказ)

В глубине комнаты, чуть освещённой слабыми лучами заходящего солнца, плачут мать и дочь. И маленькая девочка, съёжившаяся, точно это она – виновница случившейся беды, всхлипывает.

Допив до дна напиток счастья, так просто уронить и разбить кубок. Но как горько, найдя дорогу к счастью и находясь уже у самой цели, пережить ужас разбитых надежд!..

Солнце клонилось к закату.

Чернорабочий Башир, получив заработную плату, возвращался домой, прикидывая в уме, кому он должен отдать долги, в которые влез за время болезни. У него оставалась ещё небольшая сумма, на которую он решил купить фруктов своей дочке.

Правда, надо бы купить и платье, но не хватает денег. По улице стройными рядами шли чисто одетые, радостно улыбающиеся девочки. Их вела учительница.

Башир остановился, залюбовавшись ими. Как они беспечны, опрятны и милы! И вспомнил свою дочь.

“Бедняжка, бегают босая, в грязной, старой рубашонке. Вот если бы её нарядить так же, как она выглядела бы тогда! Диляра очень миловидна. Если её приодеть получше, она будет красивей всех остальных. Ах, хоть бы и она была среди них!”.

Мысли эти смутно мелькали в голове Башира. Вдруг у него возникло необычайное желание. Осмелев, чего с ним прежде никогда не бывало, он шагнул к учительнице.

– Ханум!

И осёкся, растерявшись, не зная, как продолжать. Учительница подняла на него большие глаза.

– Прости, ханум. Просьбу к тебе имею. У меня есть малолетняя дочь. Посоветуй, как мне быть, куда отдать её?

Он ждал, что за такое дерзкое обращение учительница рассердится на него, скажет что-нибудь нехорошее. Но та, глядя на его морщинистое, смущённое лицо, видя в его глазах робость, спросила:

— А сколько лет твоей девочке, дядя?

Слово «дядя» взволновало Башира. Хорошо одетая и образованная ханум вдруг называет его «дядей».

— Восемь лет, — ответил он.

— Хоть сейчас и поздно, но всё же приведи её. Устроим как-нибудь. Пусть учится.

— Когда привести? Куда?

Условились¹, что завтра Башир отведёт девочку в школу.

— Да продлит Аллах твои дни! — с благодарностью произнёс Башир. — Да возвысит он твою службу!..

И пошёл, обрадованный и счастливый.

— Какая она милая, — думал он об учительнице. — Оденется девочка получше, будет учиться. Может, со временем станет учительницей, как эта. Но как идти в школу необутой? И что скажет жена?

Он остановился в нерешительности. Повернул к базарной площади. Купив пару поношенных башмаков и старое платье, направился домой.

Диляра встретила его в одной рубашонке, хотя уже стояла зима. Ухватила его за полу.

— Это что, папа? Чьи это башмаки? — спрашивала она в недоумении.

Давно уже Башир не приносил домой таких вещей. Особенно поразили дочку башмаки, которых никто в доме не носил. Да что башмаки, даже простых чувяков² не было у них. Вышедшая на голос Диляры мать удивлённо застыла в дверях.

— Что это? Уж не сошёл ли ты с ума?

— Не говори так, жена. Я затеял одно дело.

— Чьи это башмаки?

— Я купил их.

— Правду скажи, чьи?

— Говорю же, купил. Это ещё что! А ну, дочка, умойся и примерь это платьице.

— Да что с тобой случилось?

— А то, что завтра я возьму Диляру в школу.

— Как в школу?

— Да, да, в школу. Я же сказал тебе, что затеял одно дело. Я уже говорил с учительницей. Такая милая, такая добрая

¹ Условиться — договориться.

² Чувяки — мягкая обувь без каблучков из кожи, которую носили дома (тапочки).

женщина. Сказала, чтобы я привёл девочку. Ну, дочка, умойся поскорее.

Диляра быстро оделась. Счастью её не было предела. Могла ли она, всегда с завистью смотревшая на других детей, подумать, что когда-нибудь у неё самой будут башмаки?

— А ну, повернись, вот так. Дай-ка посмотреть на тебя! Вот какой красавицей стала! Пстой, зашнурую!

И Башир, забыв все горести и заботы, принялся с увлечением одевать дочь. Башмаки, хоть и не новые, были точно по ноге Диляры.

— Да ты совсем, как хозяйская дочь. А ну, жена, подай мне таз, а ты, дочка, станцуй.

Он стал играть на тазе, как на барабане, а Диляра, расцеловав его, начала плясать.

Утро выдалось пасмурное. Всю ночь шёл дождь, превративший улицы в непролазное болото. Это расстраивало планы Башира.

Жил он на немощёной¹ Сальянской улице, где грязь доходила до колен, потому могли запачкаться башмаки Диляры, чего Башир никак не мог допустить.

Но учительница ждала. Нужно было идти во что бы то ни стало, если б даже перевернулся весь мир.

Он одел Диляру, и они пошли. Пройдя несколько шагов, остановились. Узенькая улица представляла собой сплошное болото. Башир то и дело глядел на башмаки Диляры. Каждый комочек грязи, прилипший к ним, приводил его в отчаяние. Свернув в переулок, они снова остановились: было совершенно невозможно передвигаться дальше.

Не видя другого выхода, Башир взял девочку на руки и зашагал прямо по грязи. Вдруг у него увяз чужак. Он хотел вытащить ногу, но потерял равновесие и грохнулся в грязь. Девочка вся выпачкалась, а Башир от сильной боли в колене едва не потерял сознание. Нога оказалась прорезанной большим осколком стекла. Из раны лилась кровь.

¹ Немощённая — не выложенная камнем.

Они кое-как вернулись домой. Кровь не останавливалась. Собрались соседи. Рану посыпали золой, наложили паутину, вспомнили и про разные другие средства, но ничего не помогало. К тому же обнаружился вывих ступни. Башир весь корчился от боли.

Позвали костоправа. Ногу вправили и перевязали. До самого вечера Башир не переставал стонать, а ночью боли так усилились, что он стал неистово кричать.

На крики собрались соседи. Каждый что-нибудь советовал, однако ничего не помогало. Наконец, решили вызвать врача, но это оказалось невозможным.

— Как врач дойдёт сюда по этим тёмным улицам? Надо взять извозчика, а он потребует уйму денег, — сказал котельщик Ахмед.

— Да хотя бы и были деньги, как проехать извозчику? — заметил слесарь Самед.

И долго ещё толковали соседи. Потом разошлись, оставив стонавшего больного, у которого начался сильный жар.

Промучился бедный Башир дней шесть. Пригласить врача он так и не смог. Наконец, котельщик Ахмед взвалил его на спину и отнёс в больницу.

Осмотрев его, врачи нашли перелом кости и загрязнение раны. Пришлось Баширу лечь в больницу.

Спустя двадцать дней несчастного Башира привезли домой. Нога уже не очень болела: она была отрезана выше колена.

И вот Башир молча смотрит на голодного ребёнка и жену, которую душат слёзы.

Как будут жить теперь эти несчастные?

Он отводит печальные глаза.

Его взгляд падает на башмаки, стоявшие в нише. И, вспомнив о чём-то, он не может удержаться и громко плачет.

Ах, как близко было счастье!

Выдающийся драматург Джафар Джаббарлы родился в селе Хызы Бакинской губернии (нынешний Сумгаитский район) в семье простого угольщика. Семья очень нуждалась. После смерти отца, в трёхлетнем возрасте, оказался в Баку, где его мать тяжёлым трудом, работая на богатых людей, пыталась содержать семью. Детство маленького Джафара было безрадостным. Однако он поступил в одну из бакинских русско-азербайджанских школ. Большое влияние на мальчика оказала его тётя Зернишан ханум, сама писавшая стихи, песни

в духе певцов-ашугов. Она была неграмотной крестьянкой. А уже в школе интерес Джафара к литературе усиливается под влиянием его учителей: писателей Абдуллы Шаика и Сулеймана Сани Ахундова. После её окончания он поступил в политехническое училище. Учился Джаббарлы в Азербайджанском государственном университете. В 16 лет начал писать стихи, рассказы, пьесы.

Джаббарлы был одним из создателей нового азербайджанского театра. Писатель перевёл на азербайджанский язык произведения Л.Н. Толстого, М. Горького... Он стоял у истоков азербайджанской кинематографии. Его именем названы улица и станция метро в Баку, драматический театр в Гяндже, киностудия в Баку.

Вопросы и задания

- 1. О чём мечтал Башир-киши?*
- 2. С какой просьбой обратился Башир-киши к учительнице?*
- 3. Почему Башир-киши хотел отдать дочь в школу?*
- 4. Что случилось по дороге в школу?*
- 5. Почему Диляра не смогла пойти в школу?*
- 6. Составь синквейн. Сравни с работой других учеников. Какие ты нашёл отличия? В чём недостатки твоего синквейна?*

РАССКАЗЫ О РАЗНОМ

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

РАССКАЗ АЭРОНАВТА¹

Народ собрался смотреть на то, как я полечу. Шар был готов. Он подрагивал, рвался вверх на четырёх канатах и то морщился, то надувался. Я простился со своими, сел в лодку, осмотрел, все ли мои припасы были по местам, и закричал: "Пускай!" Канаты подрезали, и шар поднялся кверху, сначала тихо, — как жеребец сорвался с привязи и оглядывался, — и вдруг дёрнул кверху и полетел так, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали в ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнул им шляпой и не успел опять надеть её, как уж я был так высоко, что с трудом мог разобрать людей. Первую минуту мне стало жутко и мороз пробежал по жилам; но потом вдруг так стало весело на душе, что я забыл бояться. Мне уж чуть слышен был шум в городе. Как пчёлы, шумел народ внизу. Улицы, дома, река, сады в городе виднелись мне внизу, как на картинке. Мне казалось, что я царь над всем городом и народом, — так мне весело было наверху. Я шибко поднимался кверху, только подрагивали верёвки в лодке, да раз налетел на меня ветер, перевернул меня два раза на месте; но потом опять не слышать было, лечу ли я, или стою на месте. Я только потому замечал, что лечу кверху, что всё меньше и меньше становилась подо мной картинка города, и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдруг я заметил, что земля подо мной стала, как чашка. Края были выпуклые, — на дне чашки был город. Мне веселее и веселее становилось. Весело и легко было дышать, и хотелось петь. Я запел, но голос мой был такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце стояло ещё высоко, но на закате тянулась туча, — и вдруг она закрыла солнце. Мне опять стало жутко, и я, чтоб заняться чем-нибудь, достал барометр и посмотрел на него, и по нему узнал, что я поднялся уже на 4 версты². Когда я клал на место барометр, что-то затрепыхалось около

¹ *Аэронавт* — (от греч. аэр. - воздух и наутес - мореплаватель) воздухоплаватель.

² *Верста* — русская единица измерения расстояния, равная 1066,781 метра.

меня, и я увидал голубка. Я вспомнил, что взял голубка затем, чтобы спустить его с записочкой вниз. Я написал на бумажке, что я жив и здоров, на 4-х верстах высоты, и привязал бумажку к шее голубя.

Голубь сидел на краю лодки и смотрел на меня своими красноватыми глазами. Мне казалось, что он просил меня, чтобы я не сталкивал его. С тех пор, как стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего делать, надо было послать вниз голубя. Он дрожал всеми пёрышками, когда я взял его в руку. Я отвёл руку и бросил его. Он, часто махая крыльями, полетел боком, как камень, книзу. Я посмотрел на барометр. Теперь я уже был на пять вёрст над землею и почувствовал, что мне воздуха мало, и я часто стал дышать. Я потянул за верёвку, чтобы выпустить газ и спускаться, но ослабел ли я, или сломалось что-нибудь, — клапан не открывался. Я обмер. Мне не слышать было, чтобы я поднимался, ничто не шевелилось, но дышать мне становилось всё тяжелее и тяжелее. "Если я не остановлю шар, — подумал я, — то он лопнет, и я пропал". Чтобы узнать, поднимаюсь ли я, или стою на месте, я выбросил бумажки из лодки. Бумажки, точно камни, летели книзу. Значит, я, как стрела, летел кверху. Я изо всех сил ухватился за верёвку и потянул. Слава богу, клапан открылся, засвистало что-то. Я выбросил ещё бумажку, бумажка полетела около меня и поднялась. Значит, я опускался. Внизу всё ещё ничего не было видно, только как море тумана расстилалось подо мной. Я спустился в туман: это были тучи. Потом подул ветер, понёс меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидал под собой опять чашку земли. Но не было ещё нашего города, а какие-то леса и две синие полосы — реки. Опять мне радостно стало на душе, и не хотелось спускаться; но вдруг что-то зашумело подле меня, и я увидал орла.

Он удивлёнными глазами поглядел на меня и остановился на крыльях. Я, как камень, летел вниз. Я стал скидывать балласт, чтобы задержаться.

Скоро мне стали видны поля, лес и у леса деревня, и к деревне идёт стадо. Я слышал голоса народа и стада. Шар мой спускался тихо. Меня увидели. Я закричал и бросил им верёвки. Сбежался народ. Я увидел, как мальчик первый поймал верёвку. Другие подхватили, прикрутили шар к дереву, и я вышел. Я летал только 3 часа. Деревня эта была за 250 вёрст от моего города.

Вопросы и задания

1. Почему рассказ называется “Аэронавт”?
2. Что произошло в воздухе? Напугало ли это героя рассказа?
3. Как аэронавт проверял высоту полёта? Гуманно ли он поступил с голубем?
4. Как бы ты повёл себя в подобной ситуации?
5. Кто является повествователем?
6. Докажи, что “Аэронавт” - это рассказ.
7. Как ты думаешь, в изучении какой науки мог бы пригодиться воздушный шар?
8. Составь синквейн, характеризующий героя.

СОСУЛЬКА

Однажды Вова на голову упала сосулька.

И Вова всё вдруг стало ясно. И почему солнце на закате становится красным, и почему металл полоний не встречается в природе, и почему обезьяны перестали превращаться в людей. И многое другое.

Он стал так хорошо учиться!

- Вова, тебя будто подменили! – говорили учителя. – У тебя, оказывается, такая светлая голова!

Вову все хвалили, и ему это очень нравилось. “Я как Ньютон, – думал Вова. – Не яблоко, так сосулька... Но хорошо бы стать ещё умней!”

И он нарочно стал ходить там, где свисали огромные сосульки. Целую неделю ходил – никакого результата. Сосульки держались крепко. Но, наконец, ему повезло...

...Когда Вова выписался из больницы, он стал учиться точно так же, как и в начале учебного года. Доктор сказал, что ему ещё повезло...

С. Степанов

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

(1860 – 1904)

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ (в сокращении)

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий¹, скипидар, керосин, мазал щеку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но всё это не помогало или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину², но и это не помогло. На предложение вырвать зуб генерал ответил отказом. Все домашние — жена, дети, прислуга, даже поварёнок Петька — предлагали каждый своё средство. Между прочим и приказчик Булдеева Иван Евсеич пришёл к нему и посоветовал полечиться заговором³.

— Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, — сказал он, десять лет назад служил акцизный⁴ Яков Васильевич. Заговаривает зубы — первый сорт. Бывало, отвернётся к окошку, пошепчет, поплюёт — и как рукой! Сила ему такая дадена...

— Где же он теперь?

— А после того, как его уволили, в Саратове у тёщи живёт. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то идут к нему, помогает. Тамошних саратовских на дому у себя пользует⁵, ежели которые из других городов, то по телефону. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу⁶, что так, мол, вот так...

— Ерунда! Шарлатанство!

— Пошли, Алёша! — взмолилась генеральша. — Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

— Ну, ладно, — согласился Булдеев. — Тут не только что к акцизному, но и к чёрту пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живёт? Как к нему писать?

¹ *Опий* — лёгкое болеутоляющее средство.

² *Хина* — лекарственное средство.

³ *Заговор* — заклинание, магические слова.

⁴ *Акцизный* — служащий в акцизе, т.е. по налогам.

⁵ *Пользует* — приносит пользу кому-то, помогает.

⁶ *Депеша* — письмо, сообщение, телеграмма.

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

— Его в Саратове каждая собака знает, — сказал приказчик. — Извольте писать, ваше превосходительство: в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильевичу... Васильевичу...

— Ну?

— Васильевичу... Якову Васильевичу... а по фамилии... А фамилию вот забыл!.. Васильевичу... Чёрт... Как же его фамилия? Давеча, как

сюда шёл, помнил... Позвольте-с...

— Ну, что же? Скорей думай!

— Сейчас... Васильевичу... Якову Васильевичу... Забыл! Такая ещё простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто¹? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

— Жеребятников?

— Никак нет. Постойте... Кобылицын... Кобылятников... Лошадкин...

— Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин... Всё не то!

— Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

— Коренников? — спросила генеральша.

— Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

— Так зачем же, чёрт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? — рассердился генерал. — Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щёку и заходил по комнатам.

— Ой, батюшки! — вопил он. — Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад: подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

— Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя его позвали к господам.

— Вспомнил? — спросил генерал.

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

¹ *Нешто* — разве, может.

Взбудоражилась вся усадьба.

И в доме, все наперерыв², стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почёсывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.

— Табунов? — спрашивали у него, — Копытин? Жеребовский?

— Никак нет, — отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух: — Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

— Папа! — кричали из детской. — Тройкин! Уздечкин!

Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

— Гнедов! — говорили ему. — Рысистый!

Но наступил вечер, а фамилия всё ещё не была найдена. Так и легли спать, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучал в окно приказчику.

— Не Меринов ли? — спросил он плачущим голосом.

— Нет, не Меринов, ваше превосходительство, — ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

— Да, может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

— Истинное слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

— Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

— Пускай рвёт — решил он. — Нет больше сил терпеть... Приехал доктор и вырвал зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав своё дело и получив что следует за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чем-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряжённые, мучительные...

— Буланов... Кобылкин... — бормотал он. — Засупонин... Лошадский...

— Иван Евсеич! — обратился к нему доктор. — Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овёс, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыб-

нулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

— Надумал, ваше превосходительство! — закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. — Надумал, дай Бог здоровья доктору! Овсов! Овсов — фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

— Накося¹! — сказал генерал с презрением и поднёс к лицу его два кукиша. — Не нужно мне твоей лошадиной фамилии! Накося!

Антон Павлович родился в купеческой семье в Таганроге. Его дед и отец были крепостными.

Учился в гимназии, много читал, увлекался театром. Он изучал французский и другие языки, играл на скрипке, увлекался живописью. Антон Павлович говорил о себе, своих братьях и сестре:

“Талант в нас со стороны отца, а душа со стороны матери”.

Отец воспитывал детей в строгости, часто порол их. Дети очень часто работали в лавке отца.

Антоша ставил спектакли в доме своего друга, издавал рукописный журнал “Заика”.

Свой первый гонорар получил, прося милостыню у собственного дяди, который не узнал переодетого нищим племянника.

С юных лет подрабатывал репетиторством.

Окончил медицинский факультет Московского университета.

Писать начал очень рано.

Вопросы и задания

1. Какие фамилии образовали герои рассказа от слов жеребёнок, лошадь, кобыла? Поиграй словами. Попробуй ещё образовать несколько “лошадиных” фамилий.

2. В каких эпизодах раскрываются характеры героев?

3. Что в рассказе тебе показалось смешным, а что нет?

4. Кому сочувствует автор рассказа?

5. Прочитай рассказ по ролям или разыграй сценку с одноклассниками.

6. Попробуй сам придумать короткий смешной рассказ.

7. Составь синквейн по рассказу.

¹ **Накося** — усеченный фразеологизм, означающий ничего не добьёшься, не рассчитывай, не получишь.

РЕЙ БРЭДБЕРИ

(1920 – 2012)

ЗВУК БЕГУЩИХ НОГ

В тот вечер Дуглас возвращался домой из кино вместе с родителями и братом Томом и увидел их в ярко освещенной витрине магазина – теннисные туфли. Дуглас поспешно отвёл глаза, но его ноги уже ощутили прикосновение парусины¹ и заскользили по воздуху – быстрее, быстрее! Земля завертелась, захлопали полотняные навесы над витринами – такой он поднял ветер, так он мчался... Родители и Том шагали не торопясь, а между ними, пятясь задом, шёл Дуглас и не сводил глаз с теннисных туфель там, позади, в полуночной витрине.

– Хорошая была картина, – сказала мама.

– Ага, – буркнул Дуглас.

Стоял июнь, давно миновало то время, когда на лето покупают такие туфли, лёгкие и тихие, точно тёплый дождь, что шуршит по тротуарам. Уже июнь, и земля полна первоизданной силы, и всё вокруг движется и растёт. Трава и по сей день переливается сюда из лугов, омывает тротуары, подступает к домам. Кажется, город вот-вот черпнёт бортом и покорно пойдёт на дно, и в зелёном море трав не останется ни всплеска, ни ряби. Дуглас вдруг застыл, точно врос в мёртвый асфальт и красный кирпич улицы, не в силах тронуться с места.

– Пап, – выпалил он. – Вон там, в окне, теннисные туфли...

Отец даже не обернулся.

– А зачем тебе новые туфли, скажи, пожалуйста? Можешь ты мне объяснить?

– Ну-у...

Да затем, что в них чувствуешь себя так, будто впервые в это лето скинул башмаки и побежал босиком по траве. Точно в зимнюю ночь высунул ноги из-под тёплого одеяла и подставил ветру, что дышит холодом в открытое окно, и они

¹ *Парусина* — тяжёлая, плотная льняная ткань.

стынут, стынут, а потом втягиваешь их обратно под одеяло, и они совсем как сосульки... В теннисных туфлях чувствуешь себя так, будто впервые в это лето бредёшь босиком по ленивому ручью и в прозрачной воде видишь, как твои ноги ступают по дну — будто они переломились и движутся чуть впереди тебя, потому что ведь в воде всё видится не так...

— Пап, — сказал Дуглас, — это очень трудно объяснить.

Люди, которые мастерят теннисные туфли, откуда-то знают, что хотят мальчишки и что им нужно. Они кладут в подметки чудо-траву, что делает дыхание лёгким, а под пятку — тугие пружины, а верх ткут из трав, отбелённых и обожжённых солнцем в просторах степей. А где-то глубоко в мягком чреве туфель запрятаны тонкие твёрдые мышцы оленя.

Люди, которые мастерят эти туфли, верно, видели множество ветров, проносящихся в листве деревьев, и сотни рек, что устремляются в озёра. И всё это было в туфлях, и всё это было — лето.

Дуглас попытался объяснить всё отцу.

— Допустим, — сказал отец. — Но чем плохи твои прошлогодние туфли? Поройся в чулане, ты, конечно, найдёшь их там.

Дугласу стало вдруг жалко мальчишек, которые живут в Калифорнии и ходят в теннисных туфлях круглый год; они ведь даже не знают, какое это чудо — сбросить с ног зиму, скинуть тяжёлые кожаные башмаки, полные снега и дождя, и с утра до ночи бегать, бегать босиком, а потом зашнуровать на себе первые в это лето новенькие теннисные туфли, в которых бегать ещё лучше, чем босиком. Но туфли непременно должны быть новые — в этом всё дело. К первому сентября волшебство, наверно, исчезнет, но сейчас, в конце июня, оно ещё действует всюду, такие туфли всё ещё в силах помчать тебя над деревьями, над реками и домами. А если захочешь — они перенесут тебя через заборы, тротуары в упавшие деревья.

— Как же ты не понимаешь? — сказал Дуглас отцу. — Прошлогодние никак не годятся.

Ведь прошлогодние туфли уже мёртвые внутри. Они хороши только одно лето, только когда их надеваешь впервые. Но к концу лета всегда оказывается, что на самом деле в них уже нельзя перескочить через реки, деревья или дома, — они уже мёртвые. А сейчас опять настало новое лето, и, конечно, в новых туфлях он опять сможет делать всё, что только пожелает.

Они поднялись на крыльцо и вошли в дом.

— Копи деньги, — посоветовал отец. — Месяца через полтора...

— Да ведь тогда лето кончается!

Погасили огонь, Том уснул, а Дуглас всё смотрел на свои ноги — они белели под лунным светом, далеко, в конце кровати, свободные, наконец, от тяжёлых башмаков: только теперь с них свалились эти гири — остатки зимы.

— Надо придумать, почему нужны новые. Надо что-то придумать.

Ну, во-первых, всякий знает, что на холмах за городом полным-полно друзей — они распугивают коров, предсказывают перемену погоды. С утра до ночи жарятся на солнце, так что кожа лупится и они обдирают её клочьями, словно листки календаря, и снова жарятся на солнце. Если хочешь их поймать, придётся бегать быстрее всех белок и лисиц. А в городе полным-полно врагов, они злятся из-за жары и потому помнят все зимние споры и обиды. **ИЩИ ДРУЗЕЙ, РАСШВЫРИВАЙ ВРАГОВ!** Вот девиз лёгких как пух, волшебных туфель. **МИР БЕЖИТ СЛИШКОМ БЫСТРО? ХОЧЕШЬ ЕГО ДОГНАТЬ? ХОЧЕШЬ ВСЕГДА БЫТЬ ПРОВОРНЕЙ ВСЕХ? ТОГДА ЗАВЕДИ СЕБЕ ВОЛШЕБНЫЕ ТУФЛИ! ТУФЛИ, ЛЁГКИЕ, КАК ПУХ!**

Дуглас встряхнул свою копилку — в ней чуть звякнуло. Она была почти пустая.

Если тебе что-нибудь нужно, добивайся сам, подумал он. Ночью постараемся найти ту, заветную тропку...

Огни внизу, в городе, гасли один за другим. В окно дунул ветер. Точно река течёт — так бы и пошёл с нею...

Во сне он слышал, как в тёплой пустой траве бежит, бежит, бежит кролик.

Старый мистер Сэндерсон двигался по своей обувной лавке, точно по какому-то питомнику, где в конурках собраны со всего света собаки и кошки всевозможных пород; и на ходу он ласково гладил своих любимцев. Мистер Сэндерсон погладил каждую пару башмаков и туфель, выставленных в витрине, и одни казались ему собаками, другие кошками; он касался их заботливой рукой — где поправит шнурки, где вытянет язычок. Потом остановился на самой середине ковра, покрывавшего пол-лавки, огляделся вокруг и с удовлетворением кивнул.

Вдалеке, нарастая, загремел гром.

Миг — и в дверях появился Дуглас Сполдинг. Он смущённо глядел вниз, на свои кожаные башмаки, точно они были такие тяжёлые, что их никак не оторвёшь от асфальта. Он остановился в дверях — и гром тотчас умолк. И вот, мучительно медленно, держа на ладони все свои сбережения и не решаясь поднять глаза, Дуглас шагнул из яркого полуденного света в лавку. Он осторожно разложил столбиками на прилавке медяки, монетки по десять и двадцать пять центов, словно шахматист, что ждёт с тревогой — вознесёт ли его следующий ход к вершинам торжества или погрузит в бездну отчаяния.

— Всё ясно без слов, — сказал мистер Сэндерсон.

Дуглас замер.

— Во-первых, я знаю, что ты хочешь купить, — продолжал мистер Сэндерсон. — Во-вторых, я каждый день вижу тебя у моей витрины. Ты думаешь, я ничего не замечаю? Ошибаешься. В-третьих, тебе нужны, называя их полным именем, “лёгкие, как пух, мягкие, как масло, прохладные, как мята”, теннисные туфли. В-четвёртых, у тебя не хватает денег и тебе нужен кредит.

— Нет! — крикнул Дуглас, тяжело дыша, точно он бежал во сне всю ночь без отдыха. — Не надо мне кредита, я придумал кое-что получше, — выдохнул он наконец. — Сейчас я объясню, только сперва, пожалуйста, скажите мне одну вещь, сэр, мистер Сэндерсон. Вы помните, когда вы сами в последний раз надевали такие туфли?

Старик помрачнел.

— Ну, лет десять назад или двадцать, может быть, даже тридцать... Почему это тебя интересует?

— Знаете что, мистер Сэндерсон, если по-честному, вам надо и самому хоть примерить ваши теннисные туфли. Ведь вы их людям продаёте? Вот и примерьте хоть на минутку, сами увидите, каковы они на ноге. Если долго чего-нибудь не пробовать, поневоле забудешь, как это бывает. Ведь хозяин табачной лавочки курит, правда? И кондитер всегда, конечно, пробует свой товар. Вот я и думаю...

— Ты, верно, заметил, я тоже не босиком хожу, — сказал старик.

— Но не в теннисных туфлях, сэр! Как же вы их продаёте, если не можете даже как следует их расхвалить? А как вам их расхвалить, если вы их толком и не знаете?

Дуглас говорил с таким жаром, что даже попятился и в раздумье поскрёб подбородок.

— Н-да-а, пожалуй...

– Мистер Сэндерсон, – сказал Дуглас. – Вы мне продайте одну вещь, а я тоже продам вам кое-что очень полезное.

– Но неужели для этой сделки необходимо, чтобы я надел пару теннисных туфель, дружок?

– Это было бы очень хорошо, сэр!

Старик вздохнул. Через минуту он уже сидел на стуле и, тяжело дыша, зашнуровывал на своих узких длинных ногах теннисные туфли. Туфли казались чужими и неуместными рядом с тёмными обшлагами его пиджака. Наконец он встал.

– Ну, как вы себя в них чувствуете? – спросил мальчик.

– Как я себя чувствую? Отлично. – И он хотел снова сесть на стул.

– Нет, нет! – Дуглас умоляюще протянул руку. – Теперь, пожалуйста, покачайтесь немного с пяток на носки, попрыгайте, поскачите, что ли, а я вам всё доскажу. Значит, так: я отдаю вам деньги, вы отдаёте мне туфли. Я должен вам ещё доллар. Но как только я надену эти туфли, мистер Сэндерсон, как только я их надену, знаете, что случится?

– Что же?

– Хлоп! Я разношу вашим покупателям на дом покупки, таскаю для вас всякие свёртки, приношу вам кофе, убираю мусор, бегаю на почту, на телеграф, в библиотеку! Я буду летать взад и вперёд, взад и вперёд, десять раз в минуту! Вот вы теперь сами чувствуете, какие это туфли. Ведь они на пружинах – чувствуете? Они сами бегут! Охватят ногу и уж не дают никакого покоя, им совсем не нравится стоять на одном месте. Вот я и буду делать для вас всё, что вам не захочется делать самому, да знаете, как быстро! Вы сидите спокойно у себя в лавке, в холодке, а я буду носиться за вас по всему городу. Но ведь если по правде, это буду не я, это всё туфли! Возьмут и помчатся по улицам, как бешеные, раз-два – за угол, раз-два – обратно! Вот как!

Сэндерсона оглушило это красноречие. Поток слов захватил его и понёс; он поглубже засунул ноги в туфли, пошевелил пальцами, повертел ступней, вытянул ногу в подъёме. В открытую дверь задувал ветерок, и мистер Сэндерсон тихонько покачивался, подставляя ноги под его свежее дуновение. Туфли неслышно тонули в мягком ковре, точно в бархатной траве джунглей, во вспаханном чернозёме или в размокшей глине.

Старик с серьёзным видом привстал на носки, оттолкнулся пятками – словно от пышного теста, от податливой мягкой земли. Все его ощущения отражались у него на лице, как будто быстро переключали разноцветные огни. Рот его от-

крылся. Он ещё немного покачался на носках – всё медленнее, медленнее, – и, наконец, застыл; голос мальчика тоже умолк, и в глубокой, многозначительной тишине они стояли и смотрели в глаза друг другу.

По тротуару под жарким солнцем шли мимо лавки редкие прохожие.

А старик и мальчик всё стояли друг против друга, и лицо мальчика сияло, а старик, казалось, обдумывал некое неожиданное открытие.

– Послушай, – сказал он наконец. – Не хочешь ли лет эдак через пять продавать у меня тут ботинки?

– Спасибо, мистер Сэндерсон, только я и сам ещё не знаю, что стану делать, когда вырасту.

– Что захочешь, сынок, то и станешь делать, – сказал старик. – Ты своего добьёшься. И никто тебя не удержит.

Он лёгким шагом подошёл к стене, где стояло, уж наверное, десять тысяч коробок с обувью, и вернулся к прилавку с туфлями для Дугласа. Потом он писал что-то на листке бумаги, а Дуглас в это время надел туфли, завязал шнурки и теперь стоял и ждал.

Старик кончил писать и протянул ему листок.

– Вот тебе десяток поручений на сегодня. Когда всё сделаешь, мы с тобой квиты и ты получаешь расчёт.

– Спасибо, мистер Сэндерсон! – Дуглас кинулся прочь из лавки.

– Постой! – закричал старик.

Дуглас остановился и обернулся к нему.

– Ну, как туфли? – с интересом спросил старик.

Дуглас поглядел на свои ноги – они были уже далеко, на берегу реки, среди пшеничных полей, на ветру, что гнал его из города. Потом вскинул голову и посмотрел на старика; глаза его горели, губы шевелились, но с них не слетело ни звука.

– Антилопы? – Старик перевёл взгляд с лица мальчика на туфли. – Газели?

Дуглас подумал, помолчал в нерешительности и торопливо кивнул. И – исчез. Шепнул что-то, круто повернулся и исчез.

Дверь – настежь, на пороге – никого. Быстрый шорох теннисных туфель растаял в тропическом зное.

Мистер Сэндерсон стоял в дверях, ослеплённый солнцем, и прислушивался. С давних-давних пор, когда его ещё одолевали мальчишеские мечты, он помнил этот звук. Под небом

мелькали чудесные создания, скользили под деревьями и в кустах, убегали всё дальше, и оставалось лишь еле слышное эхо...

– Антилопы, – повторил Сэндерсон. – Газели...

Он нагнулся и поднял с пола брошенные зимние башмаки Дугласа, отяжелевшие от уже забытых дождей и давно растаявших снегов.

Потом отошёл в тень, подальше от слепящих лучей солнца, и неторопливо, мягко и легко ступая, направился назад к цивилизации...

Американский писатель, известный фантаст Рэй Брэдбери родился в штате Иллинойс. Отец его был потомком англичан, мать – шведка.

Настоящее имя писателя – Рэймонд Дуглас Брэдбери. Семья переехала в Лос-Анжелес. Юноша зарабатывал себе на жизнь, продавая газеты. Из-за отсутствия денег Рэй не смог поступить в колледж¹.

“Вместо колледжа я закончил библиотеку,” – упоминал он в одной своей статье. В двенадцать лет он впервые попробовал себя в литературе.

Брэдбери – автор восьмисот произведений. Это рассказы, повести, романы, пьесы, стихи, статьи...

Брэдбери – лауреат многих премий, Почётный доктор литературы, его именем назван астероид...

По его произведениям снято множество фильмов.

Вопросы и задания

1. Прочитай текст и постарайся ответить на следующие вопросы:

- а) Почему так называется рассказ?**
- б) Чем можно объяснить желание Дугласа?**
- в) Как ты относишься к мистеру Сэндерсону?**
- г) В чем оригинальность Р.Брэдбери-рассказчика?**

2. “Если тебе что-нибудь нужно, добивайся сам” – это девиз Дугласа. Как ты относишься к нему?

3. Составь синквейн.

4. Постарайся прочитать другие рассказы Р. Брэдбери, и тогда у тебя сложится своё восприятие мира. Поверь, это сущая правда.

¹ **Колледж** – учебное заведение, иногда высшее.

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ГРИН

(1880 – 1932)

ВПЕРЁД И НАЗАД (Феерический¹ рассказ)

1

В конце мая и начале июля город Зурбаган² посещается “Бешеным скороходом”. Ошибочно было бы представить этого посетителя человеком даже самой сумасшедшей внешности: длинноногим, рыкающим – скорым, как умозаключение страуса относительно спасительности песка.

“Бешеный скороход” – континентальный ветер степей. Он несёт тучи степной пыли, бабочек, лепестки цветов; прохладные, краткие, как поцелуи, дожди, холод далёких водопадов, зной каменистых почв, дикие ароматы девственного леса и тоску о неведомом. Его власть делает жителей города тревожными и рассеянными; их сны беспокойны; их мысли странны; их желания туманны и обаятельны, как видения анахорета³ или мечты юности. Самое большое количество неожиданных отъездов, горьких разлук, внезапных паломничеств и решительных путешествий падает на беспокойные дни “Бешеного скорохода”.

5-го июля в сорока милях от Зурбагана три человека шли по узкой степной тропе, направляясь к западу.

Шедший впереди был крепкий, прямой, нервный человек, лет тридцати трёх. Природа наградила его своеобразной цветистостью, отдалённо напоминающей редкую тропическую птицу: смуглый цвет кожи, яркие голубые глаза и чёрные, вьющиеся, с бронзовым отливом, волосы производили весьма оригинальное впечатление, сглаживая некрасивость резкого мускулистого лица именно богатством его оттенков. Двигался он как бы толчками – коротко и отчётливо. На нём, как и на остальных двух путниках, был охотничий костюм; за спиной висело ружьё; остальное походное снаряжение – сумка, свёрнутое одеяло и кожаный мешочек с пулями – размещались вокруг бёдер с тол-

¹ *Феерический (от феерия)* – волшебный, сказочный, чудесный.

² *Зурбаган* – сказочный, т.е. выдуманный приморский город. Это почти точное описание Севастополя (город в Крыму).

³ *Анахорет* – пустынный, отшельник.

ковой, удобной практичностью предусмотрительного бродяги, пользующегося, когда нужно, даже рельефом своего тела.

Этого звали Нэф.

Второй путник, развалисто поспешавший за первым, был круглолиц, здоров и неинтересен в той степени, в какой бывают неинтересны люди, созданные для работы и маленьких мыслей о работе других. Молодой, видимо, добродушный, но тугой и медлительный к новизне, он являлся того рода золотой серединой каждого общества, которая, по существу, неоспорима ни в чём, подобно столу или крепко пришитой пуговице. Сама природа отдыхает на таких людях, как голодный поэт на окороке. Второго путника звали Пек, а был он огородником.

Третий мог бы нагнать тоску на самого весёлого клоуна. Представьте одушевлённый гроб; гроб на длинных, как бы перекрученных, испитых ногах, с впавшим животом, вздёрнутыми плечами, впалыми, кислыми глазами и руками-граблями. Его рыжие усы висели, как ножки мёртвого паука, он шёл размашисто и неровно, вяло шагая через воздух, как через ряд сундуков. Этого звали Хин. В Зурбагане он чистил на улице сапоги.

Все трое шли в полусказочные, дикие места Ахуан-Скапа¹ за золотом, скрытым в тайной жиле Эноха². Умирая, Энох передал план тайников Нэфу. Хин, соблазняясь, истратил на снаряжение деньги из сберегательной кассы, а Пек шёл как могучая рабочая сила, годная копать землю и вязать на переправах плоты.

2

Когда стемнело, путники остановились у небольшой роци, разоггли костёр, поужинали и напились кофе.

Огромная ночь пустыни сияла цветными звёздами, большими, как глаза, смотрящие на ужас и красоту. Запах сухой травы, дыма, сырости низин, тишина, ещё более тихая от сонных звуков пустыни, дающей вздохи, шелест ветвей, треск костра, короткий вскрик птицы или обманчиво близкий лепет далёкого водопада, – всё было полно тайной грусти, величавой, как сама природа – мать ощущений печальных. Человек одинок; перед лицом пустыни это яснее.

Нэф развернул карту.

– Вот, братцы, – сказал он, отводя ногтем часть линии не более пяти миллиметров, – вот сколько мы сделали в первый день.

– А сколько осталось? – спросил, помолчав, Хин.

¹Ахуан-Скап – придуманное место.

²Энох – древнееврейское имя. Энох спрятал золото в тайной жиле.

– Столько. – Нэф двинул рукой до противоположного края карты.

– Д-да, – сказал Пек.

Хин промолчал. Устремив глаза в тьму, бесцельно, но напряжённо, как бы улетаая в неё к далёкой цели, Нэф сказал:

– Помните, что путь наш не лёгок. Я уже говорил это. Нас будет рвать на куски судьба, но мы перешагнём через её труп. Там глухо: леса, тьма, враги и звери; не на кого там оглянуться. Золото залегло в камне. Если хотите, чтобы ваши руки засветились закатом, как глаза, а мир лежал в кошельке, – не кричите.

Пек и Нэф вскоре уснули, но Хин даже не задремал. Беспокойно, первый раз так опасно и реально, представил он долгий-предолгий путь, дожди, голод, ветры и лихорадки; пантер, прыгающих с дерева на загрибок, магические глаза змей, стрелу в животе и пулю в сердце... Чей-то скелет среди глубокого ущелья... Он вспомнил красоту отделанного под орех ящика, на котором останавливается щедрая нога прохожего, солнечный асфальт, свою газету, свою кофейню и верное серебро. Он внутренне отшатнулся от того края карты, на котором, смеясь, Нэф положил ладонь; отшатнулся и присмирел.

Хин осторожно встал, собрался и, не разбудив товарищей, зашагал к Зурбагану, унося на спине взгляд догорающего костра. Так человек, страдающий боязнью пространства, поворачивается спиной к площади и идёт через неё, пятясь... Мир опасен везде.

3

Проснувшись, Нэф показал Пеку следы, обращённые к ночлегу пятками.

– Нас двое теперь, – сказал он. – Это лучше и хуже. – Пек выругался, невольно всё-таки размышляя о причинах, заставивших Хина вернуться. Он был смущён.

Затем прошёл месяц, в течение которого два человека пересекали Аларгетскую¹ равнину с достоинством и упорством лунатиков², странствующих по желобу крыши, смотря на луну. Нэф шёл впереди. Он говорил мало; часто задумывался; в хорошую погоду – смеялся; в плохую – кусал губы. Он шёл легко, как по тротуару. Пек был разговорчив и скучен, жаловался на лишения, много ел и часто вздыхал, но шёл и шёл из любви к будущему своему капиталу.

¹ *Аларгетская равнина* – придуманное название.

² *Лунатик* – больной, совершающий какие-то действия в сонном состоянии.

Однажды вечером к посёлку, расположенному на берегу большой реки, пришли два грязных бородатых субъекта. Их ногти были черны, одежда в земле. Они вошли в небольшой дом, где молодцеватый, крупный старик и молодая девушка, красивая, как весенняя зелень, садились ужинать.

– Вы куда? – осведомился старик.

– К серым горам, – сказал Нэф.

– Далеко.

– Пожалуй.

– Зачем?

– Слитки.

– Дураки, – заявил старик. – Туда многие ходят, да мало кто возвращается.

– Мало ли что, – возразил Нэф, – ведь я иду в первый раз. Старик хмыкнул, как на лепет ребёнка.

– Нерра, покорми их и положи спать, – сказал он дочери.

– Пусть они во сне целуются с золотом, а наяву – со смертью.

– Шутки не наполняют кармана, – возразил Нэф.

Девушка засмеялась. Пек сел к пирогу со свиной; Нэф выпил водки, потом занялся и едой.

Ужин прошёл в молчании. Затем Нерра сказала:

– Сумасшедшие, ваша постель готова.

– Ты любишь умных? – спросил Нэф.

– Должно быть, если не люблю глупых вопросов.

– Какой принести тебе подарок?

– Свой скальп, если ты разыщешь его.

– Бери сейчас. – Нэф нагнулся, подставив лохматую голову.

Старик, вынув изо рта трубку, густо захохотал. Девушка рассердилась.

– Идите спать! – вскричала она.

Нэф скоро заснул; Пек, ворочаясь, вспомнил круглые руки Нерры. Утром, когда Нэф занялся чисткой ружья, Пек вышел во двор и сел на бревно, осматриваясь.

Вдали, за цветущей изгородью, виднелись холмы хлебных полей. В сарае толкались свиньи, розовые с чёрными пятнами. На другом дворе бродили коровы великанского вида. Под ногами Пека суетились крупные цветные куры, болтливые индейки; вечно падающие гуси шипели, как тётки; синие с золотом и хохолками на голове утки охорашивались на солнышке.

Старик вышел из хлева. Увидев Пека, он подошёл к нему и сказал:

– Любезный, в горах дико и дрянно, а у меня много работы. Два месяца назад утонул мой сын. Если хочешь, живи работником. Мы всегда спокойны и сыты.

В это время через двор прошла Нерра, улыбаясь себе, в солнце и ярком платье, богатая молодостью. Она скрылась. Вся картина знакомой фермерской жизни была для души Пека как оттепель среди суровой зимы, – тоска мучительного и опасного странствования.

– Хорошо, – сказал Пек.

Старик подбросил лопату. Пек пошёл в дом, где столкнулся с Нэфом, одетым и готовым к походу.

– Скорее, идём, – сказал Нэф.

– Нэф... я...

– Где же твоё ружьё?

– Послушай...

– Время дорого, Пек.

– Я здесь останусь работником.

Нэф отвернулся. Постояв с минуту, он прошёл мимо Пека, как мимо пустого места. У ворот он обернулся, увидев Нерру, смотревшую на него из-под руки.

– Ну, я пошёл, – сказал он.

– Прощай. Береги скальп.

Нэф досадливо отмахнулся. Девушка презрительно фыркнула и повернулась спиной к дороге, уходящей к горам.

4

Жизнь знает не время, а дела и события. Поэтому без точного исчисления месяцев, разделивших две эти главы, мы останавливаемся у окна, только что вымытого Неррой до блеска чистой души. Около неё стоял Пек.

– Что же мне теперь делать?

– Купать лошадей.

– Нерра!

– Отстань, Пек. Твоей женой я не буду.

Он смотрел на её гибкую спину, тяжёлые волосы, замкнувшиеся глаза и маленькие, сильные руки. Так, как смотрит рыбак без удочки на игру форели в быстром ключе. Он вдруг озлобился, вышел и повёл лошадей, а когда возвращался с ними, то заметил спускающегося по склону холма неизвестного человека в лохмотьях, так густо обросшего волосами, что сверкали только глаза и зубы. Человек шёл, сильно хромя.

– Пек! – сказал бродяга, взяв под уздцы лошадь.

- Нэф!!
- Я. Я и моё золото...
- Так ты не умер?
- Нет, но умирал.

Они вошли в дом. Пек привёл старика, Нерру; все трое обступили Нэфа, рассматривая его с чувством любопытной тревоги.

Его вид был ужасен. В дырах рубища¹ сквозило чёрное тело; шрамы на лице и руках, склеенные запёкшейся кровью, казались страшной татуировкой²; босые ноги раздулись, один глаз был завязан. Он снял мешок, ружьё, тяжёлый кожаный пояс и бросил всё в угол, потом сел.

– Скальп цел, – кратко сообщил он.

Девушка улыбнулась, но ничего не ответила.

Ему дали еды и водки. Он сел, выпил; на мгновение заснул, сидя, и мгновенно проснулся.

– Рассказывай, – сказал старик.

– Для начала... – заметил Нэф, отворачивая левый рукав.

От плеча до кисти тянулись обрывки сросшихся мускулов – подарок медвежьей лапы. Затем, поправив рукав, Нэф спокойно, неторопливо рассказал о таких трудах, лишениях, муках, ужасе и тоске, что Пек, посмотрев в угол, где лежал мешок с кожаным поясом, почувствовал, как всё это на взгляд стало приземистее и легче.

На другой день выпавшийся Нэф побрился, вымылся и оделся. Он перестал быть страшным, но вид его всё же говорил красноречиво о многом.

Оставшись с ним наедине, Пек сказал:

– Ты меня предательски бросил здесь, Нэф. Я колебался... Ты не утащил меня, как следовало бы поступить верному другу. И вот – ты миллионер, а я – по-прежнему нищий.

Нэф усмехнулся и развязал пояс. Взяв чайный стакан, он насыпал его до краев мутным, жёлтым песком.

– Возьми! – сказал он покрасневшему от жадности Пеку.

К вечеру Пек исчез. На кровати Нэф нашёл его записку и показал Нерре.

“Жадный, вероломный приятель! Прибыв страшным богачом, ты дал мне, всегдашнему твоему спутнику, жалкую часть. Будь проклят! Я уезжаю от тебя и развратной девки Нерры к своему дяде, где постараюсь лет через пять разбогатеть больше, чем ты, хитрый бродяга”.

¹ Рубище – ветхая, рваная одежда.

² Татуировка – рисунок, нанесённый на тело.

— Закурим этой бумажкой, — весело сказал Нэф. — Не бледней, Нерра; знай, дурак кусает лишь воздух. Послушай... Я сберёг скальп для тебя.

Она помолчала, затем положила на его плечо руку, а потом мягко перевела руку на вьющиеся волосы Нэфа.

— Через неделю будет пароход сверху, — сказала Нерра, — если хочешь, я поеду с тобой.

— Хочу, — просто ответил Нэф.

Так началась их жизнь. Одним мужем и одной женой стало больше на свете, богатым разными парами, но весьма бедным любовью и уважением.

У подъезда каменного зурбаганского театра сидел наш знакомый Хин, рассматривая по профессиональной привычке ноги прохожих; выше он почти никогда не поднимал глаз, считая это обычным.

Прошло несколько времени. На ящик Хина ступила небольшая мужская нога в лакированном сапоге; после неё — другая. Хин заботливо их почистил и протянул руку.

То, что оказалось в руке, сначала удивило его своим цветом, цветом не ассигнаций. Цвет был коричневый с розовым. Развернув бумажку, Хин, встав, с трепетом и почтением прочёл, что это чек на предъявителя, на сумму в пятьдесят тысяч. Подпись была “Нэф”.

Он судорожно огляделся, и показалось ему, что в зурбаганской пёстрой толпе легли тени пустыни и грозное дыхание диких мест промчалось над разогретым асфальтом, тронув глаза Хина свежестью неумолкающих водопадов.

Александр Степанович Грин (настоящая фамилия Гриневский) родился в Вятской губернии. Его отец был представителем белорусской шляхты¹. Мать — дочь чиновника. Значительное влияние на мальчика оказал его отец, который брал его на длительные экскурсии на природу.

С детства Александр любил книги о мореплавателях и путешествиях. Он мечтал уйти в море моряком и даже делал попытки убежать из дома. Окончил четырёхклассное городское училище. Потом бродяжничал, служил матросом, был солдатом. Объездил почти всю страну. Последние годы жил в городе Старый Крым, где сейчас его дом стал музеем.

Грин создал вымышленную страну Гринландию, в которой происходит действие самой популярной его повести “Алые паруса”.

¹ *Шляхта* — высшее сословие у поляков, белорусов. Шляхтич - дворянин.

Вопросы и задания

1. Читал ли ты произведения А. Грина раньше?
2. Как ты охарактеризуешь имена, использованные А. Грином в рассказе?
3. В чём смысл названия рассказа и почему он “феерический” ?
4. В чём, по-твоему, смысл жизни и как он раскрывается в рассказе? Что, по-твоему, означает фраза “Жизнь знает не время, а дела и события”? Узнай мнение родителей по этому вопросу.
5. Найди в тексте изобразительно-выразительные средства?
6. Сравни портретные характеристики Нэфа, Пека и Хина.
7. Можно ли назвать пословицей слова Нэфа: “Дурак кусает лишь воздух”?
8. Напиши эссе на тему: “Что такое целеустремлённость”.
9. Укажи неверное.

АБДУЛЛА ШАИК

(1881 – 1959)

ПИСЬМО НЕ ДОШЛО

1

Был морозный зимний день. Резкий холод обжигал лицо. Словно облекшись в траур, небо закуталось в плотную чадру¹, а горы и долины затаило белёсым саваном.

На улицах по снежным сугробам, боязливо озираясь, прыгали вороны. Тепло одетые, хорошо обутые люди, ездили в санях или шли пешком. И ничего, кроме удовольствия, не могли им доставить эта леденящая стужа и жестокий мороз. Неужели все несчастья и горести жизни выпадают только на долю неимущих?

Курбан сидел в конце Шайтан-базара², около своего земляка, уличного писца муллы Фарзали, писавшего письма и прошения. Курбан совсем окоченел от холода. Придерживая одной рукой ворот ветхой рубахи, а другой – отдирая чужак, примёрзший к ноге, он говорил:

– Напиши для меня письмецо, мулла. Ведь сам знаешь, какой я тебе доход приношу. Не прошло и года, как я приехал сюда из родных мест, а уже, считая с этим, заказываю тебе пятое письмо.

Мулла Фарзали потёр окоченевшие от холода пальцы. Достал клочок бумаги, положил его на колени и, позёвывая, спросил:

– Говори, земляк, что писать?

Курбан ещё ближе подсел к мулле и, словно собираясь поведать ему какую-то тайну, зашептал:

– Во-первых, мулла, напиши от меня привет матери моих детей. Напиши, чтобы она поцеловала за меня в глазёнки Анаханум и Мемиша, берегла их и лелеяла. Потом напиши, что и я, слава Аллаху, жив и здоров. Через Гулама-Рзу посылаю вам пятнадцать рублей, вышлю ещё; пусть ребятишки не терпят нужды ни в чём, а сам я приеду в конце весны.

¹ *Чадра* — платок-покрывало, закрывающее женщину с головы до пят.
Здесь употреблено в переносном смысле.

² *Шайтан-базар* — нефтяной промысел в Сабунчах, где были первые скважины Роберта Нобеля.

Окунув перо в чернильницу, мулла принялся было строчить письмо, но чернила так загустели, что писать было нельзя. Мулла Ферзали осторожно плюнул в чернильницу, размешал и принялся писать снова.

Курбан ещё плотнее запахнулся ветхим архалуком¹, прикрыв торчащие иглами волосы на груди, и весь съёжившись от пронизывающего холода, сокрушённо сказал:

— Эх, мулла-ами, к плохому человеку попал я на работу. Колодец прорыт уже больше чем на тридцать сажен². Мы просим, умоляем хозяина: «Ага, прибавь нам плату, — спускаться так глубоко нам не под силу, задыхаемся от газа». Но злодей, сын злодея, упрямится: «Будете, говорит, рыть, как прежде условились, а то не заплачу ни копейки». Трудно, мулла, зарабатывать здесь деньги. Вот у тебя завидное ремесло: напишешь за день десяток писем, прошений, пару молитв — вот и сыт. Да ниспошлёт тебе Аллах свою милость, что ещё хочешь?

Мулла Ферзали спрятал ручку и, захватив кончиками пальцев щепотку песка из выемки в стене, посыпал бумагу.

— Эх, земляк! — отвечал он. — Со стороны драка кажется забавой. Не такая уж приятная у меня работа, как это тебе кажется. Зимой и летом сиди на перекрёстке и жди, когда придёт заказчик. Иной раз уже в глазах начинает темнеть. А бывают дни, когда ни один человек не подходит. Так и сидишь, потирая пустое брюхо.

Мулла поплотнее закутался в свою абу³ и принялся громко читать написанное.

Курбан весь обратился в слух, сидя с разинутым ртом, словно собираясь проглотить выходящие из уст муллы слова, и потом с заблестевшими от радости глазами сказал:

— Мулла, напиши ещё поклон Гулам-Гусейну, и напиши, чтоб до моего возвращения он присматривал за ребятишками. Пусть он напишет мне, что стало с нашей золотой коровой, и продали ли слепую кобылу. И ещё напиши, что когда приеду, привезу Анаханум и Мемишу по красненькому узорчатому платочку.

Дописав письмо, мулла Фарзали аккуратно сложил его, положил в конверт и, обращаясь к Курбану, спросил:

— Земляк, на чьё имя послать письмо?

Курбан смущённо почесал затылок:

— Напиши, мулла, чтобы вручили матери детей Курбана.

¹ *Архалук* — в старину одежда, род короткого кафтана.

² *Сажень* — (устар.) русская мера длины, равная трём аршинам (2,13 м.).

³ *Аба* — плащ.

Написав это, мулла протянул конверт Курбану. Дрожащими от радости руками Курбан взял письмо, внимательно оглядел его и хотел было спрятать на груди, но письмо выскользнуло из его продрогших рук, и упало на землю. Быстро нагнувшись, Курбан схватил его и, осторожно очистив от мерзлой земли, бережно спрятал за пазуху.

Потом он достал из кармана кисет, вынул гривенник¹ и вложил в руку муллы.

— Возьми, земляк. К байраму я опять приду заказать новое письмо, тебе немало ещё перепадёт от меня.

Он зашагал, крепко прижимая к груди письмо. Ему захотелось поскорее добраться до жилища своего земляка Гулама-Рзы, вручить ему это письмо и передать кое-что на словах.

«Счастливец этот Гулам-Рза, — думал дорогой Курбан. — Сколотил немного денег и теперь поедет повидаться со своими детьми. Как чудесно будет там через месяц! Леса, горы и холмы покроются зеленью, расцветут цветы, деревья оденутся зелёной листвой, вернутся из тёплых краёв ласточки, первые вестницы весны. Скворцы, жаворонки и журавли начнут вить гнёзда. Всюду на полях и огородах закипит работа. Рыбаки пойдут рыбачить на реки и озёра. Эх, нужда, нужда, что ты сделала со мной? Бросила на чужбину, оторвала от жены и детей».

Слёзы подступили к самому горлу Курбана. На мгновение сердце его замерло, колени задрожали, и, теряя последние силы, он упал на хрустящий снег. Разбитый, изнемогший, с трудом придя в себя, Курбан приподнял голову. Перед глазами его замелькали рассекавшие шумную толпу нарядные сани, довольные, оживлённые лица одетых пешеходов. Курбан окинул эту сытую, самодовольную радость взглядом, полным горечи и ненависти, и с его бескровных губ сорвался тяжёлый вздох. Овладев собой, он медленно поднялся. Поспешно сунул руку за пазуху, убедился, что письмо там, и, ещё сильнее прижав его к груди, зашагал к дому своего земляка.

Дверь была заперта. Грустный и опечаленный, Курбан повернул обратно. Бродя, как помешанный, в густой толпе рабочих, он заметил вдруг другого земляка — Сафара. Курбан подошёл к нему, поздоровался и узнал, что Гулам-Рза ушёл в город.

— Как приедет Гулам-Рза, — попросил Курбан Сафара, — передай ему, что я заходил. Он должен непременно пови-

¹ Гривенник — (устар.) монета в десять копеек.

даться со мной перед отъездом. Я хочу послать с ним письмо и деньги семье и передать кое-что на словах.

Курбан пошёл домой.

2

— Подлецы! Негодяи! Пока колодец был неглубокий, головой был я, а хвостом они. Куда поворачивал я, туда они и шли. А теперь, когда колодец углублён, они хотят стать головой. Что ни день, то новые требования. Колодец, видите ли, глубок, там пахнет смертью... и всякий тому подобный вздор. Тьфу! Плевать я хотел на таких бесстыжих, бессовестных людей! Плеть, плеть, вот что вам нужно, — кричал, бесновался хозяин колодца Гаджи-Кули.

Сафар и Тариверди опорожнили поднятые из колодца ведра с песком и, прежде чем снова спуститься, Тариверди сказал хозяину:

— Ай, ага, мы по-прежнему были и остаёмся только хвостами, так сам посуди, сейчас опаснее всего работать в колодце. Ведь совесть тоже хорошая вещь.

— Взгляни, — перебил Сафар товарища, указывая рукой в сторону нефтяных промыслов, — под каждой пядью¹, под каждой горстью этой земли, всюду, куда ни ударишь заступом², наткнёшься на кости рабочих. Отовсюду слышатся их стоны. А тем, кто живёт в этих роскошных высоких домах...

— Ну и подышайте себе, — прерывая Сафара, закричал Гаджи-Кули, топнув ногой. — Вы думаете, деньги наживаются легко? Вы рискуете жизнью, а мы — золотом.

— Сафар, ай Сафар, — дёргал Курбан канат из скважины.

Сафар и Тариверди бросились к колодцу. Свесившись, они заглянули в глубь колодца, но вдруг оглушительный грохот взорвавшегося газа заставил их в ужасе отпрянуть.

— Да простит нас Аллах. И Курбан тоже погиб, — взволнованно прошептали они.

Гаджи-Кули, точно не слыша этих слов, опасливо подошёл к колодцу и осторожно склонился над ним. Глаза его загорелись радостью. Счастливая улыбка заиграла на губах.

— Выход нефти открыт, теперь она забьёт, — крикнул он в диком восторге.

— Гаджи, а как же тело Курбана? — с напускным равнодушием спросил Тариверди. — Так оно останется в колодце?

¹ Пядь — расстояние от большого пальца до конца указательного.

² Заступ — большая металлическая лопата.

Слова эти оторвали Гаджи-Кули от радужных мыслей. Он широко раскрыл глаза. Достав из кошелька две двадцатипятирублёвки, он процедил сквозь зубы:

— Тот, кто вытащит труп, получит пятьдесят рублей.

Тариверди подошёл к колодцу и, увидев поднимающуюся, клокочущую нефть, сказал:

— Бедный Курбан, ты своими руками вырыл себе могилу. Гаджи протянул им ассигнации.

— Возьмите, пусть эти пятьдесят рублей будут вашими, разделите их между собой, но смотрите, — про это никому ни слова.

— Ага, — спросил Сафар, — а как быть с одеждой?

Гаджи, опустив руку ему на плечо, ответил:

— Заройте её где-нибудь поблизости.

Когда Сафар и Тариверди, собрав одежду, встряхнули её, на землю упал конверт. На конверте было написано: «Вручить матери детей Курбана».

Сафар и Тариверди сокрушённо разглядывали конверт.

— Бедняга Курбан, письмо не дошло, — вздохнув, горестно прошептали они.

Абдулла Шаик (настоящая фамилия — Талыбзаде) родился в Тифлисе (Тбилиси) в семье священнослужителя. Учился в тифлисской городской школе. Потом семья переехала в Иран. Интерес к литературе появился у него в семь лет. Через восемь лет писатель вернулся в Тифлис, а потом оттуда переехал в Баку. Он самостоятельно изучил русский язык, сдал экзамен на учителя русско-татарских (азербайджанских) школ. Учительскую деятельность он совмещал с литературным творчеством.

Шаик писал рассказы, сказки, сценки, драмы. Он переводил басни Крылова, стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова...

Шаик знал три языка: азербайджанский, русский, персидский(фарси).

Шаик — один из лучших детских писателей Азербайджана.

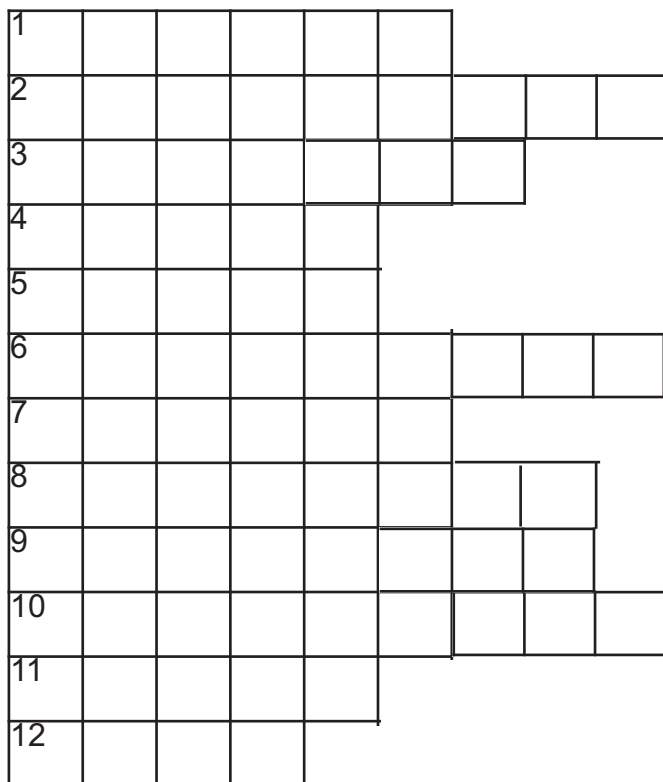
Вопросы и задания

1. Почему так злился Гаджи-Кули?
2. Чем, по мнению Гаджи-Кули, рискуют рабочие, а чем владельцы нефтяных колодцев?
3. Почему взрыв газа в колодце обрадовал Гаджи-Кули?
4. Почему друзья Курбана согласились молчать?

5. Что ты думаешь о времени, изображённом в рассказе?
6. Почему мечты и надежды Башир-киши (“Диляра”) и Курбана не сбылись?
7. Составь кластеры со словами “золото”, “бедность”. Сравни их с работой одноклассников и выбери лучший вариант.
8. Разгадай кроссворд.

- 1,2. Они относились к сиротам, как к родным внукам.
3. Муллу-писца из рассказа А. Шаика звали...
4. Девушка, шутившая над Нефом...
5. Прозвище Жана Шамета из рассказа “Золотая роза”.
6. Владелец обувного магазина из рассказа “Звук бегущих ног”.
7. Ребёнка, от имени которого ведётся повествование в рассказе “Солдаткино житьё”, звали...
8. Маленькая книга, переданная Рагимом Нуреддину...
9. Мачеху Нуреддина звали...
- 10,11. Рабочие, согласившиеся молчать о гибели Курбана (“Письмо не дошло”)...
12. План тайников с золотом Нефу передал...

СТИХОТВОРЕНИЯ О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Стихотворение в прозе — это прозаическое произведение, относящееся к лирическому роду. В нём есть лирический герой, о чувствах которого идёт речь. Оно посвящено одной мысли, в нём много эмоций.

Основоположником этого жанра считается И.С. Тургенев, а в азербайджанской литературе — Г. Гусейноглу.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

(1818-1883)

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя - как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

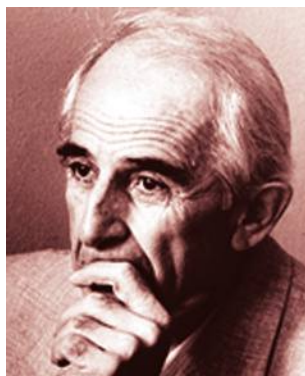
Иван Сергеевич Тургенев родился в Орле в дворянской семье. Детские годы провёл в богатом материнском имении Спасское-Лутовиново. Его отец, принадлежавший к славному роду, имевшему татарские корни, участвовал в Бородинском сражении¹. Получив домашнее образование, 15-летний Иван поступил в Московский университет, а затем перевёлся в Петербург. Окончив университет, Тургенев получил степень кандидата наук, но хотел продолжать учение. С этой целью он уехал в Германию. Будучи студентом, Тургенев стал писать стихи, а затем Тургенев писал рассказы, повести, романы.

¹ **Бородинское сражение** — крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 года, которую Россия вела против армии Наполеона Бонапарта (Франция). Об этой битве ты читал в 5-м классе (“Бородино” М.Ю. Лермонтова).

ГЮЛЬГУСЕЙН ГУСЕЙНОГЛЫ

(1923 – 2013)

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

С молоком матери, с воздухом отчизны в плоть и кровь свою впитал я тебя.

В хлебе моём и воде моей осязал я тебя.

Ты — в земле и камнях моих, в степях и лугах, в Куре и Араксе. В сердце моём — Каспии нашем!..

Что я без тебя? В тебе — слава моя, и отрада, и счастье, о язык мой, век и вековечность, язык мой азербайджанский! Азербайджанский мой язык!

Гюльгусейн Гусейноглы Абдуллаев родился в Масаллинском районе Азербайджана.

Когда ему было 3-4 года, семья переехала в Баку, где он закончил среднюю школу и поступил на филологический факультет Азербайджанского государственного университета.

Гюльгусейн Гусейноглы — автор научных работ, профессор, поэт, прозаик, Народный писатель Азербайджана. Он известен в Азербайджане как создатель стихотворений в прозе.

РАСУЛ ГАМЗАТОВИЧ ГАМЗАТОВ

(1923 – 2003)

РОДНОЙ ЯЗЫК

Всегда во сне нелепо всё и странно.
Приснилась мне сегодня смерть моя.
В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я¹.
 Звенит река, бежит неукротимо.
 Забытый и не нужный никому,
 Я распластался на земле родимой
 Пред тем, как стать землёю самому.

Я умираю, но никто про это
Не знает и не явится ко мне,
Лишь в вышине орлы клекочут где-то
И стонут лани где-то в стороне.
 И чтобы плакать над моей могилой
 О том, что я погиб во цвете лет,
 Ни матери, ни друга нет, ни милой,
 Чего уж там — и плакальщицы² нет.

Так я лежал и умирал в бессилье
И вдруг услышал, как невдалеке
Два человека шли и говорили
На мне родном, аварском языке.
 В полдневный жар в долине Дагестана
 Я умирал, а люди речь вели
 О хитрости какого-то Гасана,
 О выходах какого-то Али.

И, смутно слыша звук родимой речи,
Я оживал, и наступил тот миг,
Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь³, а родной язык.

¹ Эти две строки взяты из стихотворения М.Ю. Лермонтова. Было бы хорошо, если бы ты прочитал и его.

² *Плакальщица* — женщина, профессионально оплакивающая покойника.

³ *Знахарь* — лекарь-самоучка, умеющий излечивать болезни людей народными средствами.

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нём не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.
Я за него всегда душой болею.
Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны Ассамблеи¹,
Но, мне родной, он для меня велик.

Один из известнейших поэтов в Советском Союзе Расул Гамзатов родился в ауле Цада в Дагестане в семье Народного поэта Дагестана. Первым учителем Расула в поэтическом искусстве был его отец Гамзат Цадаса. В детстве ребёнок любил слушать отцовские рассказы о знаменитом Шамиле, о Хаджи-Мурате. Расул с детства знал наизусть все стихи своего отца. После окончания школы стал работать школьным учителем. Был помощником режиссёра в театре, журналистом. Учился в Москве в Литературном институте.

Писать стихи Расул начал в 9 лет, а печататься – в 14. Первая книжка стихов вышла, когда поэту было только 20 лет.

Два родных брата Расула погибли в Великую Отечественную войну. Может быть, поэтому Гамзатов написал потрясающее стихотворение “Журавли”, посвятив его защитникам Отечества.

Гамзатов, Герой Социалистического труда, награждён 12 орденами, многими медалями, премиями.

Гамзатов переводил на аварский язык произведения Пушкина, Лермонтова и других поэтов.

Вопросы и задания

1. Почему произведения И.С. Тургенева и Г. Гусейноглы называют стихотворениями в прозе?

2. Чем тебе понравилось стихотворение Р. Гамзатова?

3. Чем схожи эти стихотворения? А в чём их различие?

4. Можешь ли ты сказать, что любишь родной язык так, как эти поэты? Докажи это.

5. Постарайся выучить одно из стихотворений наизусть. Это тебе пригодится при обсуждении многих проблем.

6. Р. Гамзатов написал своё стихотворение на аварском языке. Постарайся узнать, кто так удачно перевёл его с аварского на русский.

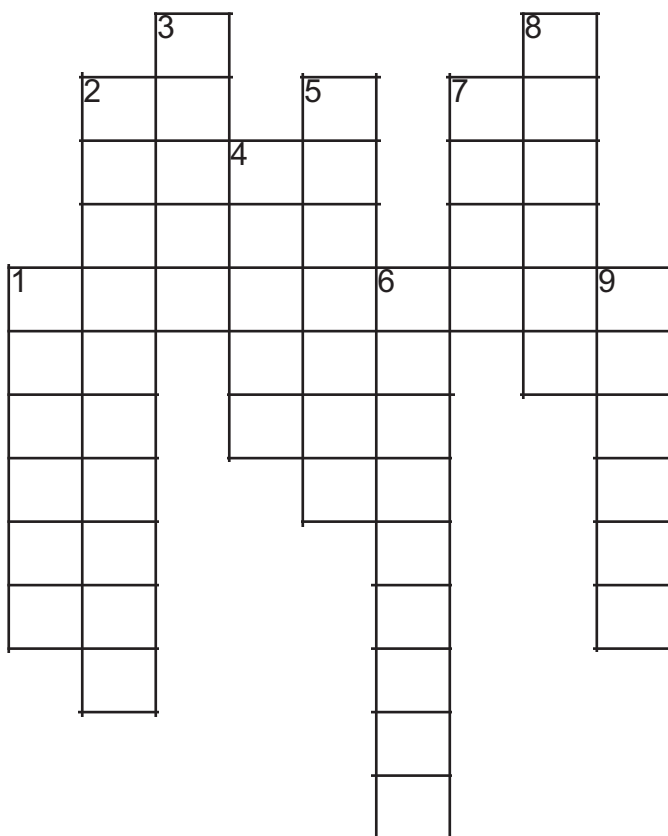
¹ Ассамблея — имеется в виду Генеральная Ассамблея ООН.

7. Напиши эссе о языке. Какое заглавие ты придумаешь для него? Посоветуйся с учителем по поводу своего выбора.

8. Разгадай кроссворд и прочитаешь фамилию великого русского поэта.

1. Кого в басне Эзопа предал Орёл?
2. Автор стихотворения в прозе об азербайджанском языке.
3. Герой предания “Искендер и пророк”, который обрёл бессмертие.
4. Герой, заказавший золотую розу для сиротки Сузи.
5. Герой азербайджанского дастана.
6. Кто подслушал разговор двух сов?
7. Кто причинил боль гусю?
8. Герой рассказа А.Н. Толстого “Русский характер”.
9. Герой удмуртского мифа.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

(1899 – 1966)

ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК

Язык грузинский, жадно и легко
Я пил тебя, как дети – молоко.
Меня взрастали соль твоя и мёд,
Меня крестили боль твоя и пот...

Я стал и повелитель, и слуга:
То мной подчас ворочают слова.
То я, с росой священной на лбу,
Таскаю их, как горы, на горбу.

Язык грузинский, ты – вся жизнь моя!
Ты – виноградник. Виноградарь – я!
Ты петть стремишься, ты всегда таков!
Как кровь струишься в жилах у стихов.

Ты вдохновляешь старца и юнца,
И, как народу, нет тебе конца!
Я счастлив тем, что всё тебе дарю,
Что о тебе тобою говорю!

Грузинский поэт Георгий Леонидзе родился в Грузии. Окончил духовную семинарию в Тифлисе. Потом учился в Тифлисском университете. Литературным творчеством занимался с 17 лет. Его стихи проникнуты патриотизмом. За свою литературную деятельность был награждён орденами, получил звание Народного поэта Грузии.

Вопросы и задания

1. О ком из поэтов можно сказать, что он настоящий патриот?
2. Какое из стихотворений запомнилось быстрее? Поделись своими мыслями об этом.
3. Если б тебе предложили выбрать самую удачную фразу из этих стихотворений, на какой бы ты остановился? Почему?
4. Что для тебя родной язык? Попробуй провести опрос по этому поводу.
5. Подготовь сообщение по творчеству одного из этих поэтов.
6. Выразительно прочитай стихотворение дома старшим. Выслушай их мнение о чтении.

Buraxılış məlumatı

ƏDƏBİYYAT 6

Ümumtəhsil məktəblərinin 6-cı sinfi üçün
Ədəbiyyat fənni üzrə

DƏRSLİK

(Rus dilində)

Tərtibçi heyət:

Müəlliflər: **Qafar Hüseynov**
Antonina Tretyakova

Redaktor: S. Hüseynova
Texniki redaktor: S. Hüseynzadə
Rəssamlar Q. Əskərova, N. Əliyeva
Dizayner: S. Yüzbaşov
Korrektor: P. Yüzbaşeva

*Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyinin
qrif nömrəsi: 2017 -080*

© **Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi — 2018.**

Müəlliflik hüquqları qorunur. Xüsusi icazə olmadan bu nəşri və yaxud onun hər hansı hissəsini yenidən çap etdirmək, surətini çıxarmaq, elektron informasiya vasitələri ilə yaymaq qanuna ziddir.

Fiziki çap vərəqi 14,5. Formatı 70x100 $\frac{1}{16}$.

Səhifə sayı 232. Ofset kağızı. Ofset çapı.

Tirajı 1663. Pulsuz. Bakı—2018.

“XXI” Yeni Nəşrlər Evi
Bakı şəhəri, Mətbuat prospekti, 529 məhəllə

Əziz məktəbli!

Bu dərslik sənə Azərbaycan dövləti tərəfindən bir dərs ilində istifadə üçün verilir. O, dərs ili müddətində nəzərdə tutulmuş bilikləri qazanmaq üçün sənə etibarlı dost və yardımçı olacaq.

İnanırıq ki, sən də bu dərsliyə məhəbbətlə yanaşacaq, onu zədələnmələrdən qoruyacaq, təmiz və səliqəli saxlayacaqsan ki, növbəti dərs ilində digər məktəbli yoldaşın ondan sən kimi rahat istifadə edə bilsin.

Sənə təhsildə uğurlar arzulayırıq!